

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 5.

МАРТЪ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Идеаль каеволической церкви по мнѣнію Владимира Сергѣевича Соловьева. **Н. Платонова** 567—592
- Гдѣ рай? (Продолж.). **Священ. І. Дмитревскаго** 593—612
- Вліяніе педагогическихъ и богословскихъ взглядовъ веофана Прокоповича на церковно-школьное образование и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVII вѣка. **Н.** 613—628
- Эстетическое созерцаніе природы. **И. К. Гладнаго** 629—642
- Познаніе сверхчувствен. міра. (Продол.). **И. С. Продана** 643—651
- Церковныя древности Харьков. края. (Продолж.) **Прот. П. Вомина** 652—666
- Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговица на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолж.). **Прот. І. Пичеты** 667—676

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІИ И ЗАМѢТОКЪ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Извѣстія и замѣтки.—Отчетъ о состояніи Харьк. Епарх. жен. училища (Прод).—Объявленіе отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—II. О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьк. епархіи. (Продолженіе). *Архимандрита Аванасія*.—Миссіонерскій листокъ.—Вопросъ сектантамъ. *Свящ. Михаила Бяляева*. Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 676—708).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются излѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

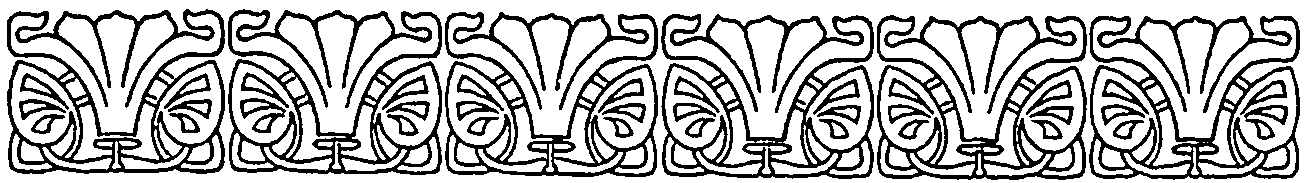
Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Марта 1913 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толмизъ.

ИДЕАЛЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ по мнѣнію Владимира Сергѣевича Соловьева.

Владимиръ Соловьевъ, одинъ изъ философовъ, возрѣнія которыхъ никогда не теряютъ своего значенія для лицъ, интересующихся философскимъ разрѣшеніемъ религіозныхъ проблемъ. Обладая способностью колоссальнаго синтеза, онъ брался разрѣшать (и чаще всего успѣшно разрѣшалъ) всякій вопросъ во всей широтѣ его постановки, какъ бы ни великъ былъ объемъ явленій, причастныхъ взятому вопросу. Эта мощность философскаго порыва привлекаетъ къ себѣ и заставляетъ внимательно разсмотрѣть и оцѣнить результаты его философствованія въ области религіозныхъ вопросовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые въ настоящій моментъ выдвинуты самой жизнью; одинъ изъ нихъ, несомнѣнно,—вопросъ о Церкви.

На этомъ вопросѣ съ особеннымъ, любовнымъ вниманіемъ останавливался Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Если „оправдать вѣру отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія“, явилось „задачей“ одного изъ обширныхъ трудовъ Соловьева¹⁾, то это же, по справедливости можно сказать, было цѣлью и всей его философіи. Освѣщая всѣ вопросы современности свѣтомъ христіанскаго ученія, Соловьевъ, какъ философъ, естественно, долженъ былъ прежде всего, или преимущественно, обратить вниманіе на философское обоснованіе самаго христіанства, показать его метафизическую сущность, разумность и практическую жизненность. Философское разрѣшеніе вопроса о Церкви, какъ выраженіе христіанской истины, являлось, такимъ образомъ, само собой.

¹⁾ „Исторія и будущее теократіи“.

Во многихъ сочиненіяхъ Вл. Соловьева разбросаны отдѣльныя мысли по этому вопросу, наиболѣе же стройно и выпукло его взглядъ на Церковь выраженъ въ трудахъ: „Великій споръ и христіанская политика“¹⁾, „Исторія и будущность теократіи“²⁾ и „La Russie et e' Eglise Universelle“³⁾.

Основываясь на нихъ и выяснимъ мысли нашего философа о сущности Церкви, Ея задачахъ; отдаленныхъ и болѣе близкихъ, и объ Ея внѣшней организаціи.

Для пониманія философскаго разрѣшенія какого-либо вопроса, необходимо, думается, ввести этотъ вопросъ въ общую философскую систему автора, посмотрѣть, черезъ какія промежуточные звенья мысль философа приходитъ къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса; тогда, зная уже основы рѣшенія, мы легче можемъ ориентироваться въ разсмотрѣніи самаго рѣшенія и вѣрнѣе оцѣнить его.

Вопросъ о Церкви Соловьевымъ ставится въ самую тѣсную связь съ выясненіемъ сущности дѣла Христова, Его троякаго общественнаго служенія—первосвященническаго, царскаго и пророческаго. Самую же тройственность служенія Богочеловѣка онъ обосновываетъ на тройственности понятій, заключающихся въ идеѣ человѣка; эти же послѣднія опредѣляются въ свою очередь идеей міротворенія, до которой Соловьевъ доходитъ, отправляясь въ своихъ изысканіяхъ отъ общаго понятія объ Абсолютномъ Существовѣ. Поэтому я и позволю себѣ для уясненія разсужденій Соловьева о Церкви прежде всего изложить общія основы его религіозно-философскаго воззрѣнія.

Божество есть истинное бытіе и, какъ таковое, Оно есть бытіе *единое*⁴⁾. Это единство, однако, вовсе не предполагаетъ отчужденности, самозамкнутости Сущаго; напротивъ оно все обнимаетъ собою, все объединяетъ въ себѣ и, не противопоставляя себѣ множественности, съ присущимъ ему сознаниемъ своего превосходства господствуетъ надъ своей противоположностью⁵⁾. Все, что истинно-божественно,

¹⁾ и ²⁾ Полное собраніе сочин. СПб. изд. Т-ва „Обществ. польза т. IV.

³⁾ Послѣднее сочин. вышло въ русскомъ переводѣ, но я пользовался фр. изд. Paris. Deuxième édition.

⁴⁾ Курсивъ въ текстѣ мой. Н. П.

⁵⁾ „La Russie et“... стр. 204.

что въ своемъ родѣ абсолютно, должно обладать этимъ „свойствомъ единства—всеполнотою“ (d' uniplénitude) ¹⁾. Въ этомъ единствѣ, въ виду того, что оно не исключаетъ, а лишь владѣетъ множественностью, возможно различать существенно объединенные моменты или формы бытія. Всякое живое существо реального міра, тоже относительно единое, въ отношеніи къ присущей ему объективности прежде всего обладаетъ ею, какъ нѣкоею реальностью, оно дѣйствительно *есть*. Вмѣстѣ съ тѣмъ живое существо носитъ въ себѣ, хотя-бы лишь въ возможности, способность обнаруженія своей субстанции, способность *дѣйствованія*. Наконецъ оно болѣе или менѣе отчетливо сознаетъ, что именно оно *обладаетъ* бытіемъ и дѣйствованіемъ ²⁾. Эти три момента въ конечномъ существѣ, естественно, не носятъ характера абсолютности: здѣсь нѣтъ изначальнаго бытія „въ себѣ (en soi)“, нѣтъ дѣйствія исключительно „черезъ себя (par soi)“ и нѣтъ полнаго возвращенія въ самосознаніи „къ себѣ (à soi-même)“ ³⁾. Лишь въ Божествѣ эти атрибуты всякаго существа достигаютъ наивысшаго развитія и въ Божественной жизни реализуются въ Тріединствѣ Впостасей—Отца, Сына, Рождаемаго отъ Отца, и Святаго Духа, Исходящаго отъ Отца и Сына.

Эти три совершенно равноцѣнные, „относительные субъекты (sujets relatifs)“ ⁴⁾ нераздѣльно пребываютъ въ Единой Абсолютной Субстанции Св. Троицы, Которую (субстанцію) Соловьевъ опредѣляетъ, какъ „Существенную Премудрость Божию (la Sagesse essentielle de Dieu)“ ⁵⁾; Она тройственнымъ же путемъ проявляется въ твореніи міра и направленіи всей его дальнѣйшей судьбы.

Божественная Премудрость — совершенное единство. Богъ существуетъ, эта *Абсолютная* Субстанція, и всякая анархическая множественность—хаосъ, антитеза Божественнаго существа, сведена на положеніе лишь чистой возможности; она можетъ не существовать ⁶⁾. Но Богъ, какъ существо совершенное, не хочетъ однимъ своимъ *всемогуществомъ* подавить хаосъ; Онъ противопоставляетъ ему идею своей *истинности* и, раскрывая ложность хаоса, различая его отъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. стр. 206.

³⁾ Ibid. стр. 207.

⁴⁾ Ibid. стр. 222.

⁵⁾ Ibid. стр. 223.

⁶⁾ Ibid. стр. 225.

своей совершенной всеобщности, каждое проявленіе множественности препобѣждаетъ Своей *благодатью*, внутренне измѣняющею хаосъ и свободно приводящею его къ единству ¹⁾. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы „быть всѣмъ“, Богъ хочетъ, чтобы сама множественность, сознавъ ложь своего бытія, свободнымъ усиліемъ, постепенно становилась тѣмъ, что Онъ есть отъ вѣка — „абсолютнымъ всѣмъ“ (le tout absolu) ²⁾; необходимо, значить, чтобы множественность получила *волю*, воля же обязательно требуетъ наличности *субъекта*, который бы управлялъ ею. Ради этого Вѣчный Отецъ, воздерживаясь отъ проявленія присущаго Ему всемогущества, вызываетъ къ жизни иллюзорно-божественное бытіе „*мировой души*“ (e' âme du monde), антитипъ Премудрости; это первое твореніе Божіе въ состояніи чистой мощи отъ вѣка существовало въ Богѣ, „какъ сокрытая основа Вѣчной Премудрости“ ³⁾; въ немъ реализовалось лишь возможное до тѣхъ поръ анархическое бытіе хаоса, но чрезъ эту же реализацію въ субъектѣ *мировой души* открылось мѣсто и противоположному желанію—стремленію ко всеединству ⁴⁾.

Для осуществленія этого темнаго еще желанія *мировой души*, тяготящейся своимъ безсиліемъ побороть разъединенность нестройнаго существованія хаоса, дѣлаются нѣкоторыя движенія, и на каждое изъ нихъ „Слово Божіе“ отвѣчаетъ *идеей* божественнаго единства, устанавливая, какъ слабый отблескъ его, формальныя единства пространства, времени и механической причинности. Затѣмъ совмѣстнымъ усиліемъ *мировой души* и Божественной *благодати* (Духа Святого) хаосъ превращается въ космосъ, постепенно устанавливая три единства: механическое, динамическое и органическое.

Такъ полагаются въ неразумной природѣ три начала, грубо отображающія идеальное всеединство.

Наконецъ, создается человекъ, существо, въ которомъ „черезъ разумъ земля возвысилась до небесъ“ ⁵⁾; онъ по своей идеѣ, обладая образомъ Божіимъ, могъ объять все въ

¹⁾ Ibid. стр. 227.

²⁾ Ibid. стр. 230.

³⁾ Ibid. стр. 235.

⁴⁾ Ibid. стр. 236.

⁵⁾ Ibid. стр. 257.

идеальномъ единствѣ, слѣдовательно, выполнить задачу творенія успокоить мятущуюся міровую душу.

Такимъ образомъ цѣль человеческой жизни раздѣльнѣе представляется, какъ необходимость I утвердить свое личное единство, какъ „человѣка“ и II къ полному единству съ Божествомъ привести весь виѣ-божественный міръ. Для выполнения первой задачи человѣкъ долженъ былъ познать себя, какъ существо активное, познающее (мужъ) и существо пассивное, познанное (жена); *познать раздѣленіе въ себѣ и затѣмъ сознательно уничтожить его* ¹⁾.

Міровое объединеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ соотвѣтствующая среда, дающая мѣсто осуществленію всего того, что *in potentia* заключено въ человеческомъ индивидуумѣ: необходимо общество для дѣятельности человѣка ²⁾.

Отличительныя свойства мужчины и женщины и основной законъ всякаго общества (законъ солидарности) это ростокъ (*un germé*), который развивается во всемірной исторіи, и имъ приносится тройной плодъ: „совершенная женщина или обожествленная природа, совершенный мужъ или человекъ-Богъ и совершенное общеніе Бога съ людьми-совершенное воплощеніе Вѣчной Премудрости ³⁾“. Только тогда закончится бытіе хаотическаго по своей первоначальной тенденціи міра.

По задачѣ своего бытія человѣкъ долженъ былъ выполнить тройное служеніе: быть *священникомъ* (служителемъ) Бога, *царемъ* низшаго міра и *пророкомъ* будущаго всеединства. Отступивъ въ грѣхопадении отъ этихъ предначертаній, человѣкъ, однако, не погибъ совершенно для выполненія своей миссіи ⁴⁾.

Руководимое Богомъ человечество приближалось къ истинно-божественной жизни, пока не образовало реального центра всей міровой жизни—*Мессію*.

Христосъ явилъ въ Себѣ осуществленіе идеальнаго единства, Онъ соединилъ небо съ землею. „Человѣкъ“ въ совершенномъ смыслѣ этого слова, плодъ всечеловѣческой природы, возвысившейся до святѣйшаго величія и непорочности Пресвятой Дѣвы, Онъ объединилъ въ Себѣ весь міръ,

¹⁾ Ibid. стр. 259.

²⁾ Ibid. стр. 359.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. стр. 286.

и такимъ образомъ, миссія человѣка, строго говоря, оказалась законченной. Между тѣмъ исторія міровой жизни не прекратилась; идеально объединившись во Христѣ съ небомъ, человѣчество (какъ представитель всей Земли) еще *не преобразилось внутренне*, и эту-то цѣль дѣйствительнаго преображенія человѣчества въ его совокупности имѣетъ передъ собою исторія христіанскаго міра.

Такъ какъ Христосъ сталъ дѣйствительнымъ центромъ человѣчества, осуществивъ всѣ три служенія человѣка, то человѣчество теперь имѣетъ возможность объединиться уже не въ *относительное* единство (иллюзію единства истиннаго), какъ было до Христа, когда возникали различныя монархіи, претендующія на всемірность; теперь есть возможность примкнуть къ *абсолютному* единству, уже реализованному однажды, во Христѣ, только нужно что-либо реальное, здѣсь на землѣ, чтобы, примыкая къ нему, человѣкъ непосредственно соединялся со Христомъ и въ этомъ соединеніи жилъ уже не ложной, а истинной жизнью. Это нѣчто, соединяющее черезъ Христа Божественное съ человѣческимъ, и есть *Церковь*. Она является продолжательницей Боговоплощенія, но уже не въ одну личность, а во весь міръ. И какъ Христосъ былъ истиннымъ первосвященникомъ, царемъ и пророкомъ, такъ и это міровое боговоплощеніе проявляется, какъ первосвященническое, царское и пророческое служеніе человѣчества.

Такимъ образомъ, вопросъ о Церкви занимаетъ вполне определенное мѣсто въ богословской системѣ Вл. Соловьева. Все, изложенное нами до сихъ поръ, является какъ бы предпосылками къ разрѣшенію этого вопроса. Въ нихъ различаются, какъ мы видѣли, три основныхъ положенія: I бытіе Единой Троичной Премудрости (въ видахъ Отчества, Сыновства и Безусловнаго взаимнаго единенія ихъ); II бытіе міра съ задачей достигнуть истиннаго единства (личнымъ послушаніемъ человѣчества, побѣдой надъ матерьяльной анархической природой и реальнымъ объединеніемъ всего съ Абсолютнымъ Существомъ) и III центральное положеніе въ человѣчествѣ Христа (Священника, Царя и Пророка). Они мыслятся при разсматриваніи процесса, какимъ Божество сходило къ человѣку, идеальному центру міровой жизни; они же, по мнѣнію Соловьева, мыслятся въ обратномъ порядкѣ и въ

процессъ возвышенія міра къ Богу черезъ реальный центръ жизни Христа.

Въ этомъ процессѣ развитія человѣчество (вѣнецъ міра) должно признать центральность въ мірѣ Богочеловѣка, реально соединяясь съ нимъ, выполнить свою задачу и этимъ выполненіемъ достигнуть реального всеединства въ сущности Божественной Софіи.

Вселенская церковь, перерождающая человѣчество, воплощаетъ въ себѣ эти три идеи, именно: признавъ центральное положеніе Христа, проявляетъ это сознаніе въ троичности своего служенія міру, а въ своемъ устройствѣ отражаетъ идеальное Тріединство Абсолютной Сущности. Такой общій взглядъ устанавливаетъ Вл. Соловьевъ на идею Христовой Церкви.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его частныхъ мыслей.

Со стороны своего происхожденія Церковь можетъ разсматриваться, какъ *зданіе*, основанное Христомъ, „какъ новая общая форма бытія¹⁾“, а человѣческіе элементы, какъ камни, изъ которыхъ создается это зданіе. Архитектурный планъ этой всемірной постройки данъ Самимъ Богомъ, и потому люди, добровольно повинувшись ему, тѣмъ самымъ объединяются въ своей волѣ съ волей Великаго Архитектора.

Однако, человѣчество должно не только повиноваться своему Зиждителю, но должно и *самодѣятельно жить*, само пріобщаться жизни Богочеловѣческой, и въ этомъ отношеніи Церковь является „дорогой (*le chemin*), связывающей дѣло человѣческое и Божественное²⁾“, обнаруживается, какъ „богочеловѣчскій организмъ, невидимый въ своей таинственной мощи, но видимый въ своихъ дѣйствительныхъ проявленіяхъ³⁾ — короче говоря, становится живымъ *тѣломъ* Христовымъ.

Такъ какъ въ Церковь входитъ въ полномъ объемѣ понятія человѣчество, которое можетъ развиваться, совершенствоваться и преображаться, то съ этой стороны Церковь есть „нѣчто, нами самими совершаемое, измѣняющееся и подвижное⁴⁾“. Но есть неизмѣнная, независимая отъ насъ сторона въ церкви—это Богочеловѣкъ, Возглавляющій Ее,

1) „Исторія и будущее теократіи“. стр. 556.

2) „La Russie et“. стр. 131.

3) Ibid. стр. 37.

4) „Великій споръ и хр. пол.“ стр. 46.

и непосредственное обнаруженіе Его власти въ Церкви—Его обладаніе всѣмъ своимъ тѣломъ. Это присутствіе Христа въ Церкви не есть только мыслимое присутствіе, но присутствіе реальное, особенно ясно обнаруживающееся въ таинствѣ причащенія: здѣсь „личное тѣло Господа таинственнымъ, но реальнымъ образомъ становится объединяющимъ началомъ Его собирательнаго Тѣла—общины вѣрныхъ ¹⁾“, и такимъ образомъ, человѣческое общество пріобрѣтаетъ ту же субстанцію, что и личность Воплощеннаго Христа, становится одно съ Нимъ.

„Въ этой истинѣ Богочеловѣка и богочеловѣчества—вся сущность Церкви“ ²⁾, говоритъ Соловьевъ. Только въ настоящее время еще не чувствуется, такъ сказать, осязательно это совершенное Боговоплощеніе въ человѣческомъ обществѣ, осуществляющее абсолютное единство. Человѣчество должно еще дорасти до него, чтобы *сознательно* его осуществить—и, когда достигнется это, Церковь явится уже не только, какъ зданіе, не только, какъ тѣло, но какъ собирательная *личность*—Невѣста Христова ³⁾.

Опредѣляя метафизическое существо Церкви, какъ зданіе, тѣло и личность, или короче, какъ „Богочеловѣчество“ ⁴⁾, Соловьевъ отмѣчаетъ, что въ Церкви человѣчество *признаетъ* (какъ матерьялъ зданія), *проявляетъ* (какъ живое тѣло) и *утверждаетъ* (какъ сознательная личность) центральное положеніе Христа и, такимъ образомъ, въ ней проходитъ первую ступень въ своемъ шествованіи къ Богу. Церковное человѣчество живетъ и, если оно стремится къ постиженію и реализаціи въ себѣ верховнаго принципа единства, то такая жизнь есть жизнь истинная, и Церковь практически является, именно, „организаціей истинной жизни“ ⁵⁾. Какъ таковая, не только пребывающая, но и дѣйствующая, живая, Она имѣетъ передъ собой опредѣленныя задачи, которыя и должна выполнить.

Коиечная задача Церкви—явить въ мірѣ царствіе Божіе. Это царство Божіе не терпитъ никакихъ ограниченій, оно

¹⁾ „La Russie et“ стр. 262.

²⁾ „Вел. споръ“ стр. 29.

³⁾ „Истор. и буд. теокр.“ стр. 563 и слѣд.

⁴⁾ „Велик. споръ“ стр. 49.

⁵⁾ „Истор. и б. теокр.“ стр. 228.

всесторонне охватываетъ жизнь, безгранично, какъ самъ Богъ. „Есть Царство Божіе *внутри* насъ, есть оно и *внѣ* насъ“¹⁾. Внутреннее (субъективное) Божіе царствованіе въ насъ даетъ намъ увѣренность и во внѣшнемъ (объективномъ) царствѣ Бога. Цѣль всѣхъ нашихъ усилій—„полное сраствореніе внутренняго царствія Божія со внѣшнимъ“²⁾. Цѣль эта является идеаломъ для человѣчества, концомъ всего Божьяго дѣла въ мірѣ³⁾. Ближайшая же задача Церкви—создать условія, благопріятствующія реализаціи этого идеала, подобно тому, какъ въ самомъ человѣкѣ реализуются идеалъ природы⁴⁾. Церковь является при такомъ пониманіи „формой“⁵⁾ Царствія Божія. Она постепенно все болѣе и болѣе должна открывать этотъ конечный идеалъ, и въ ней, именно, Царство Божіе „если не совершилось, то должно совершаться“⁶⁾.

Эта основная задача можетъ быть расчленена на задачи, болѣе частныя.

Церковь (тѣло Христово) должна *организоваться въ общество*. Та или другая среда необходима человѣчеству съ начала его бытія до осуществленія конечной цѣли, и послѣднимъ дѣломъ Бога, является, должно явиться, „твореніе вселенскаго совершеннаго общества“ (*la création d'une société universelle parfaite*)⁷⁾. Соціальныи порядокъ является средствомъ, въ которомъ реализуется въ широкомъ смыслѣ богочеловѣческое единство⁸⁾. Значитъ, и Церковь, какъ реализація человѣческаго идеала, должна явить себя, какъ опредѣленное общество.

Для достиженія такой организаціи Церковь должна не только вѣрить въ живущую въ ней сверхчеловѣческую истину, но „*дѣйствовать* для проведенія данной истины въ жизнь“⁹⁾. Божественная святыня—богооткровенное ученіе, іерархія и таинства—это первое и главное въ Церкви, но это еще не все. Человѣчество, входящее въ Церковь, само должно взяться за дѣло христіанизаціи всей жизни, не оставляя внѣ Церкви той или другой стороны своего соци-

1) Ibid. стр. 543.

2) Ibid.

3) „La Russie et...“ стр. 127.

4) „Ист. и б. теокр.“ стр. 555.

5) Ibid. стр. 548.

6) Ibid. стр. 565.

7) „La Russie et...“ стр. 126.

8) Ibid. стр. 125.

9) „Вел. споръ“ стр. 44.

ального существованія. Вѣдь Церковь есть „Богочеловѣчество“; и какъ въ индивидуальномъ Богочеловѣкѣ челоѣчество не поглотилось Божествомъ, такъ и въ собирательномъ Богочеловѣчествѣ челоѣческое начало не должно парализоваться Божественнымъ. Первое должно свободно согласоваться и соединяться со вторымъ, отнюдь не подчиняясь рабски ему¹⁾. Вся социальная жизнь должна перестроиться согласно съ идеаломъ Церкви, такъ, чтобы святая Церковь, усвоенная черезъ подвигъ самоотверженія, исцѣлила, преобразила и воскресила всю природную жизнь челоѣвка²⁾.

Какъ при совершеніи таинства причащенія видимыя формы освященнаго вещества остаются прежнія, но внутренне пресуществляются, такъ и социальная жизнь челоѣчества, освященная Христомъ черезъ Церковь, сохраняя свою форму, должна внутренне переродиться³⁾. Церковь же, работающая въ этомъ направленіи, должна явиться, какъ объективно существующая *власть*⁴⁾. Божественное начало должно править началомъ челоѣческимъ и притомъ не только невидимо, но и *видимо* черезъ постоянныя формы и орудія своего дѣйствованія, подобно тому, какъ благодать и истина Христовы не остаются невидимыми для земного челоѣчества, а имѣютъ реальныя, видимыя обнаруженія (въ таинствахъ, въ словѣ Божіемъ и т. д.)⁵⁾. Основывая Церковь, Христосъ передалъ Ей свою власть и слѣдовалъ въ этомъ *разуму Троицы* (*ratio Trinitatis*)⁶⁾, такъ что, если бы Церковь отказалась отъ этой власти надъ челоѣчествомъ, надъ всѣми проявленіями его жизни, Она перестала бы быть Христовой Церковью⁷⁾.

Владѣя міромъ для реализаціи въ немъ Божественной истины, Церковь имѣетъ въ виду утвердить ее, это основаніе Вселенскаго зданія, какъ догматъ *вѣры* и оправдать этотъ догматъ для *сознанія*; для выполненія же этого она

1) Ibid. и „La Russie et...“ стр. 89—90.

2) Ibid. стр. 46.

3) „La Russie et...“ стр. 127.

4) „Истор. и б. теокр.“ стр. 566.

5) Ibid.

6) „La Russie et...“ стр. 299.

7) Ibid. стр. 69.

должна обладать совершенной *непогрѣимостью*¹⁾. Хотя въ Церкви истина открывается при участіи и человѣческаго сознанія, но человѣчество должно быть увѣрено, что способъ сообщенія истины вѣры обезпечиваетъ ихъ правильность, безъ чего невозможно самое усвоеніе истины.

Тѣмъ, что Церковь является организаціей истинной жизни, Ей ставится задача въ самой себѣ реализовать эту истинную жизнь. „Истинная же жизнь (прежде всего) въ своемъ настоящемъ сохраняетъ свое прошлое и не устраняется своимъ будущимъ, а возвращается въ немъ къ себѣ и своему прошлому“²⁾. Другими словами, истинная жизнь есть выраженіе истиннаго единства, неразрушаемаго временемъ, значить, и Церковь должна быть *выраженіемъ* такого истиннаго *единства*—всеполюты. При этомъ отдѣльная личность, входящая въ Церковь, не уничтожается; не теряются въ Ней и высокія идеи, заложенныя въ существо христіанскихъ народовъ, но „нѣтъ въ христіанскомъ мірѣ двухъ культуръ; есть двѣ общія концентрическія сферы жизни“³⁾ (церковная и гражданская), взаимно объединенныя.

Если строй настоящаго въ объединеніи настоящаго, прошедшаго и будущаго человѣчества отражаетъ Абсолютное Единство,—тогда Церковь, дѣйствительно, является *выраженіемъ* существеннаго *Богочеловѣческаго единенія*⁴⁾.

Таковы задачи, требующія разрѣшенія и осуществленія ихъ во Вселенской Церкви. Если выходить изъ положенія земной дѣйствительности и возвышаться къ идеалу, то задачи эти представляются въ порядкѣ, обратномъ намѣченному у насъ: Церковь должна 1) отобразить идеальное единство, 2) представить сердцу и сознанію человѣчества непреложную истину и 3) пользуясь данной Ей властью, организовать въ стройное общество для успешнаго достиженія конечной цѣли, проявленія въ мірѣ объективнаго Царствія Божія. Эти задачи Церкви опредѣляютъ цѣль жизни христіанскаго человѣчества и вполне соотвѣтствуютъ изначальному назначенію разумаго существа. Церковное человѣчество, реализуя, такимъ образомъ, задачи Церкви (подчиняясь Ея истинности,

1) Ibid. стр. 38.

2) „Ист. и буд. теокр.“ стр. 228.

3) „Великій споръ“ стр. 28.

4) „La Russie...“ Вступленіе стр. XVI.

пользуясь данной Ей властью и объединяясь въ ней въ братскій союзъ), тѣмъ самымъ восходитъ на вторую ступень невидимой лѣстницы, соединяющей землю съ небомъ. Если все человѣчество взойдетъ на эту ступень, другими словами, выполнить свое назначеніе (быть единымъ въ себѣ съ міромъ и Богомъ), то тогда откроется Царство Божіе, „пришедшее въ силѣ“, и исторія земной церкви прекратится. Міръ, сконцентрированный въ человѣчествѣ, свободнымъ своимъ усиліемъ объединится и въ чувствѣ, и въ волѣ, и въ сознаніи со своимъ Творцомъ.

Теперь и является потребность отвѣтить на вопросъ: какъ же должна быть организована земная жизнь Христовой Церкви, чтобы скорѣе и совершеннѣе „возрости въ мѣру возраста исполненія Христова“ и явиться „Невѣстой Христовой“, выполнивъ всѣ задачи?

Вл. Соловьевъ даетъ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Къ изложенію его и перейдемъ.

Въ составъ Церкви, долженствующей отобразить въ себѣ идею Божественнаго Всеединства, входятъ, какъ элементы, различныя части человѣчества, но при наличности нѣкоторыхъ условій; хотя по своей идеѣ Церковь есть учрежденіе вселенское, хотя связь въ ней Божества со всѣмъ человѣчествомъ даже болѣе обширная, болѣе позитивная, чѣмъ во Христѣ¹⁾, но вступаетъ въ эту связь лишь тотъ, кто признаетъ отеческую власть въ Церкви, исповѣдуетъ Сына Божія и участвуетъ въ благодатныхъ дарахъ Святого Духа²⁾. Первое изъ этихъ условій обязываетъ признать единство человѣка, семьи и общества единствомъ относительнымъ и стремиться къ болѣе совершенному. Идеальное, метафизическое единство, сосредоточивается во Христѣ, земная же Церковь должна имѣть *видимый для всѣхъ институтъ*, который давалъ бы Ей возможность не только идеально, но и реально служить идеѣ всеединства³⁾.

Этотъ институтъ долженъ быть божественнымъ по своему происхожденію, своей цѣли и силамъ, и—человѣческой по своимъ средствамъ⁴⁾. Задача этого видимаго института

1) „La Russie et...“ стр. 90.

2) „Беликій споръ“ стр. 98.

3) „La Russie et...“ стр. 38, 128 и т. д.

4) Ibid.

—дѣйствовать въ мірѣ, находясь въ реальномъ общеніи со Христомъ и со всѣмъ прошлымъ въ Церкви. Не можетъ представлять такого института весь народъ Церкви, т. к. „всегда и вездѣ по своему здравому смыслу народъ признавалъ неспособность человѣческаго большинства къ непосредственному „разговору съ Божествомъ“¹⁾. Всеобщее священство существуетъ лишь въ потенціи; дѣйствительное же пользованіе этимъ правомъ должно быть добыто черезъ подчиненіе закону Божию, ритуальному закону жертвы, закону общественнаго строенія и нравственному закону жизни²⁾. Поэтому и въ Церкви „строй Ея долженъ быть не анархическій, а строго іерархическій“³⁾. Нужны въ Церкви люди, которые черезъ преемственное посвященіе отъ апостоловъ были бы неложными носителями и хранителями церковной истины, а народъ долженъ повиноваться такому строю, какъ строю Богоучрежденному. Іерархія объединяетъ въ себѣ чужія, наличность и прошлое всего церковнаго общества. Она оберегаетъ святыню Церкви, она преподаетъ таинства, она же управляетъ Церковью. И въ самой іерархіи нѣтъ мѣста анархическому началу; и здѣсь все строено и стремится къ осуществленію единства; общее международное священство должно объединиться во всеобщемъ *отцѣ* или вселенскомъ *первосвященникѣ*⁴⁾.

Это единичное первосвященство прежде всего получаетъ божественную истину. Истина открывается черезъ вѣру, значить, въ согласіи съ единствомъ истины, и истинная вѣра должна быть одна. Единство же вѣры должно обуславливаться законнымъ авторитетомъ *одного руководителя*, гарантироваться Божественнымъ присутвіемъ и приниматься любовью и довѣріемъ вѣрныхъ⁵⁾. Но не справедливѣ ли думать, что истина вѣры открывается совокупности всѣхъ іерарховъ, собору ихъ?

Если допустить это, то нужно думать, что она утверждается или единодушнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ собора или ихъ большинствомъ. Второй способъ исключительно-

1) Истор. и б. т. стр. 421.

2) Ibid. стр. 438.

3) Ibid. стр. 558 и „La Russie et...“ 92.

4) Ibid. стр. 230.

5) „La Russie...“ стр. 120.

человѣческой, первый же, къ несчастью, противорѣчитъ условіямъ человѣческой дѣйствительности и крайне рѣдко наблюдается въ исторіи: такое единство религіознаго сознанія —цѣль дѣла Христова¹⁾.

Основная истина христіанства, Богочеловѣчество Христа, открылась черезъ свободное взаимодействіе Отца Небеснаго и *одной* человѣческой личности (Дѣвы Маріи), такъ же открываются и всѣ вообще истины вѣры. Когда Христосъ при Кесаріи Филипповой спросилъ: „вы Меня за кого почитаете“ — всѣ апостолы, этотъ „первый вселенскій соборъ“²⁾, молчали, и только *одинъ* ап. Петръ безъ всякаго совѣщанія съ другими, безъ всякаго одобренія исповѣдалъ Христа „Сыномъ Бога Живого“! Сама по себѣ природная личность апостола, по мысли Соловьева, ничѣмъ не выдѣлялась изъ общины соапостоловъ, но *только ему* благоволилъ Отецъ Небесный открыть величайшую истину, а Христосъ указалъ, что *на немъ*, именно основываетъ свою Церковь, и врата ада не одолѣютъ Ея. Невидимый камень Церкви—Христосъ кладетъ на землѣ первый видимый камень Ея—Петра³⁾ и общаетъ ему постоянную незыблемость, слѣдовательно, въ немъ полагаетъ свою непреложную истину, которая должна постоянно открываться въ Церкви лишь чрезъ опредѣленную личность—апостола Петра.

Но ап. Петръ умеръ. Откровеніе же истины, предназначенное имъ, не могло исчезнуть въ Церкви, не измѣнился и способъ этого откровенія: по общему сознанію Церкви, какъ пытается доказать Соловьевъ, ссылаясь на творенія древнихъ отцовъ Церкви и на дѣянія IV-го Вселенскаго собора, Петръ, получившій приматство въ Церкви, говоритъ теперь въ ней черезъ своего преемника, римскаго епископа“. Апостоль Петръ является типичнымъ представителемъ такого вида теократіи, когда человѣчество свободнымъ усиліемъ и дѣйствіемъ Божественной благодати входитъ въ неразрывную связь съ Богомъ, а какъ таковой, онъ по праву становится центромъ этой Вселенской теократіи, т. е. Церкви⁴⁾. Поэтому онъ или точнѣе, „его могучій и бессмертный духъ, таинственно связанный съ его могилою въ Вѣчномъ городѣ“, и

¹⁾ Ibid. стр. 129.

²⁾ Ibid. стр. 92 и 93.

³⁾ Ibid. стр. 104.

⁴⁾ Ibid. стр. 164—200.

⁵⁾ Ibid. стр. 107.

долженъ быть признанъ „за настоящаго руководителя земной Церкви во всемъ теченіи Ея историческаго бытія“¹⁾.

Есть основанія, по которымъ можно заключить, почему, именно, кафедра въ Римѣ выбрана быть „образомъ (icône)“ вселенскаго единства Церкви²⁾. Въ дохристіанскомъ мірѣ Римъ былъ центромъ человѣческой монархіи, претендовавшей на абсолютность, въ немъ же положенъ и основной камень новой Божественной, дѣйствительно, вселенской монархіи. Какъ священная нація самостоятельно произвела естественную тѣлесность индивидуальнаго Богочеловѣка, такъ языческіе народы создали тѣло для коллективнаго Богочеловѣчества, и центромъ этого тѣла былъ Римъ. Вселенская монархія должна остаться, но характеръ ея измѣниться³⁾. Произошла, можно сказать, только перемѣна династии: „династія Юлія Цезаря—„бога“ была замѣнена династіей Симона Петра—„раба рабовъ Божіихъ“⁴⁾.

Самъ языческій міръ какъ-бы предчувствовалъ эту перемѣну монархіи. Универсальный центръ своей жизни онъ называлъ „Roma“, привнося сюда понятіе силы⁵⁾. Если же это слово читать справа налево, по способу, который только и извѣстенъ у семитическихъ народовъ, хранителей истиннаго Богооткровенія, то получимъ слово „Amor“—любовь; потому въ этомъ центрѣ и замѣняется царство силы Церковью любви⁶⁾. Любовь, вѣдь, является принципомъ, по которому строится вся жизнь Церкви. По любви ко Христу ап. Петръ получаетъ приматство, по любви вѣрующіе подчиняются голосу первосвященника, по любви же образуютъ изъ себя вселенское братство; естественнѣе всего было избрать центромъ такой организаціи любви городъ, въ самомъ наименованіи котораго уже усматривалось его понятіе, какъ полная противоположность языческому принципу силы.

Этотъ же основной камень Церкви, ап. Петръ въ преемствѣ римскихъ епископовъ, былъ указанъ, по мнѣнію Соловьева, и пророку Даніилу въ видѣніи золотого истукана;

1) „Великій споръ“ стр. 79.

2) „La Russie et...“ Вступл. стр. XXIX.

3) „La Russie et...“ стр. 136.

4) Ibid. стр. 143.

5) Ibid. стр. 140.

6) Ibid.

„камень“ разбиваетъ механическое единеніе человѣчества и осуществляетъ истинное вселенское единство ¹⁾).

Такъ устанавливается видимый центръ земной Церкви въ „вѣчномъ“ городѣ. Папство не является поэтому узурпаціей власти, а вполне законнымъ и естественнымъ плодомъ самаго существа Церкви, какъ единой провозвѣстницы и хранительницы Истины ²⁾). Какъ ап. Петръ получилъ верховную учительную власть въ Церкви Христовой, такъ и епископъ Рима, занимая престолъ Петра, становится дѣйствительнымъ *представителемъ* этой власти ³⁾). Какъ таковой, онъ *непогрѣшимъ* въ откровеніи сверхчеловѣческой истины „*etiam sine consensu Ecclesiae*“ ⁴⁾ и изрекаетъ ее, подобно Петру, „*ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*“ ⁵⁾). Но, признавъ въ то же время Соловьевъ, „папа, какъ и всякій другой человѣкъ, не имѣетъ права провозглашать новыя открытія или новыя истины, не содержащіяся въ данномъ всей Церкви Божественномъ Откровеніи“ ⁶⁾), равно какъ „сго власть не можетъ распространяться на вѣчныя основы Церкви“ ⁷⁾).

Папа, тѣснѣйшимъ образомъ соединенный съ основнымъ камнемъ Церкви—Петромъ, тѣмъ самымъ связываетъ все прошедшее Церкви съ Ея настоящимъ и этимъ до нѣкоторой степени выражаетъ уже истину Ея всеединства. Непосредственный отецъ всѣхъ епископовъ, какъ обладающій безусловной полнотой епископской власти, папа черезъ нихъ связывается и со всѣмъ народомъ Церкви и дѣлается общимъ *отцомъ* вѣрующихъ ⁸⁾). Последніе же, съ любовью подчиняясь его отечеству, этимъ уже отчасти осуществляютъ вселенское братство ⁹⁾: каждый, любя всѣхъ въ одномъ, стремится къ вѣрѣ всѣхъ черезъ вѣру, усвоенную одному“ ¹⁰⁾). Такъ вся Церковь является единымъ реальнымъ, стройнымъ зданіемъ, видимо основывающемся на приматствѣ римской кафедры, благодатной наслѣдницы вѣроучительныхъ привилегій апост. Петра.

1) Ibid. стр. 145 и 137.

2) Ibid. стр. 22.

3) Ibid. стр. 169.

4) Ibid. стр. 95.

5) Ibid. стр. 96.

6) „Вел. спор.“ стр. 77.

7) Ibid.

8) „La Russie et...“ стр. 313.

9) „Ист. и буд. теокр.“ стр. 229.

10) „La Russie et...“ стр. 117.

При наличности непогрѣшимаго отца вѣрующихъ, объединяющаго ихъ въ себѣ, Церковь вмѣстѣ съ исполненіемъ этой первой изъ поставленныхъ передъ Нею задачъ исполняетъ и вторую: для объединеннаго въ насѣ человечества обезпечено постоянное, незыблемое присутствіе въ Церкви Божественной истины и немолчное проповѣдываніе Ея всему міру. Папа—объективное средоточіе истины, іерархія въ союзѣ съ папой—изъяснительница этой истины, отъ остальныхъ членовъ Церкви требуется усвоить Ее.

Имѣя одного представителя всего человечества въ верховномъ первосвященствѣ, Церковь, по Соловьеву, является дѣйствительной продолжательницей Христова первосвященства, даетъ возможность человѣку черезъ послушаніе выполнить одну изъ своихъ изначальныхъ задачъ и въ наличности такого отчества имѣть, хотя слабый, но реальный отблескъ Божественнаго Отчества¹⁾.

Въ такой церковной монархіи реализуется единство церковной истины, но чтобы быть не только истинной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Вселенской, она должна обнимать собою всѣ проявленія человечества, дѣйствуя въ мірѣ, какъ мы уже видѣли, не только силою истины, а и силою власти²⁾. „Предоставляя тварнымъ существамъ внутреннюю свободу зла, Богъ полагаетъ нѣкоторую внѣшнюю границу проявленій этого зла и Самъ проявляется, какъ сила и законъ“³⁾. Церковь не должна лишь молиться, но должна работать⁴⁾; въ каждый моментъ своего историческаго существованія она должна предписывать законы, которымъ всѣ обязаны подчиняться⁵⁾. Чтобы достигнуть этого, Она должна дѣйствовать не только любовью, но и правдою⁶⁾, должна вмѣщать въ себя государственную и общественную жизнь со всѣми ея правовыми нормами. Эти нормы, какъ продуктъ человѣческаго развитія, не должны уничтожаться, напротивъ, освятившись въ Церкви, получить высшее назначеніе—служить вселенской идеѣ. „Если есть на землѣ

1) „La Russie et“... стр. 299 и 316.

2) Ibid. стр. 205.

3) „Истор. и буд. теокр.“ стр. 387.

4) „La Russie“... стр. 4—6.

5) Ibid. стр. 5, 123 и др.

6) Ibid. вступлен. стр. XXIV.

особый преемственный союзъ служителей Божіихъ, по преимуществу; если есть на землѣ особая власть, которой даны свѣше чрезвычайныя полномочія, и обѣщана чрезвычайная помощь для руководства и управленіемъ христіанскимъ челоѳчествомъ, то безъ всякаго сомнѣнія всѣ остальные власти и начала въ мірѣ и всѣ силы общества должны быть подчинены этой священной и прямо божественной власти“ 1).

Такая *общественная* власть—власть римскаго первосвященника, Управленіе Церковью, основанной на истинѣ, не можетъ быть отдѣлено отъ истины 2) и должно принадлежать тому, кто хранитъ неповрежденно эту истину.

Христосъ Самъ утвердилъ такое положеніе. Дѣлая Петра первымъ камнемъ Своей Церкви, Онъ далъ ему и „ключи царства небснаго“. Небесное царство есть царство Бога, и оно, до извѣстной степени отражается въ земной жизни, въ ея государственномъ и соціальномъ строѣ 3). Передача „ключей“ и есть символъ, которымъ апостолу Петру усвоается право исключительнаго управленія всѣмъ земнымъ царствомъ Божіимъ или, иначе всѣмъ строемъ челоѳческой жизни 4). Нельзя думать, что „ключи“ означаютъ власть „вязать и разрѣшать“, данную и другимъ апостоламъ, т. к. ключами ничего не связываютъ 5). Это образъ особой власти первоверховнаго апостола, которая цѣликомъ перешла лишь къ его преемникамъ по кавердѣ. Если власть отпущенія грѣховъ передалась іерархіи, и это не возбуждаетъ сомнѣній; подобнымъ же образомъ и ни одно преимущество, обѣщанное исключительно Петру, не можетъ разсматриваться, какъ пустая метафора, не получившая конкретнаго выраженія въ исторіи Вселенской Церкви 6).

Кромѣ того, что соціальное главенство папы, по мысли Соловьева, предустановлено Христомъ, оно и *необходимо*, т. к. только при такомъ положеніи римскій первосвященникъ осуществляетъ и мистическое единство всѣхъ черезъ вѣру, и соціальное единство въ дѣйствіи 7).

Если въ лицѣ одного реализуется соціальное единство, то отъ центральной власти должны распространяться во всѣ

1) „Вел. споръ“ стр. 81.

2) „La Russie et“... стр. 124.

3) Ibid. стр. 121.

4) Ibid. стр. 104, 123.

5) Ibid. стр. 122.

6) Ibid. стр. 99.

7) Ibid. стр. 106.

области жизни органы ея, энергично дѣйствующіе въ направленіи, указанномъ изъ центра ¹⁾. Такъ какъ органы централизованной человѣческой власти существуетъ уже раньше Церкви (въ государствѣ), то Церковь, нося въ себѣ всю полноту человѣчества, и должна воспользоваться этими готовыми формами. Въ церковномъ человѣчествѣ всякая форма власти внѣ союза съ Церковью теряетъ свой смыслъ; съ другой же стороны, всякія попытки Церкви дѣйствовать, не опираясь на мірскую власть, остаются безплодными для соціального человѣчества ²⁾.

Объясняется это, по мнѣнію Соловьева, тѣмъ, что Христосъ дѣйствуетъ въ мірѣ, какъ власть, собразуясь съ постепеннымъ развитіемъ человѣчества, постепенно приобщающагося мистическому тѣлу Богочеловѣка ³⁾.

Затѣмъ, самостоятельная практическая борьба со зломъ, безъ посредства государственной власти, можетъ повредить самому священному достоинству человѣческихъ представителей церкви ⁴⁾.

Какъ же Церковь должна относиться къ Верховной государственной власти, хотя бы въ монархіи, гдѣ эта власть получаетъ абсолютное выраженіе? Между главой Церкви и главой государства, отвѣчаетъ Соловьевъ, должна существовать реальная связь, какъ необходимое единство между прошедшимъ (церковь по преимуществу) и настоящимъ (государство по преимуществу)—связь отчества и сыновства.

Разъединеніе Церкви и государства въ областяхъ ихъ дѣятельности, какъ-будто предуказанное Христомъ въ извѣстномъ изреченіи: „воздадите кесарево кесарю, а Божіе Богови“, необходимо, пока кесарь язычникъ, но если онъ христіанинъ, оно невозможно ⁵⁾. Послѣ того, какъ Христосъ заявилъ, что *Ему* „дана вся власть“ не только на небѣ, но „и на землѣ“, ни одинъ христіанскій правитель не въ правѣ считать себя самодовлѣющимъ правителемъ земныхъ дѣлъ. Смотри на земную жизнь, не какъ на нѣчто самоцѣльное, но „какъ на средство и переходъ къ вѣчной жизни“ ⁶⁾, христіанскій монархъ долженъ получить отъ независимой Церкви

¹⁾ Ibid. стр. 123.

²⁾ „Ист. вѣст.“ стр. 566.

³⁾ „La Russie et“... стр. 298.

⁴⁾ Ibid. стр. 316.

⁵⁾ Ibid. стр. 74.

⁶⁾ „Всл. спор.“, стр. 83.

„правственную и религиозную санкцію“¹⁾ и въ центрѣ этой Церкви—римскомъ первосвященникѣ—„имѣть реальную базу для своего дѣйствованія“²⁾.

Правда, христіанская власть, находясь въ объединяющемъ союзѣ съ Церковью, дѣйствуетъ все же самостоятельно въ области мірскихъ интересовъ³⁾, но ея дѣятельность, своеобразная по формѣ, не идетъ, *по идеѣ*, въ разрѣзъ съ дѣятельностью Церкви. Такимъ образомъ, входя какъ живая часть, въ организмъ Тѣла Христова, государство реализуетъ вторую изъ мессіанскихъ властей—власть *царскую*⁴⁾.

Санкціонированное Церковью государство должно сдѣлаться органомъ Церкви (утверждающимъ въ жизни „святѣнью“ Церкви), а „мірской владыка *Словомъ* владыки духовнаго“⁵⁾. „Какъ Божественный Отецъ дѣйствуетъ и проявляетъ Себя въ твореніи черезъ Сына, Слово Его, точно также Церковь Бога, духовное отчество, вселенское папство должно дѣйствовать и проявлять себя въ мірѣ внѣшнемъ черезъ посредство христіанскаго государства, въ царской власти *сына*“⁶⁾ (царя).

Такимъ образомъ, въ Церкви отобразится не только Божественное Отчество, но и Божественное Сынство, активное порожденіе перваго. Церковь же при такомъ взаимоотношеніи духовной и свѣтской властей можетъ успѣшно выполнить и послѣднюю свою задачу—властно христіанизировать міровую жизнь.

Однако такое единство въ настоящее время далеко не осуществлено и является лишь идеаломъ, къ которому должны стремиться и представители Церкви и представители государства. Церковь въ узкомъ смыслѣ (іерархія) можетъ исключительно замкнуться въ свое прошлое (что, впрочемъ, составляетъ Ея святѣнью) и этимъ предоставить все настоящее стихійной дѣятельности государства⁷⁾.

Это же послѣднее, почитая прошлое Церкви, можетъ не допустить Церковь въ область настоящаго⁸⁾. Въ томъ и другомъ случаѣ связь между ними нарушается, и Тѣло Христово не только теряетъ возможность преобразиться въ

1) „La Russie et.“, стр. 42.

2) Ibid. Вступленіе, стр. XIX.

3) Ibid., стр. 316.

4) Ibid., стр. 313.

5) Ibid., стр. 316.

6) Ibid.

7) Ibid., стр. 317.

8) Ibid., стр. 319.

Невѣсту Христову, но перестаетъ быть и цѣлымъ организмомъ. Чтобы не случилось этого, чтобы Божество и человечество не остались разъединенными въ социальномъ тѣлѣ Христа, „необходимо признать въ христіанскомъ мірѣ *третье* главное служеніе, представляющее синтетическое единство двухъ первыхъ, указующее Церкви (іерархіи) и государству совершенный идеаль обожествленнаго человечества, какъ высшую цѣль ихъ совмѣстнаго дѣйствія“¹⁾. Это служеніе—*пророческое*. Религіозная истина, возвѣщаемая папой, проводимая въ жизнь царемъ, постепенно усвоается человѣческимъ сознаніемъ²⁾, такъ что постоянно должны существовать въ Церкви лица, которыя сдѣлали хоть шагъ впередъ въ духовной жизни, по сравненію съ общимъ уровнемъ существующаго настоящаго. Такіе люди способны удовлетворить стремленіямъ современниковъ, поставивъ предъ ними идеаль въ той, именно, мѣрѣ, до которой способно дорасти въ данный моментъ общество³⁾.

Эти пророки, реализуя *пророческое* служеніе Христа, являющіеся во всякомъ классѣ общества, представляютъ, напоминаютъ и приближаютъ *будущее Церкви*, и такимъ образомъ, черезъ нихъ начало будущаго соединяется съ настоящимъ и прошедшимъ⁴⁾. И къ священникамъ, и къ царямъ и къ народамъ говоритъ пророческій духъ, реализующійся въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, постоянно напоминая каждому его обязанности⁵⁾. Такимъ образомъ, удержится единство Тѣла Христова, какъ отблескъ Божественнаго *Самовладанія* (области Духа Святого), и осуществится основная задача Вселенской Церкви—стать совершенной собирательной личностью, созданной свободнымъ усиліемъ входящихъ въ нее элементовъ.

Область появленія пророковъ есть народъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Значитъ, *первосвященникъ, царь и народъ*—вотъ три двигателя въ развитіи земной Церкви.

Только при безусловномъ первенствѣ первой изъ этихъ трехъ властей, первосвященства, которое установлено непосредственно Богомъ и, слѣдовательно, есть причина и необходимое условіе двухъ другихъ, при существенной общно-

1) Ibid., стр. 321.

4) „Истор. и б. т.“ стр. 230.

2) „Ист. и буд. т.“, стр. 253.

5) „La Russie et...“ стр. 322—327.

3) „La Russie et...“ стр. 275.

сти и одинаковой цѣли всѣхъ 3-хъ властей возможно свободное перерожденіе человѣчества, добровольное воссоединеніе его съ Существенной Премудростью Божіей и, слѣдовательно, осуществленіе цѣли бытія человѣка и всего существующаго міра.

Міровая душа, томящаяся безпокойнымъ существованіемъ хаотическаго бытія, найдетъ, наконецъ, полное удовлетвореніе въ Христовой Церкви и здѣсь, свободно и существенно объединившись со Христомъ, черезъ Него *войдетъ въ сущность Божественной Софiи*.

Въ такихъ чертахъ, со стороны существеннаго содержанія, историческихъ задачъ и земной реализаціи, рисуется Вл. Соловьевымъ идеаль живая Христовая Церковь.

Нельзя не согласиться, что устройство Церкви, предносившееся проникновенному взору Соловьева, отличается стройностью, давая возмозность вполнѣ проявиться въ жизни тѣмъ тройственнымъ идеямъ, которыя, по мысли философа, должны имѣть мѣсто въ каждомъ истинномъ существѣ: бытію, дѣйствованію и самообладанію. Отличается оно глубиною, отображая Трiединство Божественной Субстанціи въ Божественномъ учрежденіи. Отличается оно и полнотою, охватывая собою все разумное бытіе міра, а черезъ него земную природу, и осуществляя принципъ единства—всеполноту.

Ученіе Соловьева о Церкви представляетъ, дѣйствительно, законченную систему: исходя въ своихъ размышленіяхъ изъ идеи Абсолютнаго Существа, онъ, какъ мы видѣли, ходомъ послѣдовательныхъ разсужденій опять возвращается къ этой же Сущности, и съ этой стороны (со стороны цѣлостности) его ученіе кажется неуязвимо.

Вглядываясь же въ тѣ выводы, которые сдѣлалъ Соловьевъ изъ своего философско-богословскаго раскрытія мыслей о Церкви, замѣчаемъ, что они не цѣликомъ могутъ быть восприняты православно-христіанскимъ вѣросознаніемъ. Послѣднему Царство Христово необходимо предносится, какъ явленіе духовнаго порядка (Io. XVIII, 36), не требующее по самому своему существу, непремѣнной реализаціи въ матеріальномъ мірѣ (Римл. XIV, 17), Соловьевъ же смотритъ на Ц. Божіе, какъ всемірную земную (въ наличныхъ условіяхъ матеріальности) организацію, лишь подчиненную духовному

водительству. Церковь, какъ средство утвердить въ душахъ людей Царствіе Божіе, какъ дерево, подъ сѣнью котораго можетъ найти отдохновеніе все живущее, является прежде всего и исключительно живымъ тѣломъ Христовымъ, связующимъ вѣрующихся съ ихъ Спасителемъ, и лишь съ внѣшней стороны оно можетъ представляться зданіемъ, возведеннымъ по Божественному плану,—по Соловьеву же, въ существѣ Церкви особенно подчеркнута и должна быть выражена идея стройно скомбинированной постройки, другими словами, здѣсь на первый планъ выдвигается случайный, формальный моментъ въ бытіи церкви. По мысли Писанія, религіозную истину хранить *вся* Церковь (II Тим. II, 15), а не только іерархія и въ собственномъ смыслѣ римскій папа. По православному ученію, истины вѣроученія, хотя объявляются іерархами, но лишь въ согласіи со всею Церковью, и только принятіе ихъ религіознымъ сознаніемъ всего Тѣла обезпечиваетъ имъ неизблемость и непогрѣшимость¹⁾: Соловьевъ же утверждаетъ, что непогрѣшимая истина объявляется непосредственно однимъ лицомъ, вполнѣ самостоятельно —черезъ римскаго первосвященника. Церковь, союзъ любви, должна дѣйствовать только любовью, „духомъ кротости“, на мірскія же средства приходится смотрѣть, какъ на печальное отступленіе отъ христіанскаго идеала—между тѣмъ Соловьевъ полагаетъ, что изъ самого существа Церкви вытекаетъ необходимость для нея пользоваться чисто человѣческими, юридическими приѣмами въ дѣлѣ достиженія своихъ цѣлей. Цѣль христіанства преобразить духовную личность каждаго человѣка (тогда только измѣнится и земная жизнь), Соловьевъ же указываетъ ближайшую реальную задачу Церкви пересоздать социальный строй, и тогда, какъ слѣдствіе, явится перерожденіе духовной жизни человѣчества.

Причина всѣхъ отмѣченныхъ отступленій отъ православнаго пониманія идеала церкви, думается намъ, въ томъ, что Соловьевъ слишкомъ *материализировалъ* идею Христовой Церкви. Онъ въ своихъ размышленіяхъ о ней остановился исключительно на видимой земной церкви, затемнивъ, даже упустивъ изъ виду существованіе церкви небесной, не подчиня-

¹⁾ „Посланіе Вост. патриарх.“ прекрасное разъясненіе этой мысли въ соч. Хомякова т. II.

ющейся нашимъ земнымъ организаціямъ. Но и здѣсь, предписывая Ей задачу отобразить въ мірѣ Божественную Сущность, онъ не замѣтилъ, что эта сущность, абсолютно-духовная не можетъ быть адекватно представлена въ опредѣленномъ материальномъ строѣ человѣческаго общества. Вѣрно, что Божество, поскольку Оно открыто намъ, не только отражается, но и реально живетъ, царствуетъ въ Церкви, однако это царство не материальное. Каждый членъ Церкви, проявляя въ себѣ образъ Божій, тѣмъ самымъ проявляетъ его и въ собирательномъ человѣчествѣ—Церкви. Въ связи съ такимъ перерожденіемъ внутренняго міра человѣчества будутъ необходимо измѣняться къ лучшему и человѣческія формы жизни, Церкви же вовсе нѣтъ надобности являться общественной силой, накладывающей внѣшнимъ образомъ свою руку на строй земной жизни человѣчества. Привести весь міръ не въ единство власти и не въ единство солидарности а въ единство святости—вотъ основная, вѣчная задача Церкви, не только Христовой, но и Вѣтхозавѣтной. Только святости откроется истина, только святость ее усвоить—почему *всей святой Церкви* и возвѣщается религіозная истина. Только святость войдетъ въ общеніе съ самымъ существомъ Всевятого—почему *вся святая Церковь* и входитъ въ непосредственную связь со Христомъ, получая отъ него наученіе и благодатныя силы. Каждый, принадлежащій къ Церкви, *in potentia* уже находится въ этомъ союзѣ, но ощущаетъ его болѣе или менѣе реально лишь въ зависимости отъ высоты своей духовной жизни. Значитъ, чтобы вложить не въ умъ только, но въ сердце всѣмъ религіозную истину, чтобы сдѣлать человѣка „едино съ Богомъ“, чтобы оцутительно соединить всѣхъ со Христомъ, Церковь должна заботиться о развитіи *духовной* жизни своихъ членовъ. Живущая въ Церкви благодать различными путями и совершаетъ это дѣло духовнаго преуспѣянія вѣрующихъ.

Такъ какъ земная церковь состоитъ изъ людей, то никто изъ нихъ не долженъ присваивать себѣ исключительнаго права совершенной святости руководить Церковью. Здѣсь есть „лишь служители таинъ Божіихъ“, чрезъ немощь которыхъ сила Божія дѣйствуетъ въ вѣрующихъ и руководить ими. Но не должно быть въ Церкви такого представителя Ея, который независимо отъ общаго направленія

своей воли, не достигнувъ высочайшей степени святости, дерзнулъ бы объявить себя въ непосредственномъ общеніи со Христомъ и возмнилъ бы себя въ правѣ изрекать непогрѣшимыя ученія.

Если же отнять отъ римскаго первосвященника это свойство непогрѣшимости, тогда, естественно, какъ сознаеть и Соловьевъ, падаетъ весь институтъ приматства въ Церкви: въ опредѣленномъ руководителѣ всей жизни въ каждую эпоху изъ среды іерархіи нѣтъ надобности, потому что свѣтскіе руководители, если они христіане, сами въ своей дѣятельности подчиняются духу Христову и Церкви, безъ юридическаго подчиненія Ея представителямъ; въ случаѣ же большого отступленія общества отъ христіанскихъ задачъ, Церковь съ своими духовными идеалами является какъ бы „совѣстью“ человѣчества и, такъ сказать, по закону контраста можетъ глубже вліять на духовную жизнь хоть и меньшаго числа людей.

Только человѣческая чувственность, желающая все видѣть въ конкретныхъ образахъ, можетъ требовать, чтобы для осуществленія единства Церкви существовалъ видимый, единый же, центръ жизни, какъ будто Единого центра Церкви—Христа не достаточно для возрастанія человѣка въ мѣру возраста исполненія Христова“.

Матеріализація идеи церкви у Вл. Соловьева понятна и естественна: онъ, какъ мы видѣли, призналъ все бытіе міра въ его общей формѣ, міровой душѣ, хотя и иллюзорнымъ, но божественнымъ. Оно, антитеза Божества, въ своемъ процессѣ воссоединенія съ нимъ способно и должно въ своей матерьяльной реализаціи обнаружить вѣчное Тріединство: въ человѣкѣ оно проявляется идеально, въ явленіи Христа—субстанціально и, наконецъ, въ Церкви—соціально. Такъ Тріединство обнаруживается во всей жизни, и она, сдѣлавшись истинно-божественной, пріобщится Абсолютнаго Божества.

Но эта, до извѣстной степени, гностическая мысль о божественности всего сущаго не имѣетъ мѣста въ христіанскомъ ученіи. Весь внѣ-божественный міръ, созданный изъ „ничего“ а не изъ „вѣчной основы“ Божественной премудрости, имѣетъ цѣлью лишь послѣдствіи свободно соединиться въ лицѣ человѣка съ Божествомъ; въ немъ лишь

дѣйствуютъ божественныя силы, которыми онъ пользуется по своему усмотрѣнію. Церковь носить въ себѣ *всю* божественныя силы, необходимыя для жизни, и потому въ ней и черезъ нее міръ естественно можетъ приходить и приходитъ къ своей конечной цѣли. Если же мы признаемъ *божественность* міра, въ какомъ угодно смыслѣ, то тѣмъ невольно въ самое понятіе „Божества“ внесемъ идею пантеизма.

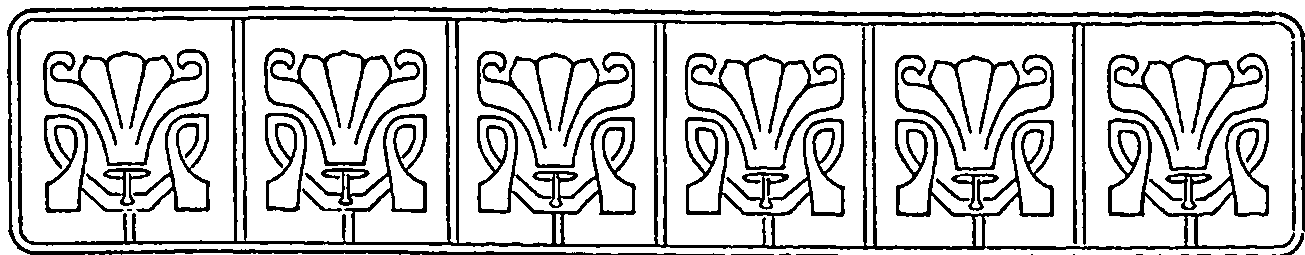
Какъ для бытія *не божественнаго*, для міра, значитъ, нѣтъ вовсе надобности отражать *Тріединство Упостасей*, а слѣдовательно, для Церкви—заботиться о реализаціи въ земной жизни, именно, этого Тріединства.

Наконецъ, говоря о недомыслимой тайнѣ Троичности, при самостоятельномъ мышленіи, не провѣряемомъ въ своихъ выводахъ общецерковнымъ характеромъ, всегда возможно за непреложную истину выдать свои гипотетически-вѣроятныя философскія концепціи, что случилось и съ Вл. Соловьевымъ; а тогда и дальнѣйшія положенія (напр., въ ученіи о Церкви) всегда могутъ казаться не достаточно гарантированными со стороны своего базиса, иногда же (какъ въ разсматриваемомъ ученіи)—и совершенно ошибочными.

Несмотря на обширную философско-богословскую эрудицію Соловьева, идеаль Церкви не былъ имъ понятъ, какъ видѣли, въ той кристальной чистотѣ, въ какой онъ рисуется православіемъ. Однако, его система ученія о Церкви важна, въ качествѣ попытки осмыслить понятіе Церкви какъ живой и животворной силы, въ философскомъ синтезѣ охватить всѣ проявленія церковности, всѣ пункты соприкосновенія христіанскаго идеала съ реальной жизнью. Пусть эта попытка оказалась не совсѣмъ удачной, пусть она привела къ неправильнымъ выводамъ—опытъ сдѣланъ: „кто можетъ—сдѣлай лучше!“

Н. Платоновъ.

ГДѢ РАЙ?

Продолженіе *).

Часть II-я, теоритическая.

**Духовная жизнь, какъ terra incognita для „душевнаго чело-
вѣна“. Освѣщеніе вопроса съ точекъ зрѣнія психологической
и философской. „Физиологія психологін“.**

Мы, въ большинствѣ, опытно не знаемъ духовной жизни, но мы всё о ней скучаемъ. Постоянная неудовлетворенность, голодъ духовный—лучшіе показатели этого. Душа тоскуетъ о потерянномъ раѣ и, утративши его въ себѣ, безпокойно ищетъ его на распутіяхъ мира. Нѣтъ центра тамъ, гдѣ онъ быть долженъ—внутри, въ глубинѣ своего существа; но безъ центра жить нельзя, и вотъ люди переносятъ его на периферіи, создаютъ искусственные центры и по необходимости ставятъ себя въ положеніе неустойчиваго равновѣсія. Состоянія колебанія, беспочвенности—характерные признаки нашего времени. А гдѣ больше колебаній, тамъ должно быть и больше наденій,—не удивляйтесь-же, что въ наше время такъ много разочарованныхъ, впадающихъ въ отчаяніе, что въ наше время такъ умножаются самоубійства! Въ то время, какъ, напр., въ Петербургѣ въ 1904 г. школьныхъ самоубійствъ было зарегистрировано 20, въ 1909 г. ихъ уже зарегистрировано 449! И если-бы это было въ одномъ только Петербургѣ! Но нѣтъ, постепенный ростъ самоубійствъ, говоритъ проф. Розенбахъ, есть явленіе хроническое, наблюдаемое въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ во всехъ культурныхъ странахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1913 г.

Жутко становится, отъ этихъ наблюдений; явно, что пульсъ жизни бьется крайне болѣзненно! И, обратите вниманіе;—все это въ *культурныхъ* странахъ, въ городахъ, а не въ темныхъ, какъ мы ихъ называемъ, невѣжественныхъ деревняхъ! Очевидно, что самая современная культура не привлекаетъ благословенія Божія, что самое ея движеніе идетъ по ложнымъ линіямъ. И она ставитъ центры въ периферіяхъ и потому не даетъ мира, счастья человѣчеству. Болѣе того,—она властно влечетъ чловѣка къ несчастію, поскольку отдѣляетъ его отъ общенія съ источникомъ счастья Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Мы не знаемъ опытно духовной жизни и трудно пріобрѣсти этотъ опытъ, живя въ атмосферѣ современной жизни. Первое, самое главное,—вѣра живая оставила наши интеллигентные слои общества и замѣнилась или индифферентизмомъ, невѣріемъ, суевѣріемъ, или слишкомъ щепетильнымъ, пунктуальнымъ въ мелочахъ, обрядовымъ служеніемъ, болѣе приличнымъ рабамъ, чѣмъ сынамъ въ домѣ Божіемъ.

Гдѣ нѣтъ живой вѣры, тамъ не можетъ быть здоровой нравственности. Но жить безъ вѣры и нравственности невозможно,—и мы видимъ, что люди, потерявъ живую, *выдумываютъ* свою, самодѣльную вѣру, создаютъ искусственную нравственность: вмѣсто вѣры въ Бога провозглашаютъ вѣру въ прогрессъ человѣчества, вмѣсто добродѣтелей ставятъ этикетъ, приличія, кумиръ общественнаго мнѣнія. Въ жизни вытравляется принципъ *служенія* и выдвигается законъ *гоподства*, развивается самолюбіе, болѣзненно разрастается эгоистическое „я“, всегда безпокойное, ни чѣмъ недовольное, раздражительное, ворчливое, всѣхъ презирающее и смысла своей жизни незнающее. На аренѣ жизни царятъ и управляютъ страсти, оземленились идеалы, въ пустыя мѣста превратились добродѣтели, прогрессируетъ наука, гигантскими шагами идетъ техника, открытіями и изобрѣтеніями обогащается жизнь, но дымомъ и смрадомъ заволакивается небо. Вмѣсто Бога человѣчество въ интеллигентной его массѣ поклонилось своему разуму, на него возложило всѣ свои надежды, къ нему простираетъ руки, ему строить новую башню до небесъ! Но опять мѣняются языки, люди ссорятся, не понимаютъ другъ друга, специализируются, создаютъ тысячи отдѣльныхъ наукъ и никакъ не могутъ изъ этихъ

кирпичей создать *единого* храма науки! И одинокимъ стоитъ Христосъ среди великаго множества интеллигентныхъ христіанъ; они взяли у Него Евангеліе, но не хотятъ принять Его. Почти двѣ тысячи лѣтъ прошло со времени пришествія Христа, а мало, что измѣнилось: какъ и тогда, шумные Капернаумы нашего времени холодно принимаютъ Его и онъ болѣе, находитъ пріюта въ невѣжественной Галилеѣ, въ темныхъ селеніяхъ, всякъ земли! И теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, обзрѣвая вѣрныхъ, Апостолъ могъ-бы сказать: „посмотрите, братья, кто вы призванные,— не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ“ (I Кор. 1—26). „Не бѣдныхъ-ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наследниками Царствія, которое Онъ обѣщаль любящимъ Его“ (Лук. 2,—5). Мало, какъ мало и нынѣ тѣхъ, которые ради Христа оставили все и пошли за Нимъ! Но, господа, мало ихъ и незамѣтны они, однако „ихъ, по Апостолу, не достоинъ весь міръ“ (Евр. 11,—38). „Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ; и немоцное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее,— для того, чтобы ни какая плоть не хвалилась предъ Богомъ“! (I Кор. 1,—27—29).

Итакъ, не въ плоти, не въ мірѣ, не въ культурѣ, наукѣ или въ чемъ-либо подобномъ спасеніе міра, а во Христѣ Спасителѣ. Счастье наше не внѣ насъ, а внутри насъ, не въ крикливомъ шумѣ міра, а въ тихомъ прикосновеніи благодати.

Мы приходимъ къ тому-же, съ чего начали: что рай нашъ внутри насъ, что мы изгнаны изъ него и потеряли пути въ него,—съ тѣмъ новымъ добавленіемъ, что современная жизнь не помогаетъ, а ставитъ тысячи препятствій къ отысканію этихъ путей. Выводъ безотрадный, но такова дѣйствительность. Мы больные и живемъ въ зараженной атмосферѣ; не мечтать намъ нужно о здоровьѣ, (о счастьѣ, объ идеалѣ), а искать его, а для этого первое—это тщательный діагнозъ. Къ нему и приступимъ.

Есть общая причина того, почему состояніе святости, живаго общенія съ Господомъ въ мірѣ представляется явле-

ніемъ исключительнымъ, рѣдкимъ, а состояніе грѣховности, потеря живаго Бога—явленіемъ постояннымъ. Объ этой причинѣ рассказано на первыхъ страницахъ книги Бытія. Тамъ говорится, что человѣкъ созданный по образу Божию съ цѣлю Богоуподобленія („будте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“ (Мѡ. 5,—48), захотѣлъ достигнуть этого Богоуподобленія *самъ*, безъ Бога, перенесъ центръ своей жизни изъ Бога *въ себя* и отъ этого палъ, т. е. порвалъ живое общеніе съ Богомъ. Съ этого временн онъ пересталъ непосредственно, опытно знать Бога, сталъ уходить отъ Него, хорониться, какъ Адамъ въ раю. Порвавши общеніе съ Существомъ неограниченнымъ, онъ замкнулся въ свою ограниченность и сталъ непосредственно видѣть только міръ ограниченный, матеріальный. Божественное присутствіе стало заслонено отъ него міромъ вещественнымъ, стало „невидимо“ (Рим. 1,—20); о немъ можно было лишь догадываться, о немъ можно было только *мыслить*, умозаключать къ нему отъ тварной природы чрезъ ея разсмотрѣніе (Рим. 1,—20). Когда человѣкъ *отвернулъ* Богу, онъ жилъ „съ Нимъ“ одною жизнью, могъ *опытно* познавать Его. Когда же онъ, удалившись отъ Бога, *отвернулъ*, такъ сказать, чувственной природѣ и въ ней увидѣлъ *цѣль* своей жизни, онъ сталъ *опытно* познавать *только* природу, а Богъ сталъ для него *только* постулятомъ. Всѣмъ извѣстно, что наше время есть по преимуществу время *отры* отъ природы, въ законы ея, въ силы, въ арифметику, въ счетъ, въ квитанціи, въ расписки, въ паръ, въ электричество, во что угодно въ этомъ родѣ, только не въ живаго Бога. Эта вѣра дала намъ желѣзныя дороги, трамваи, телеграфы, телефоны, броненосцы-дредноуты, дома-„небоскребы“; одного только не даетъ: мира душевнаго, радости, счастья. Мы служеніе духу промѣняли на служеніе плоти, рай—на удобства *внѣшней* жизни, Бога—на міръ, и поклонились, поклоняемся какъ-бы нѣкому богу, духу міра и сами себѣ: своему уму, своимъ наукамъ, своимъ изобрѣтеніямъ. Какъ Христа въ пустынѣ, діаволъ поставилъ насъ на высокую гору и сказалъ: видите царства міра и славу его? Все это я отдамъ вамъ, если вы поклонитесь мнѣ. И мы—въ массѣ—поклонились ему и получили міръ съ *внѣшнимъ* блескомъ и *внутреннимъ* проклятіемъ: съ тоскою, неудовлетворенностію, со злобою, враждою, съ красивыми словами и

грязными дѣлами, со всѣми удобствами для объединенія безъ духа братства, съ эпидеміями, враждующими противъ насъ стихіями, которыя, оставшись вѣрными Богу, постоянно бичуютъ насъ за *измѣну Ему*. Въ этомъ—корень зла. Вѣру, *живое ощущеніе*, мы подмѣнили холоднымъ ученіемъ; написали цѣлыя горы толкованій на Евангеліе, а *духа Евангельскаго въ себѣ не имѣемъ, не переживаемъ*. Прекрасно знаемъ катихизисъ, на память—множество изреченій Св. Писанія, красиво пишемъ богословскіе трактаты; много, много мы знаемъ; не знаемъ только одного: *живаго Христа, и опытнаго, жизненнаго общенія съ Нимъ!* Христосъ—*не путь* въ нашей жизни, *не истина* въ нашихъ отношеніяхъ, *не жизнь* наша! И слышится то, что грозно было сказано книжникамъ и фарисеямъ ¹⁾: горе вамъ, что отвратились отъ Царства Небеснаго, и прилепились къ царству земному! Горе вамъ, что потеряли любовь къ людямъ и растлѣваете себя духомъ лицемерія! Горе вамъ, „что обходите море и сушу, дабы обратитъ хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ“! Горе вамъ, что развиваете благотворительность и „оставляете судъ, милость и вѣру; сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять“! Горе вамъ, что оцѣживаете комара, а верблюда поглащаете, что заботитесь о внѣшности, а не о внутреннемъ, что „уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“! „Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“!

Да, господа! Пусто на душѣ у человѣка нашего времени, когда онъ, вырвавшись изъ шума жизни, въ безмолвіи ночного уединенія заглянетъ туда!

„Все пустое, все мертвое, все переходящее, ненужное находитъ онъ тамъ; гдѣ же жизнь настоящая, гдѣ упокоеніе, гдѣ Христосъ, Который пришелъ въ міръ?“

„Въ міръ Онъ былъ, отвѣчаетъ Евангелистъ, и міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ!“ (Іоан. 1,—10).

Вотъ то первое, что открываетъ діагнозъ нашего внутреннего существа. Мы—эксцентричны по отношенію ко Христу и духовной жизни, мы живемъ *другими центрами*. А такъ какъ таковыхъ среди кричащихъ о себѣ христіанъ

¹⁾ Известную обличительную рѣчь Іисуса Христа (Мф. 23 гл.) мы передаемъ въ перифразѣ.

большинство, то и выходитъ, что эксцентричною—то въ мірѣ, т. е. ненормальною, считаютъ жизнь во Христѣ, а не свою. Живое христіанство и по-нынѣ такое-же безуміе для міра, какимъ оно представлялось ему и во время насажденія его.

Но что-же дѣлать, какъ быть? Какъ увидѣть тотъ міръ (духовный), для воспріятія котораго у насъ не развитъ соотвѣтствующій органъ?

Если не можемъ увидѣть этого міра ощутительно, то наша обязанность познать его, стремиться къ познанію его хотя-бы только умственно, всемирно очищая сердце и подготавливая развитіе того духовнаго органа.

Обращали-ли вы, господа, вниманіе на то, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ никогда ничего не доказывалъ, а на все показывалъ; никогда не обращался къ мыслительнымъ способностямъ человѣка, а всегда—къ его зрительной способности,—къ силѣ воображенія, имѣющей дѣло объ образами вещей. Онъ говорилъ только о духовномъ и для поясненія его всегда указывалъ на міръ матеріальный. Онъ непрестанно указывалъ на предметы, которымъ предстояло обратиться въ прахъ, чрезъ нѣсколько дней или лѣтъ, и говорилъ, что люди должны видѣть въ нихъ вѣчное. Онъ показывалъ на хлѣбъ и говорилъ: „Я хлѣбъ“ (видѣлъ виноградную лозу и говорилъ: „Я лоза, а вы вѣтви“). И если-бы мы всю жизнь продумали надъ этимъ, мы не приблизились-бы болѣе къ истинѣ, чѣмъ посредствомъ этихъ матеріальныхъ понятій о хлѣбѣ и лозѣ. Невидимое мы можемъ видѣть только въ видимомъ. Это временное—такой совершенный образъ вѣчнаго, что никакое чтеніе, никакое размышленіе, никакіе споры и проповѣди не могутъ сравниться и замѣнить этотъ способъ познанія міра духовнаго. Христосъ заставилъ насъ видѣть въ самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметахъ видимаго міра—зеркала, отражающія вѣчное. И замѣтьте, Христосъ не говоритъ, что Онъ подобенъ тому или другому; нѣтъ, Онъ есть. Хлѣбъ, лоза, пастырь и люди. Сѣмя есть слово. Божіе, жатва—кончина міра, жнецы—Ангелы, Апостолы—доль міра, свѣтъ его и т. д. Только когда Онъ изображалъ цѣлую картину духовнаго міра (царства небеснаго), Онъ говорилъ о подобіи ея той или другой картинѣ міра матеріальнаго. Міръ духовный, не тамъ, гдѣ-то, въ безконечномъ отдаленіи, а здѣсь, въ мірѣ матеріальномъ

и сквозить, просвѣчиваетъ чрезъ его матеріальныя формы. Символь—не аллегорія, а отраженіе подлинной дѣйствительности. Не въ этомъ-ли причина того, что духовный міръ такъ хорошо, *опытно* знали отшельники и пустынники безъ школы и книгъ и такъ плохо познаемъ мы въ ученыхъ кабинетахъ и со всевозможными книжными руководствами?—Они учились отъ природы и въ природѣ, жизнью, ощущеніями, а мы—въ четырехъ стѣнахъ, отъ книгъ, мыслями и умозаключеніями. Тамъ человѣкъ воспринималъ природу всѣмъ своимъ существомъ, а мы хотимъ уловить ее только мыслию!

„Истинная духовность, говоритъ Друммондъ, состоитъ въ томъ, чтобы видѣть божественное въ обыденныхъ вещахъ... Эта матерія—свойство, данное намъ только на время, чтобы посредствомъ ея научить и насъ вѣчному, подобно тому, какъ дѣтямъ даютъ деревянные шарики, чтобы научить ихъ считать, пока для нихъ числа не станутъ существовать сами по себѣ.

Что дѣлаютъ обыкновенно родители, когда хотятъ познакомить дѣтей со свойствами матеріи, объяснить имъ форму и гармонію, красоту и симметрію и тому подобныя отвлеченныя понятія? Они даютъ имъ видимые предметы, посредствомъ которыхъ дѣти могутъ научиться всему этому. Они даютъ имъ для игры ящикъ съ кубиками и при складываніи изъ нихъ разныхъ фигуръ, линій и четырехугольниковъ, башенъ и арокъ, въ душу ребенка западаютъ понятія о правильности, устойчивости, формѣ и симметріи; такъ и Господь поступаетъ съ нами. Видимый міръ, это тотъ-же ящикъ съ кубиками. Мы занимаемся ими пока не сдѣлаемся взрослыми людьми и не отложимъ въ сторону дѣтскихъ игрушекъ. Видимое—это только подмости, лѣстница къ вѣчному“¹⁾. И мы стоимъ на этой лѣстницѣ; каждый на своей ступени и каждый по своему безконечно разнообразными способами переходимъ съ ступени на ступень. Господь иногда избираетъ удивительные способы, чтобы пробудить въ человѣкѣ религіозность, влеченіе къ духовной жизни. Весь міръ въ Его рукахъ и нѣтъ такой *мелочи* въ жизни, которая не могла бы быть средствомъ для указанія на эту

¹⁾ Генри Друммондъ: „Идеальная жизнь“. с. 71; 68 также см. с. 69—70.

цѣль. Одно изъ искушеній діавола состоитъ въ томъ, что онъ, желая отдалить насъ отъ Бога, внушаетъ намъ мысль о томъ, что безконечно великій Богъ проявляетъ себя только въ грандіозныхъ, величественныхъ явленіяхъ природы и жизни. Ложь это, неправда! Господь не вдали только отъ насъ, но и близъ насъ, кругомъ насъ, въ насъ; Онъ непрестанно стучитъ въ наше сердце и не землетрясеніями только, войнами, эпидеміями и подобными *знаменіями*—это только въ исключительныхъ случаяхъ,—а всегда и постоянно—безконечно разнообразными мелочами, пустяками нашей будничной ежедневной жизни. Вѣдь изъ мелочей главнымъ образомъ слагается наша жизнь, поэтому мелочи являются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ вліянія на нашу жизнь. Пока мы дѣти духомъ, съ нами и обращеніе дѣтское. Наше дѣло помнить, что не одинъ волосъ не упадетъ съ головы нашей безъ воли Отца небеснаго (Мѡ. 10,—30), что Господь Іисусъ Христосъ, живя на землѣ, приходилъ къ людямъ *въ самыя ихъ жилища*, каковы-бы они ни были. „Нѣтъ на землѣ мѣста настолько темнаго, чтобы небесный свѣтъ не могъ проникнуть туда; и нѣтъ клочка земли, на которомъ Господь не могъ-бы воздвигнуть памятника Своей любви. Въ мірѣ вездѣ найдется мѣстечко для святой мысли. Она можетъ посѣтить человѣка на пути, какъ Павла; или же на вѣтвяхъ смоковницы, какъ Закхея. Она можетъ придти къ нему въ лодкѣ, какъ Петру; или за чтеніемъ Библии, какъ Евнуху... Господь наполнилъ всю землю, воздухъ и небо мыслями объ Его славѣ и голосами, призывающими къ Нему“¹⁾.

Но чтобы понять этотъ голосъ Божій въ мірѣ, для этого нужно относиться къ міру съ непосредственностію дитяти. „Истинно говорю вамъ, сказалъ Христосъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное“ (Мѡ. 18, 3). И не нужно большой наблюдательности, чтобы видѣть, *что чѣмъ меньше мы полагаемся на себя, тѣмъ больше намъ помогаетъ Богъ*. Это всегда и во всемъ; въ этомъ основной законъ духовной жизни. Наше „я“ и Богъ не могутъ быть совмѣстно, и Богъ вступаетъ въ нашу душу только постольку, поскольку уступаетъ Ему мѣсто наше „я“ черезъ

¹⁾ Друммондъ *ibidem*. с. 172.

свое сокращеніе. Только самоотреченіе открываетъ клапаны нашей души, чрезъ которые вливается въ нее вода жизни Божіей, но стоитъ только показаться этому самому „я“, какъ эти клапаны замыкаются, человекъ отдѣляется отъ океана жизни и замыкается въ собственное надутое ничтожество. Въ дитяти *по естеству* есть то, что въ насъ должно быть *по произволению*. Дитя—образъ Святого по тремъ основнымъ признакамъ. Первое.—Онъ невинно радуется, потому что не выдѣлилъ еще свое личное „я“ изъ общей жизни, не построилъ еще стѣну между собой и остальнымъ міромъ: всѣ предметы міра, по его мнѣнію, живутъ такою-же жизнью, какъ онъ, всѣ люди для него „дяди и тети“. Подобное и у святого: онъ побѣдилъ свое личное „я“ и *уничтожилъ* стѣну, отдѣляющую его отъ остального міра; онъ перенесъ центръ своей жизни изъ своего крошечнаго эгоистическаго „я“ въ широкій просторъ общей міровой жизни, онъ раскрылъ свое сердце для Бога и въ Немъ заключилъ все живое. Второе.—Ребенокъ счастливъ еще и потому, что въ его душу не проникло еще *сомнѣніе*, онъ еще полонъ бессознательной вѣры. Не менѣе исполненъ вѣры и святой, но вѣры сознательной, закаленной въ огнѣ страданія, прошедшей чрезъ всѣ тяжелые искусы земной жизни.

Третій признакъ, сближающій дитя и святого, это—отсутствіе заботъ. Ничто такъ не развѣдаетъ здоровую радость бытія, какъ безконечныя заботы, все болѣе усложняющіяся съ возрастомъ человечества. Его творчество расширяется, предметы этого творчества умножаются до безконечности и жадное желаніе современнаго человека всѣмъ воспользоваться, все захватить для себя и для своихъ, становится все ненасытнѣе и острѣе, дѣлаетъ его рабомъ и гонитъ покой изъ его души.

Вотъ почему, „кто *умалится*, (т. е. до возможной степени сократитъ свое „я“) какъ дитя, тотъ больше въ Царствѣ Небесномъ“ (Мѣ. 18,—4).

Итакъ, учителя духовной жизни съ нами, около насъ, на рукахъ у насъ; Господь „обнялъ ихъ, возложилъ руки на нихъ и благословилъ ихъ“ (Мр. 10,—16). Мы должны не учить только ихъ, но и учиться у нихъ, памятуя слова Спасителя: „кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“ (Мр. 10,—15).

Чтобы углубить діагнозъ духовной жизни, чтобы составить себѣ возможное представленіе о самыхъ процессахъ этой жизни и условіяхъ взаимообщенія въ этой сферѣ, для этого необходимо, хотя-бы кратко, остановиться на общемъ обзорѣ самой природы человѣка.

Всѣ мы, господа, съ ранняго дѣтства знаемъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Въ этомъ знаніи—глубокая правда, но оно слишкомъ обще, чтобы можно было говорить о его полной ясности и опредѣленности. Правда въ немъ глубокая, но глубина чрезвычайно мелкая. Знающій природу человѣка только съ точки зрѣнія указанной формулы подобенъ тому, кто знаетъ міръ только постольку, поскольку воспринимаетъ онъ его чрезъ посредство пяти внѣшнихъ чувствъ. Конечно, для жизни довольно и этого, но для знанія этого очень мало. Наше время по этому вопросу раскрываетъ болѣе широкія перспективы. О нихъ не говоритъ еще открыто оффиціальная наука, но на нихъ настойчиво указываютъ тѣ, которые идутъ впереди науки и ставятъ вѣхи для ея движенія впередъ. Дѣло вотъ въ чемъ. — Не можно выражаютъ истину какъ тѣ, которые ограничиваютъ физическую природу человѣка только тѣломъ въ общепотребительномъ смыслѣ этого слова, такъ и тѣ, которые трактуютъ о душѣ только съ точки зрѣнія психологіи. Человѣкъ больше того, чѣмъ о немъ принято думать и больше въ ту и другую сторону (тѣла и души): физически онъ вдвое длиннѣе и четверо шире¹⁾, чѣмъ кажется; психически онъ способенъ возвышаться до состоянія духа, постепенно сбрасывая съ себя черты своей ограниченности. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ. (МѠ. 5-48).

Объяснимся.

Таинственныя явленія спиритизма, привлекшія къ себѣ вниманіе съ половины прошлаго вѣка лучшихъ научныхъ силъ всего міра, послужили поводомъ къ открытію интереснаго феномена: оказалось, что тѣло человѣка постоянно выдѣляетъ изъ себя особаго рода эманацию, которая, какъ облако, окутываетъ его со всѣхъ сторонъ. Примѣненіе къ дѣлу гипнотизма внесло значительный свѣтъ въ эту область. Выяснилось, что то, что недоступно обыкновенному

¹⁾ См. Вѣстникъ Теософіи 1911 г. № 10 с. 20.

зрѣнію, становится детально видимымъ для человѣка за- гипнотизированнаго. Отсылая интересующихся болѣе подро- бными свѣдѣніями по этому вопросу къ нашей книгѣ: „Спиритизмъ“, мы здѣсь лишь кратко коснемся только са- мыхъ послѣднихъ новостей въ этой области.

Съ годъ тому назадъ Чикагскій врачъ Петрикъ О'Дон- нель изумилъ американскій ученый міръ сообщеніемъ, что ему удалось, при помощи особаго химическаго процесса, установить въ темнотѣ фактъ лучеиспусканія человѣческаго тѣла. Лучи, по объясненію О'Доннеля, окружаютъ человѣ- ческое тѣло на подобіе кольца, которое передвигается вмѣстѣ съ человѣкомъ, во время болѣзней подвергается измѣне- ніямъ, а со смертію исчезаетъ. Со времени перваго своего сообщенія О'Доннель произвелъ рядъ новыхъ опытовъ и ему удалось сдѣлать въ чикагскомъ госпиталѣ нѣсколько сним- ковъ. Избравъ для этой цѣли умирающаго, врачъ убѣдился, что туманное кольцо со смертію пациента тотъ-часъ же ис- чезло. Послѣ этого рядъ новыхъ опытовъ, предпринять былъ въ присутствіи врачей въ Чикагской художественной ака- деміи. Нѣсколько лицъ закутали въ простыни. Когда въ темной комнатѣ простыни были сброшены и былъ произве- денъ химическій процессъ доктора О'Доннеля, то начали обнаруживаться туманныя оболочки, вполне соответствующія очертаніямъ тѣла. Для провѣрки были приглашены изъ госпиталя сестры милосердія, ничего незнавшія объ опытахъ. Сначала онѣ въ темнотѣ ничего не разглядѣли, но затѣмъ, всмотрѣвшись, и онѣ увидѣли очертаніе тѣла¹⁾.

Помимо этого, за послѣднее время добытъ цѣлый рядъ объективныхъ доказательствъ, съ несомнѣнностью устанав- ливающихъ наличность излученій изъ человѣческаго тѣла. Къ числу такихъ доказательствъ слѣдуетъ отнести: а) фо- тографическіе снимки, которые получаются при непосред- ственномъ возложеніи руки на фотографическую пластинку въ полной темнотѣ. Снимокъ даетъ свѣтлыя полосы и пятна преимущественно на оконечностяхъ руки, б) цѣлый рядъ приборовъ, дающихъ отклоненіе стрѣлки при приближеніи руки человѣка. (Стенометръ д-ра Жуара, биометръ д-ра Ба- радюка и др.)²⁾.

1) Вѣстникъ Теософіи. 1911 г. № 9. с. 74.

2) Ibidem № 1 с. 68.

То, что теперь пытаются зафиксировать на пластинкѣ, давно было извѣстно людямъ, какъ невидимая, но проявляющая себя въ видимыхъ, реальныхъ явленіяхъ, энергія. Разно называли эту энергію: *флюидической силой*—магнетизеры, *одомъ*—баронъ Рейхенбахъ, *жизненнымъ принципомъ*—Бартезъ, *нервной силой*—Барети, *праной*—индусы, *аурой* оккультисты, *месмеризмомъ*—по имени Месмера и пользовались ею для разныхъ цѣлей, но главнымъ образомъ для леченія болѣзней. Въ наше время въ болѣе широкихъ кругахъ общества она извѣстна подъ именемъ, такъ называемаго, *животнаго магнетизма*.

Каснемся этого вопроса постольку, поскольку онъ соприкасается съ нашей задачей. Сущность магнетизма состоитъ въ томъ, что всякое физическое тѣло, начиная отъ минераловъ и кончая человѣкомъ, выдѣляетъ изъ себя комплексъ лучей, распространяющихся отъ него во всѣ стороны въ окружающемъ его пространствѣ. Есть-ли это та диссоціація, которая составляетъ секретъ, такъ называемой, радиактивности, или что другое,—неизвѣстно; говорятъ только, что эта эманация въ существахъ одушевленныхъ разнообразится въ зависимости отъ совершенства душевнаго начала, такъ что, чѣмъ выше поднимается въ своемъ развитіи духовная монада, тѣмъ тоньше становятся эти излученія и тѣмъ благотворнѣе ихъ вліяніе на всѣ окружающіе предметы¹⁾. Если это такъ, то открывается глубоко интересная перспектива, бросающая яркій свѣтъ на вопросъ, почему даръ исцѣленій имѣютъ только святые и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ большей нравственной высоты они достигаютъ. Здѣсь же и объясненіе того, почему и Святые не всѣхъ исцѣляютъ, а только тѣхъ, которые проявляютъ чрезъ вѣру, раскаяніе высокій подъемъ духа и чрезъ то приводятъ его въ состояніе гармоніи съ духомъ цѣлителя; внѣ этого, тончайшіе лучи святого, не встрѣчая себѣ однородныхъ въ грѣшномъ, проникаютъ сквозь организмъ грѣшнаго, совершенно его не касаясь, т. е. не врачуютъ; такъ, электрическій токъ высокаго напряженія можетъ безнаказанно проходить чрезъ организмъ человѣка, не оставляя по себѣ никакого впечатлѣнія!²⁾ Теорія однородныхъ духу эманаций организма

1) Вѣстникъ Теософіи 1911 г. № 1. с. 67.

2) Вѣстникъ Теоріи *ibidem* с. 73.

осмысливаетъ и вопросъ о томъ, почему вліяніе одного человека на другого бываетъ не только непосредственнымъ, но и чрезъ посредство предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если организмъ выдѣляетъ изъ себя извѣстнаго рода комплексъ лучей, то этими лучами могутъ быть насыщены какіе угодно предметы, которые, будучи пересланы даже на большія разстоянія, сохраняютъ въ себѣ и затѣмъ передадутъ другому введенную въ нихъ жизненную энергію. Субъектъ, получавшій эти предметы, можетъ даже и не подозревать о томъ, что они насыщены, и невѣдѣніе это нисколько не ослабитъ ихъ дѣйствія. Такимъ образомъ, воскресаютъ и получаютъ научное обоснованіе амулеты древнихъ и многое изъ того, что люди считали дѣломъ невѣжества или вѣковыхъ суевѣрій.

Теорія свѣтовыхъ излученій изъ организма проливаютъ свѣтъ на Евангельскій рассказъ о томъ, что во время Преображенія Иисуса Христа лице Его сіяло, какъ солнце, а одежды были бѣлы, какъ снѣгъ; на библейское свидѣтельство о сіяніи лица Моисея (Исх. 24,—29—35); на правило Церкви при изображеніи святыхъ, окружаютъ ихъ лики нимбомъ. Съ точки зрѣнія этого взгляда понятна, напр., причина умиротворяющаго вліянія на душу Храма.—Такъ какъ всѣ идутъ въ храмъ, какъ въ святое мѣсто, то и настраиваютъ себя соотвѣтствующимъ образомъ; возвышенное настроеніе проявляетъ себя въ тончайшихъ, живоносныхъ излученіяхъ, т. е. создается атмосфера для воспріятія благодати, какъ той силы жизни, которая дарована міру Христомъ и чрезъ Христа дѣйствуетъ во всѣхъ уподобляющихся Христу (Святыхъ) и по мѣрѣ уподобленія Ему. Эта атмосфера, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ „слава Господня въ видѣ облака“ надъ скиніей, насыщаетъ воздухъ храма и дѣлаетъ его мѣстомъ святымъ, домомъ Божиимъ, такъ сказать фізіологически дѣйствующимъ на всѣхъ присутствующихъ въ Храмѣ. Мы всѣ это знаемъ, поскольку считаемъ за грѣхъ не только кричать, шумѣть, браниться въ Храмѣ, но и громко разговаривать, поскольку говоримъ, что въ Храмѣ должно держать себя благоговѣнно, но знаемъ не сознаніемъ, а какимъ-то внутреннимъ ощущеніемъ и это, очевидно, потому, что самыхъ этихъ тончайшихъ излученій мы не можемъ уловить внѣшними чувствами, чтобы зафиксировать ихъ въ мозгъ и

передать сознанию. Мы уловливаемъ ихъ своей аурой¹⁾, (по закону: подобное воспринимается подобнымъ), тѣмъ, что теперь называютъ *безсознательнымъ сознаниемъ* и воспринимаемъ, поэтому, сверхсознательно. Сказаннымъ съ очевидностію рѣшается спорный вопросъ: слѣдуетъ-ли заставлять дѣтей и самихъ себя ходить въ храмъ, или ожидать, когда они и мы, сами захотимъ? Послѣ сказаннаго спрашивать объ этомъ такъ-же странно, какъ спрашивать о томъ: нужно-ли больного помѣщать въ здоровый климатъ, въ здоровую атмосферу, или лучше его держать въ затхлои, наполненной мiasмами? Чего мы не знаемъ, того не можемъ пожелать, поэтому, если не начнемъ ходить въ Храмъ по обязанности, по самопринужденію, то никогда не придемъ въ него по свободному влеченію. Послѣднее рождается потомъ, изъ опыта посѣщенія Храма и далеко не сразу. Говорятъ о толстокожихъ, которые плохо реагируютъ на слабыя внѣшнія раздраженія; то-же нужно сказать и о лицахъ съ сравнительно грубой аурой: не сразу она можетъ утоньшиться, а лишь постепенно, чрезъ возможно болѣе частое соприкосновеніе съ тончайшими аурами, особенно, если этотъ процессъ идетъ только со внѣшнимъ самымъ человѣкъ не прилагаетъ стараній къ тому, чтобы настроить себя возвышенно.

Оставимъ на время таинственную ауру и углубимся анализомъ въ другую часть природы человѣческой—душу. Съ точки зрѣнія науки о душѣ—психологіи здѣсь царитъ не меньшая неясность. Основные вопросы: что такое душа и откуда она?—здѣсь совершенно открыты. Безнадежно неразрѣшимымъ (См. Челпанова, Сикорскаго) стоитъ и вопросъ о томъ, *какимъ образомъ* душа можетъ вліять на тѣло и управлять имъ, ибо теорія психо-физическаго параллелизма, т. е. предуглаженной гармоніи между процессами физиологическими и психическими, очевидно есть не рѣшеніе этого вопроса, а официальный отказъ отъ его рѣшенія. Новая психологія, какъ и старая также говоритъ о душѣ растительной, животной и человѣческой, называя душу человѣка предуктомъ эволюціи низшей психической монады; также „находить необходимымъ признать, что понятія: душа, духъ,

1) Аура—это теософическое названіе излученій изъ человѣка, которыя въ видѣ облака окружаютъ его.

сознаніе, мысль—тождественны“¹⁾). Такимъ образомъ, о чемъ болѣе всего говорятъ святые (о духѣ), того и понынѣ не знаютъ ученые. Это, конечно, вполне понятно: позитивная наука можетъ говорить только о томъ, что открываетъ, выражаясь евангельски, „плоть и кровь“, т. е. внѣшнія чувства, а не о томъ, о чемъ возвѣщаетъ „Отець небесный“. Странно только то, что въ христіанскомъ обществѣ, обществѣ „возрожденныхъ“ совершенно нѣтъ психологіи возрожденныхъ, а царить и изучается даже въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, только психологія естественнаго человѣка, какъ будто возрожденіе, т. е. Христіанство является только новымъ словомъ, а не *новымъ дѣломъ*; какъ будто все значеніе христіанства сводится только къ новому ученію, къ Евангелію, къ примѣру Христа, а не есть *измѣненіе, обновленіе, перерожденіе* самого существа человѣка, о чемъ ближе всего слѣдовало-бы говорить именно психологіи?! Христосъ донинѣ не принятъ въ ученый ареопагъ и дѣло Его въ лучшемъ случаѣ трактуется, какъ богословіе, т. е. *слово* о Богѣ, ученіе, а не какъ искупленіе, т. е. какъ *путь, истина и жизнь* (Іоан. 14,—6). Слово о Христѣ и донинѣ для рабовъ закона (іудеевъ)—соблазнъ, а для эллиновъ (ученыхъ)—безуміе (І кор, 1,—23).

По закону Моисееву воспрещалось входить съ *своимъ огнемъ* даже во святилище, и тѣмъ болѣе—во Святое Святыхъ, посему оставимъ свѣтъ своего разума (науки) во дворѣ скинии нашего духа и войдемъ во Святое Святыхъ съ свѣтомъ Божественнаго откровенія.

Что-же говоритъ слово Божіе о духовной природѣ человѣка?

„Есть мудрость“, говоритъ Ап. Іаковъ, „нисходящая свыше“, и есть мудрость „земная, душевная, бѣсовская“ (Іак. 3,—15). И „тѣло есть *душевное* и есть тѣло *духовное*... Не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное“ (І Кор, 15,—44—46), „Люди, отдѣляющие себя отъ единства вѣры—*душевные*“, они „*не имѣютъ духа*“, (Іуд.—19). „Мы“, говоритъ Ап. Павелъ, „приняли не духа міра сего, а *Духа отъ Бога*, дабы знать дарованное намъ отъ Бога, что и возвѣщаемъ не отъ человѣческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святаго, соображая духовное съ духовнымъ.

¹⁾ Сикорскій: „всеобщая психологія съ фізіогномикой Кіевъ 1912 г. с. 182.

Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разуметь, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. 2, 12—14). Духовный человекъ, это— „*новая тварь*“ (2 Кор. 5,—17;—Гал. 6,—15); *новый человекъ*“ (Ефес. 2,—15; 4,—24; Кол. 3,—10).

Итакъ, есть въ человекѣ *душа*, есть и *духъ*; бываетъ мудрость *душевная*, бываетъ мудрость *духовная*; есть *тѣло душевное* и есть *тѣло духовное*. Христіанинъ отличается отъ не христіанина не внѣшне только, но и *субстанціонально*— онъ *новая тварь*.

Что-же все это означаетъ?

Прекрасныя разъясненія по психологіи возрожденной во Христѣ души даетъ богатый опытомъ духовной жизни епископъ Теофанъ. „Жизнь *человѣческая*, говоритъ онъ, многосложна и многосторонна. Есть въ ней сторона *тѣлесная*, есть *душевная* и есть *духовная*. Каждая имѣетъ свои силы и потребности и свои способы упражненія ихъ и удовлетворенія. Только тогда, когда всѣ силы наши бываютъ въ движеніи и всѣ потребности удовлетворяются, человекъ живетъ. А когда у него въ движеніи только одна частичка силъ, и только одна частичка потребностей удовлетворяется, то эта жизнь не жизнь: все одно, какъ въ швейной машинкѣ движеніе должное бываетъ только тогда, когда всѣ части ея въ ходу. Прекратись дѣйствіе какой-либо части, машинка стала,—не живетъ. Не живетъ и человекъ по-человѣчески, когда въ немъ не все въ движеніи. Только въ машинкѣ прекращеніе ея жизни— движенія— видимо видится, а въ человекѣ бездѣйствіе въ немъ полной *человѣческой* жизни, при дѣйствіи одной какой стороны и удовлетвореніи немногихъ потребностей, совершается невидимо, хотя есть дѣйствительно, какъ *дѣйствительна неподвижность* сказанной машинки. Таковъ законъ *человѣческой* жизни!“ 4)

Тѣлесная сторона жизни человека всѣмъ извѣстна, но въ чемъ-же проявляется сторона *душевная* и *духовная*, чѣмъ они различаются и гдѣ грань ихъ раздѣляющая?

На окраинахъ жизни, не касаясь ея центра, говоритъ Теофанъ, стоитъ самая *нижняя* сторона человека, *одинаково*

4) „Что есть *духовная* жизнь“. Москва 1904 г. с. 7—8.

вая у него съ животными... Она проявляется въ томъ, что заняты руки, ноги, языкъ, глаза, уши, обоняніе, память, воображеніе, фантазія и смѣшливость. Это—жизнь душевная; она вся обращена исключительно на устройство нашего временнаго быта—земнаго. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ, и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, и чувства ея порождаются и держатся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло. Хоть и бываетъ въ ней нѣчто выше сказаннаго, но то гости, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно—области духа.

Что-же это за духъ?—*Это та сила, которую вдохнулъ Богъ въ лицо человека, завершая сотвореніе его.* Всѣ роды существъ наземныхъ изводила, по повелѣнію Божію, земля. Изъ земли вышла и всякая душа живыхъ тварей. Душа человѣческая, хотя и сходна съ душою животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравнено превосходитъ ее. Что она является такою въ человѣкѣ, это зависитъ отъ сочетанія ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, столько возвысилъ ее надъ всякою человѣческою душою. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ,—и то, что свойственно *душѣ* человѣка *одуховленной*, а выше еще—то, что свойственно *собственно духу*.

Духъ, какъ сила, отъ Бога исходящая, вѣдасть Бога, ищетъ Бога и въ Немъ одномъ находитъ покой. Нѣкимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ удостовѣряясь въ своемъ исхожденіи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угождать Ему и жить только для Него и Имъ¹⁾.

Точнѣе,—душѣ одуховленной свойственно вотъ что: „Богъ вложилъ въ душу вѣдѣніе о Себѣ въ умѣ, и о волѣ Своей въ совѣсти, осѣнивъ то и другое чаяніемъ вѣчно—блаженной жизни. Это сѣмя духовной жизни. Оно посѣяно въ насъ и принято въ моментъ вдохнутія Богомъ въ насъ Своей божественной искры жизни. Всякій, рождаясь, приноситъ съ собой и въ себѣ сіе сѣмя, которое затѣмъ разви-

1) Ibidem с. 31—32.

вается и опредѣленность получаетъ отъ окружающей его среды людей“ 1).

Такимъ образомъ, одуховленная душа, или человѣческая *по природѣ* отличается отъ души животной слѣдующимъ: а) у животнаго—умъ; у человѣка плюсъ—*вѣдѣніе о Богѣ*—разумъ. б) у животнаго воля; у человѣка плюсъ—*свобода и совѣсть*, какъ внутренній показатель согласія, или несогласія свободной воли человѣка съ волей Божіей, в) у животнаго—чувство душевное, земное; у человѣка—плюсъ ощущение неземного *блаженства*.

Все это—психологія естественнаго человѣка, невозрожденнаго; а что выше того, то уже сфера собственнаго духа, Христомъ оживленнаго. „Душа человѣческая дѣлаетъ насъ малымъ нѣчимъ выше животныхъ, а духъ являетъ насъ малымъ нѣчимъ умаленными отъ Ангеловъ“ 2).

Получивши отъ Бога въ актѣ творенія указанное выше *сѣмя духовной жизни*, человѣкъ черезъ фактъ грѣхопаденія отдѣлилъ себя *отъ жизни въ Богѣ*, и отъ этого *сѣмя* его духовной жизни сдѣлалось *безплоднымъ*. Точнѣе: оно приносило плоды только для жизни *въ мірѣ* и не могло приносить плодовъ для жизни *въ Богѣ*. Эта ненормальность сказалась въ тоскѣ по Богѣ, въ *безпокойномъ исканіи Бога*. Какъ растение, удаленное отъ солнца, естественно ищетъ его, развиваясь болѣе въ сторону свѣта, такъ и человѣкъ естественно тянулся къ Богу, ища Его въ окружающей природѣ.

И Богъ внялъ этимъ поискамъ падшаго рода человѣческаго и послалъ въ міръ Сына Своего, принявшаго въ единство Своей Божественной Упостаси природу человѣческую.

Черезъ это въ міръ принесена была *жизнь*, которая и *оживила*, сдѣлала *плодоноснымъ* для жизни въ Богѣ *сѣмя* духовной жизни человѣка, но не всякаго человѣка, а лишь того, который *самъ* пожелаетъ усвоить себѣ эту жизнь. Такимъ образомъ, *„милость и истина“* встрѣтились, правда и миръ *„облобызались“*. (Ис. 84—11).

Фактически это оживленіе, возрожденіе совершается въ таинствѣ крещенія. Что же происходитъ съ душою въ крещенія? „Крещеніе, говоритъ еп. Теофанъ, даетъ намъ то,

1) Никодима Святогорца: „Невидимая брань“; переводъ еп. Теофана. Москва 1904 г. с. 148.

2) Теофана: „Что есть духовная жизнь?“ с. 33.

чего ничто другое на землѣ, кромѣ его, дать намъ не можетъ. Оно сочетаваетъ и срастворяетъ съ естествомъ нашимъ божественную благодать, такъ что изъ купели крещенія человѣкъ выходитъ такимъ, какимъ выходитъ изъ мастерской какое-либо издѣліе, на примѣръ, колокольчикъ, въ коемъ къ мѣди прилито серебро. Подобный ему мѣдный колокольчикъ безъ серебра на видъ таковъ-же, каковъ и этотъ съ серебромъ; но составъ ихъ разный, разный у нихъ звукъ, разны и честь имъ и цѣна. Такъ разнится и человѣкъ крещенный и некрещенный. Разность сію составляетъ то, что съ крещенымъ сочетается благодать Св. Духа, такъ какъ крещаемый водою крестится вмѣстѣ съ тѣмъ и Духомъ Святымъ. На видъ онъ такой-же человѣкъ, какъ и некрещенный, а на дѣлѣ—въ составѣ своемъ—они разны—и очень.

Такъ во Святомъ Крещеніи къ естественному составу нашему приливается еще новая стихія, сверхъестественная, и остается въ насъ сокрытою и сокровенно дѣйствующею. Мы крещеніе получаемъ въ младенчествѣ, и хоть не знаемъ, что творится съ нами, но благодать тѣмъ не менѣе сочетается съ нами и тогда-же начинаетъ дѣйствовать въ насъ помимо нашего сознанія, по единой благодати Божіей, вѣры ради воспреемниковъ и родителей. Приходя въ возрастъ, мы не можемъ хорошо различить въ себѣ, что въ насъ отъ естества и что отъ благодати, которая, съ самаго крещенія пребывая въ насъ, не оставалась праздною, а дѣйствовала свойственнымъ ей образомъ. Но въ первыя времена, когда приводимы были къ вѣрѣ и крещаемы возрастныя, дѣйствіе благодати обнаруживалось въ нихъ тотъ-часъ-же, — и для нихъ ощутительно, и для другихъ видимо. Особенно поразительны бывали: измѣненія нрава и жизни, когда, на примѣръ, сердитый становился кроткимъ, гордый—смирненнымъ, скупой—щедрымъ, развратникъ—цѣломудреннымъ и проч. Подобное нѣчто вѣрно совершилось и съ нами въ купели крещенія. Пришедши въ возрастъ и видя въ себѣ добрыя стороны, мы нерѣдко тщеславимся тѣмъ, или другіе—нами, приписывая то себѣ самимъ; между тѣмъ, какъ все доброе, что есть въ насъ, надо относить къ благодати Божіей, которая и все естественное въ насъ передѣлываетъ и многое даетъ прямо отъ себя¹⁾.

¹⁾ Теофана: „что есть духовная жизнь“ с. 92—93.

Итакъ, въ крещеніи „къ естественному составу нашему приливается еще новая стихія сверхъестественная“, но почему-же когда крестилъ Самарянъ діаконъ Филиппъ, то Самаряне, получивши крещеніе, „не приняли Духа Святаго“, „ибъ Онъ не сходилъ еще ни на одного изъ нихъ, говоритъ книга Дѣяній,“ „а только были они крещены во имя Господа Іисуса“ (8,—12—6), и для низведенія на нихъ Духа Святаго потребовалось *сверхъ крещенія еще возложеніе на крещенныхъ рукъ (миропомазаніе)* ¹⁾ апостоловъ Петра и Іоанна? Другой примѣръ.—Ап. Павелъ пришелъ въ Ефесъ и, встрѣтивъ тамъ нѣкоторыхъ вѣрующихъ, спросилъ ихъ: приняли ли они Духа Святаго? Тѣ отвѣчали, что они не слышали даже, есть-ли Духъ Святой. Оказалось, что они были крещены лишь *крещеніемъ Іоанновымъ*. Тогда Св. Павелъ окрестилъ ихъ Христовымъ крещеніемъ; *послѣ-же крещенія возложилъ на нихъ руки*, и они исполнились Духа Святаго. „Крещеніемъ, замѣчаетъ Теофанъ, они были обновлены, но не получили дара Св. Духа.“ Онъ сообщилъ имъ чрезъ апостольское возложеніе рукъ“ ²⁾. Здѣсь было крещеніе *Іоанново*, а въ первомъ случаѣ крещеніе „во имя Господа Іисуса“ и все-же чрезъ одно только крещеніе, крещенные не получили Духа Святаго? Почему-же? Потому, отвѣчаетъ Теофанъ, что „самое полученіе дара Духа Святаго бываетъ не по одной вѣрѣ, а по вѣрѣ чрезъ Богоучрежденныя таинства“ ³⁾. А таинство въ томъ и въ другомъ случаѣ не могло быть, ибо крещеніе совершалось лицами, *немогущими совершить таинства* (діаконъ). Но что-же? Это крещеніе лицомъ неправомощнымъ было совершенно бесполезно для крещенныхъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Теофанъ: „крещеніе сдѣлало ихъ только способными къ принятію дара и достойными его“ ⁴⁾, а самаго дара Духа Святаго (жизни) не давало.

Мы яснѣе поймемъ тотъ внутренний процессъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, если воспользуемся евангельскимъ примѣромъ. **Святи. Иоаннъ Дмитревскій.**

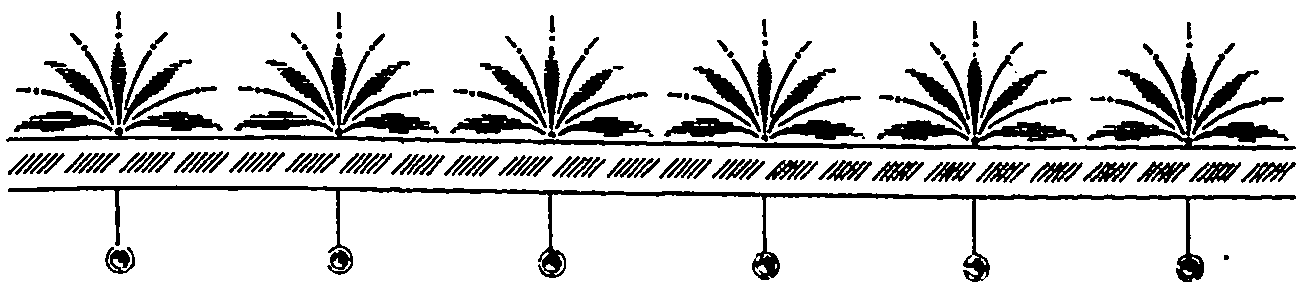
..... (Окончаніе будетъ).

..... ¹⁾ Во времена апостоловъ таинство Миропомазанія совершалось чрезъ возложеніе рукъ.

²⁾ „Что есть духовная жизнь“? с. 248.

³⁾ Ibidem с. 247.

⁴⁾ Ibidem с. 248.

Вліяніе педагогическихъ и богословскихъ взглядовъ Теофана Прокоповича на церковно-школьное образование и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Педагогическіе и богословскіе взгляды Теофана Прокоповича имѣли несомнѣнное значеніе въ исторіи русскаго школьнаго воспитанія и образованія. Будучи въ значительной своей части проведены законодательнымъ путемъ отчасти въ Регламентъ, а отчасти въ отдѣльныхъ Синодскихъ указахъ, они имѣли всѣ шансы на полное и быстрое осуществленіе ихъ въ церковно-школьной практикѣ. Однако обстоятельства, связанныя съ началомъ правильнаго церковно-школьнаго дѣла въ Россіи, не благопріятствовали скорому и широкому развитію послѣдняго. Поэтому въ началѣ его, т. е. въ первой половинѣ XVIII вѣка, не могли вполнѣ осуществиться и педагогическіе и богословскіе взгляды Теофана Прокоповича, долженствовавшіе по смыслу законодательныхъ актовъ стать душою и принципомъ русской церковно-школьной педагогіи. Первой половинѣ XVIII вѣка суждено было увидѣть только частичное примѣненіе ихъ къ церковно-школьному дѣлу, не смотря на то, что это дѣло въ большинствѣ случаевъ строилось именно на ихъ основаніи. Да и въ послѣдующее время, т. е. уже во второй половинѣ XVIII вѣка и далѣе, воззрѣнія Теофана Прокоповича, особенно педагогическія, вслѣдствіе ихъ значительной узости и односторонности, не нашли себѣ полнаго осуществленія въ церковно-школьной жизни.

Система собственно педагогическихъ воззрѣній Теофана Прокоповича съ достаточной полнотой можетъ быть выяснена и изложена на основаніи нѣкоторыхъ письменныхъ

памятниковъ, вышедшихъ изъ подъ пера самого знаменитаго Новгородскаго Архіепископа, къ каковымъ въ особенности относятся; 1) отдѣлъ Духовнаго Регламента „домы училищныя: 2) уставъ собственной въ Петербургѣ семинаріи Теофана Прокоповича подъ заглавіемъ: „регулы семинаріи Преосвященнаго Теофана, Архіепископа великоновгородскаго и великолукскаго“¹⁾ и 3) два произведенія для первоначальнаго обученія: „первое ученіе отрокомъ“ съ предисловіемъ и „діалогисмъ, сіе есть, бесѣда о догматѣхъ Православныя Церкви“.

По взгляду Теофана Прокоповича, воспитаніе въ отроческомъ возрастѣ имѣетъ *фундаментальное* значеніе для человѣческой жизни, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ отъ него именно зависитъ все послѣдующее ея направленіе. Безъ воспитанія въ этомъ возрастѣ и притомъ воспитанія добраго почти невозможна нравственная жизнь какъ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ особенности цѣлаго общества. Естественной человѣческой жизнью, отъ природы имѣютъ стремленіе управлять два простыхъ закона: законъ психической инерціи и сродства и законъ врожденнаго зла. Человѣкъ, по Теофану, рождается на свѣтъ съ естественнымъ „грѣховнымъ, прародителей поврежденіемъ“²⁾ и потому, по природѣ расположенъ строить свою жизнь по принципу зла и грѣха. Если это расположеніе съ самого начала не получитъ себѣ, противодѣйствія въ добромъ воспитаніи, то оно начинаетъ осуществляться въ жизни, при чемъ, опираясь на законъ инерціи и сродства, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе укореняется въ человѣкѣ. Поэтому то и исторія свидѣтельствуетъ, что низкій уровень нравственной жизни цѣлыхъ народовъ, зависѣлъ и зависитъ отъ отсутствія у нихъ правильнаго воспитанія молодыхъ поколѣній. Для того, чтобы поднять человѣческую жизнь, на высоту добра и нравственныхъ принциповъ, нужно съ юныхъ лѣтъ привить человѣку новый законъ добра и использовать для него постояннымъ упражненіемъ въ добрѣ силу естественнаго закона психической инерціи и сродства. А это можетъ быть достигнуто только путемъ правильнаго воспитанія. По Тео-

¹⁾ Чистовичъ: „Теофанъ Прокоповичъ и его время“. Приложение стр. 723. ²⁾ Предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“, стр. 31.

фану, отъ доброй жизни того или другого народа прямо можно заключать къ тому, что этотъ народъ имѣетъ „доброе дѣтемъ наставленіе“¹⁾. Такимъ образомъ, правильное воспитаніе есть основа доброй жизни отдѣльныхъ людей и народовъ.

Воспитаніе, по мнѣнію Теофана Прокоповича, должно преслѣдовать прежде всего этическія цѣли. Первой задачей воспитанія является внѣдреніе и возвращеніе въ человѣкѣ добродѣтели или навыка къ такому поведенію, которое было бы запечатлѣно характеромъ страха Божія и вполне сообразовалось бы съ волей и заповѣдями Божиими. Это высшая цѣль всякаго вообще воспитанія, а не одного только духовнаго. Она предназначается человѣческому воспитанію Библией и потому съ особенной строгостью должна быть проводима въ воспитаніи. Болѣе или менѣе конкретно существа добродѣтели, которая должна быть по слову Божию цѣлью человѣческаго воспитанія, Теофанъ Прокоповичъ не указываетъ. Однако, насколько даютъ право заключать школьныя правила Теофана, назначенныя служить успѣху воспитанія, а также и самый характеръ добродѣтели воспитанія, сводящейся у него болѣе всего къ исполненію воли Божіей или заповѣдей Божіихъ,—эта послѣдняя добродѣтель не есть, по Теофану, высшее нравственное состояніе, а только прежде всего внѣшнее согласіе съ Божескимъ закономъ. Если хорошо изучить школьныя уставы Теофана Прокоповича, то не трудно замѣтить, что добродѣтель, поставляемая имъ цѣлью воспитанія, есть по преимуществу внѣшняя выучка или дисциплинированность, способность держать себя въ согласіи съ закономъ и повиноваться ему. Воспитанія въ учащихъ высшихъ добродѣтелей—твердой и восторженной вѣры или горячей религіозности, возвышенно—благоговѣйнаго отношенія къ закону Божию, любвеобильной доброты и мягкости духа—школьныя уставы Теофана Прокоповича собственно прямо не имѣютъ въ виду. Мало того, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ они даже прямо служатъ къ ущербу развитія этихъ добродѣтелей. Такъ, ихъ значительная строгость и нѣкоторая іезуитская мелочность не могли воспитывать благороднаго, добраго и открытаго характера, а ихъ

1) Предисловіе къ „Первому ученію отрокомъ“, стр. 2.

взглядъ на тогдашнюю весьма несовершенную русскую богословскую науку, какъ на единственное средство возбужденія въ воспитанникѣ одной вѣры, не могъ, конечно, привести къ желательнымъ результатамъ и въ этомъ отношеніи. Онъ послужилъ только препятствіемъ къ введенію въ эти уставы спеціальныхъ правилъ, касающихся нарочито успѣшнаго развитія собственно христіанской религіозной настроенности учащихся. Такимъ спеціальнымъ правиламъ и мѣрамъ почти совсѣмъ не даютъ у себя мѣста школьные уставы Теофана Прокоповича, что несомнѣнно весьма удивительно, такъ какъ эти уставы предназначились только для церковно-духовныхъ школъ. Сущность добродѣтели, которую Теофанъ Прокоповичъ поставлялъ цѣлью воспитанія, должна быть понимаема въ связи съ идеаломъ мудраго человѣка, часто имъ рисуемымъ. Существенными нравственными чертами мудраго по Теофану являются смиреніе и скромность, не переходящая только въ ханжество и лицемѣріе и связанная съ отсутствіемъ зависти, самохвальства и слѣпотою самодовольства¹⁾. Данные черты служатъ выраженіемъ той добродѣтели, которой долженъ обладать мудрый и которая также должна служить нормой и образцомъ для школьнаго воспитанія. Ясно, что такая добродѣтель не можетъ быть признана высшей христіанской добродѣтелью, долженствующей несомнѣнно служить идеаломъ для всякаго вообще христіанскаго воспитанія, а въ особенности для воспитанія духовно-церковнаго. Мы, конечно, можемъ утверждать то, что духовно-церковная школа должна преслѣдовать полное развитіе въ питомцѣ высшей христіанской добродѣтели, но такъ же весьма очевидно, что это ей не всегда подь силу. Но она безъ сомнѣнія должна работать въ этомъ направленіи и считать одной изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ сообщенія питомцу возвышенной нравственно-христіанской настроенности. А эта какъ разъ задача какъ то скрашивается въ воспитательной системѣ Теофана Прокоповича, такъ что этическое воспитаніе духовной школы у него сводится только къ нѣкоторымъ элементарнымъ добродѣтелямъ общаго характера. Идеаль христіанской добродѣтели, по плану котораго должна строиться церковно-школьная педагогія, въ значительной мѣрѣ чужды

¹⁾ Регламентъ, отд. „домы училищныя“ и др. мѣста въ разныхъ сочиненіяхъ.

школьнымъ уставамъ Теофана Прокоповича. Эти уставы не преслѣдуютъ даже развитія въ духовныхъ питомцахъ всѣхъ обще-гуманитарныхъ добродѣтелей, такъ что въ уставахъ Теофана предъявляемое имъ воспитанію то общее требованіе, по которому воспитаніе должно приучать къ исполненію воли Божіей,—получаетъ очень ограниченный смыслъ. Церковно-школьное воспитаніе въ его нравственной сторонѣ, такимъ образомъ, по смыслу школьныхъ уставовъ Теофана Прокоповича должно было состоять въ развитіи въ питомцахъ только съ одной стороны выдержанности и дисциплинировки характера, а съ другой — нѣкоторыхъ общихъ нравственныхъ качествъ — смиренія, скромности, независтливости и т. под. Вообще нравственно-воспитательной сторонѣ дѣла здѣсь удѣлено гораздо меньше вниманія, чѣмъ какъ это мы видимъ, на примѣръ, у Платона, Митрополита Московскаго (Ловягина) и другихъ послѣдующихъ русскихъ духовныхъ педагоговъ¹⁾.

Второй важной задачей воспитанія Теофанъ Прокоповичъ поставляетъ сообщеніе образованія. Такъ какъ ему приходилось работать собственно для церковной школы, то онъ и создалъ естественно типъ образованія духовно-церковнаго.

Здѣсь Теофанъ выступаетъ особенно оригинальнымъ. До него въ Россіи обозначилось два типа духовнаго образованія, при чемъ одинъ изъ нихъ имѣлъ мѣсто преимущественно въ Малороссіи, а другой въ Великороссіи. Малороссійское духовное образованіе своимъ источникомъ имѣло главнымъ Кіевскую Академію, которая и давала ему основной тонъ и характеръ. Существенными чертами его были схоластическія отвлеченность и теоретичность, соединенныя съ отсутствіемъ научнаго реализма, и недостатокъ общеобразовательнаго элемента. Великороссійское образованіе во время непосредственно предшествовавшее дѣятельности Теофана Прокоповича съ одной стороны страдало почти всѣми недостатками образованія Кіевскаго, если исходило изъ Московской греко-латинской академіи, орга-

¹⁾ Это видно изъ устава для Кіевской Академіи Рафаила Заборовскаго (Аскоченскій „Кіевъ съ древн. его учил. академіею“ ч. II, стр. 102, прав. 2, 3 и 4), изъ слова о воспитаніи Митроп. Платона (Демковъ. Опытъ педагогической хрестоматіи, стр. 92—97) и др. авт.

низованной по образцу Кіевской, а съ другой—являлось совершенно элементарнымъ, лишеннымъ научнаго характера и общеобразовательнаго элемента, если создавалось въ обыкновенныхъ весьма распространенныхъ въ это время на сѣверѣ домашнихъ школахъ. Здѣсь учили только „грамотѣ, навыку въ божественномъ писаніи и всякомъ благочестивомъ обычаѣ“ 1).

Феофанъ Прокоповичъ въ противовѣсъ обоимъ указаннымъ типамъ русскаго образованія выдвинулъ для этого послѣдняго принципъ научнаго реализма. Этотъ принципъ прежде всего повлекъ за собою цѣлую реформу специально богословской науки, низведя ее изъ области рачіонально-схоластической отвлеченности въ сферу фактическаго научно-историческаго изслѣдованія. Затѣмъ этотъ-же принципъ привелъ Феофана къ идеѣ необходимости расширенія церковно-богословскаго образованія фактическимъ матеріаломъ и изъ области свѣтскихъ наукъ. Отсюда для прежняго специально богословскаго церковнаго образованія онъ потребовалъ внесенія общеобразовательнаго элемента и это требованіе успѣлъ законодательнымъ путемъ провести въ своихъ школьныхъ уставахъ и проектахъ, хотя на первыхъ порахъ и въ сравнительно небольшомъ размѣрѣ. Именно въ общій составъ школьнаго богословскаго образованія онъ внесъ такія ранѣе не имѣвшія здѣсь мѣста науки, какъ Географію и Исторію, ариѳметику, геометрію, отчасти физику и политику 2). Нѣкоторыя изъ этихъ наукъ по проекту Феофана должны были проходиться только косвеннымъ образомъ, на примѣръ, географія и исторія рекомендовались въ качествѣ простого чтенія при грамматическомъ разборѣ. Для нѣкоторыхъ наукъ стводилось только по году, какъ на примѣръ, для ариѳметики съ геометріей, а политика „краткая Пухфендорфа“ предлагалась для преподаванія условно—„аще она потребна судится быть“ 3). Такая сравнительная ограниченность общеобразовательнаго элемента въ духовно-церковномъ образованіи по проектамъ Феофана Прокоповича объясняется тогдашней практической невозможностью расширить этотъ элементъ до должныхъ размѣровъ. Однако же самый новый

1) Соболевскій, Образованность Москвитинъ въ 15—17 в. стр. 17—18.
2) Регнаментъ Домашняишніе: стр. 4 и 6. 2. свѣд. 1811 г.
3) Ibid. 17—18. (то же самое въ 1811 г. свѣд. 1811 г.)

принципъ необходимости общаго образованія для церковной школы здѣсь несомнѣнно провозглашенъ и выдержанъ. Вне-сеніе этого принципа въ церковно-школьное дѣло вмѣстѣ съ реформой самого богословія вызваны были желаніемъ Теофана сообщить духовной школѣ побольше чистаго „свѣта“ положительнаго знанія. По его мнѣнію схоластическое преподаваніе богословской науки, отвлеченное отъ ея научно-историческихъ предпосылокъ и при томъ не связываемое съ общимъ положительнымъ образованіемъ, могло только изощрять остроуміе, но было бѣдно положительнымъ „великимъ свѣтомъ“ ученія. Поэтому отвлеченной схоластикѣ въ церковно-школьномъ богословскомъ образованіи Теофанъ Прокоповичъ объявилъ рѣшительную войну провозглашеніемъ своего общаго принципа научнаго реализма. Этимъ онъ выступилъ противъ духа церковно-школьнаго образованія тогдашней Кіевской и Московской академій.—Съ другой стороны великій недостатокъ богословскихъ познаній въ массахъ не только русскаго народа, но и русскаго духовенства времени Теофана заставилъ его во многихъ случаяхъ съ жаромъ доказывать самую необходимость научно-богословскаго образованія, особенно для духовенства. Поводомъ къ этому было также распространенное въ Великороссіи мнѣніе, что большое научное образованіе и ученіе легко можетъ приводить къ ересямъ. Теофанъ, напротивъ, утверждаетъ, что когда нѣтъ свѣта ученія, не можетъ быть „добраго Церкви поведенія“¹⁾, и что многіе величайшіе церковные отцы и писатели были людьми ученѣйшими и поборствовали даже „о внѣшнемъ ученіи“²⁾.—Церковное образованіе, по Теофану Прокоповичу, должно быть во-первыхъ научнымъ и основательнымъ, а во-вторыхъ добрымъ или чисто православнымъ. На этомъ основаніи онъ считаетъ необходимымъ и требуетъ введенія въ Россіи такихъ церковныхъ школъ, которыя могли бы при правильной постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла удовлетворять обѣимъ этимъ требованіямъ. Его уставы для академіи и семинаріи выразительно подчеркиваютъ свое стремленіе сдѣлать богословское образованіе возможно болѣе научнымъ и обстоятельнымъ. Замѣчательно, что требованіе научнаго богословскаго образованія

¹⁾ Регламентъ. Дома Училищныя.

²⁾ Регламентъ. Дома Училищныя.

въ церковныхъ школахъ у Теофана Прокоповича вызывается не какими нибудь отрицательными мотивами необходимости, на примѣръ, правильной борьбы съ иновѣрцами и т. п., а убѣжденіемъ въ положительной пользѣ этого образованія для строительства и жизни самой русской церкви. Для самой Церкви нужны образованныя силы, нуженъ великій свѣтъ познанія и ученія. Это соображеніе несомнѣнно придавало большую силу требованію Теофана Прокоповича. Правда, требуя положительности знанія и общеобразовательнаго элемента въ церковно-школьномъ образованіи, Теофанъ Прокоповичъ въ своихъ школьныхъ уставахъ отводитъ общеобразовательнымъ наукамъ, — хотя самимъ по себѣ и не многочисленнымъ, — гораздо больше мѣста чѣмъ специально-богословскимъ. Поэтому созданный имъ типъ церковно-школьнаго образованія носить болѣе свѣтскій, чѣмъ богословскій характеръ. Изъ этого открывается скрытая дѣйственность задачъ, которыя Теофанъ Прокоповичъ полагалъ для церковно-школьнаго образованія. Последнее, очевидно, предназначалось служить и интересамъ Церкви и интересамъ Государства. Исторически эта мысль дѣйствительно подтверждается. Петръ Великій смотрѣлъ на церковныя школы, какъ на разсадникъ общаго образованія и общихъ полезныхъ знаній для реформированной Россіи, а не только специально-богословскихъ. Изъ духовныхъ школъ также большинство питомцевъ въ Петровское время забиралось на гражданскую службу разныхъ вѣдомствъ. Это возможно было въ значительной мѣрѣ именно потому, что созданный Теофаномъ Прокоповичемъ типъ церковной школы и церковнаго образованія не имѣлъ ясно выраженнаго и чистаго церковнаго характера.

Бросается въ глаза еще одна черта Теофановскаго типа церковнаго образованія, это его практическая тенденція къ созданію изъ питомца прежде всего такой силы, которая была бы способна къ извѣстной церковной или государственной профессиональной дѣятельности. У Теофана нельзя замѣтить стремленія внести въ церковно-школьное образованіе такой элементъ, который имѣлъ бы значеніе для образованія самого по себѣ, для чистаго просвѣщенія, независимо отъ такихъ или иныхъ профессиональных цѣлей. Поэтому его церковная школа, для всѣхъ своихъ для того

времени большихъ общеобразовательныхъ замысловъ, отличается не обще-гуманитарнымъ, а хотя и двойственнымъ, но все таки профессиональнымъ характеромъ.

Извѣстную долю вниманія въ своей церковно-педагогической системѣ Теофанъ Прокоповичъ удѣляетъ и задачѣ эстетическаго и физическаго воспитанія. Однако эта задача не имѣетъ у него самостоятельнаго значенія, а рассматривается только какъ вспомогательное средство къ воспитанію въ питомцахъ духовной школы жизненнаго оптимизма. Теофанъ по личному настроенію былъ жестокимъ врагомъ мрачно-меланхолическаго пессимизма, тѣмъ болѣе онъ считалъ недопустимымъ его вліяніе въ дѣлѣ педагогii. Это особенно ясно видно изъ изложеннаго имъ въ Регламентѣ Устава Семинаріи, гдѣ онъ прямо требуетъ, чтобы въ частности префектъ или надсмотрщикъ за семинаристами былъ „не вельми свирѣпый и не меланхоликъ“. Средствами воспитанія жизнерадостнаго, бодрого и веселаго характера въ питомцахъ духовной школы Теофанъ Прокоповичъ считаетъ веселыя загородныя прогулки, ежедневныя двухчасовыя гулянья лѣтомъ на дворѣ, а зимою въ „своей же избѣ“, соединенныя съ играми и упражненіями „тѣлодвижными“; плаваніе на регулярныхъ судахъ; забавное строеніе регулярныхъ крѣпостей и, наконецъ, занятіе музыкой. Всѣ эти упражненія съ одной стороны должны служить „ко врачеванію скуки“ и „ко увеселенію“ въ свободное время, а съ другой—одновременно съ пріятнымъ доставлять и полезное, способствуя физическому развитію, создавая бодрость и веселое расположеніе духа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ помощію музыки влагая въ питомцевъ начатки эстетическаго воспитанія. Между прочимъ съ цѣлью предотвратить возможность развитія въ духовныхъ воспитанникахъ меланхоліи Теофанъ рекомендуетъ въ Регламентѣ строить школьные дома на веселыхъ загородныхъ мѣстахъ, а въ правилахъ для своей собственной семинаріи онъ допускаетъ даже школьныя выпивки, устраиваемыя отъ начальства, но съ предупрежденіемъ „никому, когда по нашему приказанію предоставлено питіе будетъ, не пить жарлочно и жадно, и таковаго злообразія весьма хранитися, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть“¹⁾).

¹⁾ Правило 24. Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время, с. 726.

Всѣ указанныя выше задачи духовнаго воспитанія у Теофана Прокоповича направляются къ той общей цѣли, чтобы создать просвѣщенныхъ дѣятелей прежде всего для блага жизни Церкви. Но осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ можетъ быть достигнуто не иначе, какъ съ помощію извѣстныхъ организованныхъ средствъ. Такія средства Теофанъ и указываетъ. Уже изъ предыдущаго видно, что необходимымъ средствомъ надлежащаго церковнаго воспитанія и образованія, средствомъ, которое можетъ быть названо внѣшнимъ, Теофанъ считалъ правильно поставленную школу. Мысль о школѣ, какъ необходимомъ средствѣ церковнаго воспитанія и образованія, была его глубокимъ убѣжденіемъ. Онъ требовалъ, чтобы церковное воспитаніе и образованіе велось не прежними примитивными способами, такъ называемыхъ домашнихъ школъ, а организованными средствами правильно поставленной и достаточно развитой школы. Мысль о школѣ какъ необходимомъ воспитательномъ институтѣ, правда, не была совершенной новостью для Россіи даже сѣверной, но заслуга Теофана Прокоповича состоитъ въ томъ, что онъ многими законодательными актами (Регламентъ и отдѣльные Синодскіе указы) успѣлъ привести эту мысль къ значительному осуществленію и еще во время своей жизни. Какія же средства воспитанія и образованія должна употреблять по Теофану въ своей внутренней жизни сама церковная школа? Такихъ средствъ два: свѣтская и богословская наука съ одной стороны, и съ другой—школьная дисциплина. Первое изъ этихъ средствъ у Теофана носитъ положительный характеръ, второе болѣе всего вспомогательно-отрицательный. Наука по Теофану является единственнымъ и вполнѣ достаточнымъ положительнымъ средствомъ не только умственнаго, но и нравственнаго воспитанія. Теоретическому церковно-школьному познанію онъ приписывалъ полное значеніе нравственно-воспитательнаго фактора и въ этомъ отношеніи возлагалъ на него такъ много надеждъ, что совсѣмъ не ввелъ въ свои школьные уставы правилъ о какихъ нибудь специальныхъ положительныхъ мѣрахъ нравственнаго воспитанія. Религіозныя упражненія, которыя служатъ одной изъ наилучшихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, совсѣмъ не указываются уставами Теофана; не указывается добрый примѣръ наставниковъ и ихъ теплое и непосредственное, живое

облагораживающее вліяніе на питомцевъ школы. Все это должно замѣнить собою вліяніе теоретической науки и свѣта познанія. Нравственное воспитаніе воли воспитанника не нуждается въ спеціальномъ положительномъ уходѣ, а создается одной силой вліянія на волю его умственного багажа. Однако, такая мысль, скрывающаяся за буквою уставовъ Теофана Прокоповича, помимо того, что она является результатомъ преувеличеннаго взгляда на воспитательное значеніе науки и знанія, приводитъ его еще и къ нѣкоторой непослѣдовательности и противорѣчію съ своими собственными богословскими взглядами. По одному изъ богословскихъ мнѣній Теофана Прокоповича, близко примыкающему къ ученію протестантизма, человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ почти совершенно уничтожилъ въ себѣ образъ Божій и существенно разстроилъ нравственную организацію своей природы¹⁾. Поэтому для нравственного развитія и преуспѣванія онъ особенно нуждается какъ въ возрождающей, такъ и содѣйствующей благодати Божіей, преподаваемой человѣку въ Церкви. Отсюда постоянное обращеніе человѣка къ Церкви и къ православно-христіанской религіи безусловно необходимо ему для нравственного преуспѣванія и увѣнчанія себя какой бы то ни было добродѣтелию. Это прямой логическій выводъ изъ ученія Теофана о сущности первороднаго грѣха. Если его приложить къ церковно-школьному нравственному воспитанію, то окажется, что это послѣднее для своего развитія въ особенности должно пользоваться разнообразными церковными средствами, обильно запечатлѣнными силою божественной благодати. Оно также должно соединяться съ духомъ высокой религіозности, безъ которой все естественное невозможно. А между тѣмъ Теофанъ вопреки самому себѣ нигдѣ не требуетъ этихъ средствъ для церковно школьнаго воспитанія. О развитіи въ частности религіозности въ питомцахъ духовной школы, Теофанъ долженъ быть особенно позаботиться такъ же какъ разъ вслѣдствіе своего собственного взгляда на воспитательную силу знанія и науки. Вѣдь если наука имѣетъ такое важное воспитательное значеніе,

¹⁾ Christiana orthodoxa theologia, Theoph Procopowicz. II vol. c. 326—27. Est autem corruptio haec nihil aliud, nisi amissio imaginis divinae et pronitas in omnia vitium—поврежденіе это не что иное, какъ потеря образа Божія и склонность ко всякому пороку.

что непременно создаетъ соответствующую себѣ нравственную настроенность въ челоѣкѣ, то какое настроеніе должны были создавать науки типа школы Теофана, гдѣ имѣли мѣсто свѣтскій и духовно-богословскій элементы? Несомнѣнно двойственное,—если такъ можно выразиться,—свѣтское и духовное. Эти науки должны были бы вносить раздвоеніе въ цѣльную натуру питомца въ томъ случаѣ, если бы дѣйствовали сами и не примѣрялись на какомъ нибудь высшемъ объединительномъ базисѣ. Такъ какъ Теофанъ не указалъ таковога, то этимъ онъ прямо обрекъ церковно-школьное воспитаніе на постоянный недугъ раздвоенія. Ему естественно нужно было обратиться къ религіозности и сдѣлать ее первѣйшимъ качествомъ питомца своей духовной школы. Тогда она примирила бы не всегда сходные характеры и тенденціи духовной и свѣтской науки и уничтожила бы возможность раздвоенія въ воспитаніи питомцевъ духовной школы. Здѣсь одна изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ педагогическаго Теофана.

Признавъ за наукой значеніе единственнаго положительнаго, образовательно-воспитательнаго средства, Теофанъ Прокоповичъ даетъ цѣлый рядъ правилъ и указаній, которыя могутъ содѣйствовать разработкѣ и усвоенію науки въ духовной школѣ. Эти правила съ одной стороны касаются преподавателей и школьной администраціи и состоятъ въ требованіи основательнаго знанія Св. Писанія и Отцовъ Церкви, знакомства съ иновѣрными учителями, вообще засвидѣтельствованной и испытанной образованности, также прилежности ректора и префекта (инспектора) въ надзорѣ за ходомъ занятій и проч. Съ другой стороны правила касаются воспитанниковъ и всѣ прямо или косвенно имѣютъ въ виду возможно лучшій успѣхъ ихъ въ наукахъ. Изъ этихъ правилъ особенно замѣчательны требованіе заохочиванія учениковъ къ наукѣ разъясненіемъ имъ ея практическаго значенія и поддержки учениковъ въ занятіяхъ интересующими ихъ областями знанія. Преподаватели, по Теофану, должны въ известной мѣрѣ приспособляться къ ученикамъ и студентамъ, разузнавать, къ чему они питаютъ болышую склонность, интересъ и развивать эти послѣдніе своей поддержкой. Данная мысль Теофана Прокоповича имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ она построена на известномъ уваженіи къ индивидуальной организаци

воспитанника и согласуется съ тѣмъ вѣрнымъ положеніемъ, что только въ своей области работа человѣка можетъ быть наиболѣе продуктивной.

Вторымъ школьнымъ средствомъ воспитанія Теофанъ считаетъ дисциплину. Школьная дисциплина съ одной стороны нужна для успѣшнаго усвоенія науки и правильнаго теченія школьной жизни, а съ другой—она должна предохранять школу отъ вреднаго внѣшняго вліянія необразованныхъ людей и некультурныхъ нравовъ. Значеніе дисциплины въ послѣднемъ отношеніи Теофанъ особенно сильно подчеркиваетъ. Вообще же дисциплинѣ онъ не придаетъ значенія самостоятельно-положительнаго воспитательнаго средства, и считаетъ ее только вспомогательнымъ орудіемъ воспитанія, которое совершается дѣйствіемъ науки. Теофанъ такъ много сосредоточивалъ вниманія на дисциплинѣ, какъ средствѣ предохраняющемъ и удерживающемъ отъ дурнаго поведенія и дурнаго вліянія, что ея положительная важность въ дѣлѣ образованія характера въ значительной мѣрѣ ускользнула отъ него. Только въ одномъ случаѣ онъ дѣлаетъ намекъ на смутное существованіе у него мысли о томъ, что школьная дисциплина создаетъ извѣстный благодѣтельный психологическій навыкъ въ воспитанникѣ и такимъ образомъ играетъ и самостоятельную роль въ дѣлѣ воспитанія. Въ 13-мъ правилѣ о семинаріи (Регламентъ) онъ говоритъ, что „кто обыкнетъ такъ жить“, т. е. въ школьномъ режимѣ, „хотя черезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ“. Характерными чертами школьной дисциплины у Теофана Прокоповича являются во-первыхъ распространеніе ее на всю жизнь и на каждый почти отдѣльный шагъ духовнаго воспитанника, и во-вторыхъ ея большая строгость и суровость. Все поведеніе воспитанниковъ по Теофану должно быть регламентировано опредѣленными правилами и потому укладъ жизни въ общежитіи духовной школы долженъ носить „образъ монастыря“ (Правило 1-е о семинаріи). Каждый часъ дня долженъ имѣть опредѣленное назначеніе и означаться колокольнымъ. За выполненіемъ правилъ имѣетъ слѣдить инспекція, состоящая въ семинаріи изъ ректора и инспектора. Семинаристамъ запрещается въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія ихъ въ заведеніи уходить въ городъ, къ своимъ въ гости „или куды ни есть“, а по истеченіи трехлѣтняго срока

они могутъ получать разрѣшеніе на отлучку не болѣе двухъ разъ въ годъ и не болѣе какъ на семидневный срокъ (10 прав.). Мало этого, даже изъ „избы“ или изъ зданія школы семинаристъ не можетъ по Теофану выходить „безъ благословенія“ своего префекта. Отъ наблюденія инспекціи не должны ускальзывать никакія интимныя стороны жизни воспитанника. Письма, идущія отъ него и къ нему, должны быть просматриваемы начальствомъ; при посѣщеніи воспитанника родственниками при немъ долженъ присутствовать префектъ; воспитанникъ также не имѣетъ права вести интимныхъ бесѣдъ со своими наиболѣе близкими товарищами, отдѣляясь съ ними на опредѣленное время отъ другихъ (16 прав. устава для собствен. Теоф. Семинаріи). Вообще по семинарскимъ уставамъ Теофана Прокоповича каждый шагъ духовнаго воспитанника долженъ подлежать начальственному надзору. Въ качествѣ вспомогательной мѣры для начальства въ этомъ отношеніи онъ допускаетъ введеніе въ школы института фискаловъ и открытыхъ доносовъ (15 и 2 объ очередной службѣ правила для собств. семин.). Существованіе фискаловъ онъ считаетъ возможнымъ даже въ Академіи, гдѣ они должны слѣдить не только за студентами, но по видимому и за преподавателями, вообще „насматривать“ все ли въ Академіи порядочно“ (12 и 13 прав. устав. для Академіи въ Регл.). Нельзя, такимъ образомъ, не замѣтить, что Теофановская дисциплина слишкомъ отдастъ духомъ іезуитской школы.—Второе свойство дисциплины у Теофана, какъ ранѣе указано,—ея большая строгость. Выполненіе школьныхъ правилъ по Теофану должно совершаться также неукоснительно, какъ это имѣетъ мѣсто на военной службѣ. Неисполненіе правилъ школьной жизни, если не должно быть, то во всякомъ случаѣ можетъ быть преслѣдуемо еуровыми наказаніями: Въ числѣ ихъ Теофанъ допускаетъ для малыхъ воспитанниковъ тѣлесное наказаніе розгою со стороны префекта, а надъ большими предоставляетъ право наказанія только ректору, который однако „всякимъ по разсуждеію наказаніемъ наказывать ихъ можетъ“ (6 и 8 прав. для семинар. Регламентъ). Многія правила школьныхъ уставовъ Теофана сопровождаются выразительными угрозами „жесткаго наказанія“ за ихъ нарушеніе (12, 15 и др. прав. устава для собствен. семинаріи). Тѣлесное наказаніе опредѣляется

даже тому человѣку, который долженъ приставляться къ семинаристу на время его отпуска въ гости, если только этотъ человѣкъ или надзиратель, „поноровя“ воспитаннику, „утаить нѣчто худое“. Такого „плута“ Теофанъ приказываетъ „бить гораздо“ (11 прав. о семинаріяхъ Регламентъ). Какъ можно видѣть, въ школьныхъ уставахъ Теофана Прокоповича допускается большая строгость и суровость школьныхъ взыскательныхъ мѣръ. Однако, не это собственно достопримѣчательно въ нихъ, такъ какъ строгость была вообще въ духѣ того времени. Обращаетъ вниманіе холодность и непривѣтливость типа духовной школы, созданнаго Теофаномъ. Въ немъ вся жизнь обставлена суровыми правилами, грозящими наказаніемъ; въ немъ устранено живое и сочувственное общеніе между учениками и преподавателями, уничтоженъ всякій малѣйшій намекъ на теплыя семейныя отношенія и семейную обстановку жизни въ школѣ. Здѣсь какъ бы санкціонируется холодность и крайняя требовательность начальства, санкціонируется бездушный формализмъ, не растворимый никакимъ живымъ участіемъ въ положеніи воспитанника. Это крупная ошибка педагогики Теофана Прокоповича, ошибка, которая потомъ была причиною развитія въ духовной школѣ особенной, мрачной и непривѣтливой атмосферы.

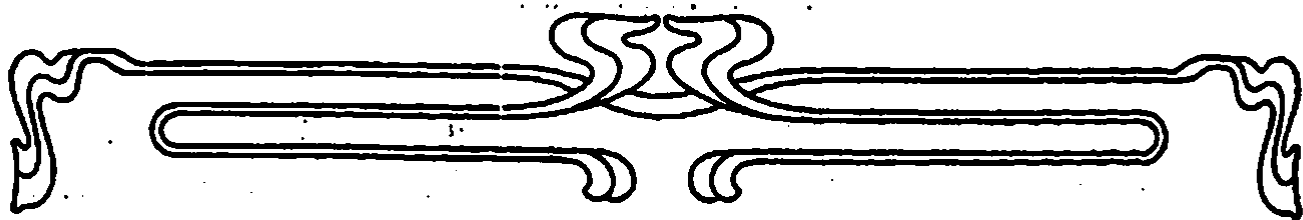
Здѣсь собственно заканчивается кругъ взглядовъ Теофана Прокоповича, имѣющихъ отношеніе къ церковно-школьной педагогикѣ. Изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что они имѣютъ и свои достоинства и свои крупные недостатки. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ церковно-школьной педагогики Теофана относятся: 1) введеніе общеобразовательнаго элемента въ богословскій курсъ духовной школы и требованіе положительнаго характера отъ самаго специально богословскаго образованія; 2) забота объ эстетическомъ и физическомъ воспитаніи духовныхъ питомцевъ, раньше почти не имѣвшая мѣста въ школѣ; 3) забота объ общемъ расширеніи духовнаго образованія и горячая пропаганда мысли о необходимости для него правильно организованныхъ школъ; и наконецъ 4) тенденція предохранить духовную школу отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и сдѣлать ее такимъ мѣстомъ, которое бы изъ себя самого могло создавать высокоразвитыя силы для служенія Церкви (последняя

тенденція, какъ мы видѣли, нѣсколько превратно реализовалась въ школьныхъ уставахъ Теофана Прокоповича). Недостатками педагогической системы Теофана являются: 1) двойственность принциповъ церковно-школьнаго воспитанія и образованія, ничѣмъ не объединенная; 2) признаніе за наукой значенія единственнаго положительнаго воспитательнаго средства въ церковной школѣ, и наконецъ 3) внѣшній характеръ добродѣтели воспитанія и отсутствіе мысли о необходимости специальныхъ мѣръ воспитанія въ духовномъ питомцахъ религіознаго чувства.

N.

(Окончаніе будетъ).

Эстетическое созерцаніе природы.

(Этико-психологическій очеркъ).

Не всёмъ ли солнце въ небѣ свѣтитъ
И ночь даритъ цѣлебный сонъ?
На чей призывъ, мольбу иль стонъ
Природа лаской не отвѣтитъ?
Какой душѣ весны расцвѣтъ
Не принесетъ съ собою пѣсенъ,
Какимъ мечтамъ міръ Божій тѣсенъ,
И чьей любви въ немъ мѣста нѣтъ?

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жь, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди—струей его зѣриной
Омой страдальческую грудь—
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Ө. Тютчевъ.

Всматриваясь внимательно въ психическую жизнь человека вообще и отдѣльнаго человека въ частности, не трудно замѣтить въ ней, въ качествѣ выдающагося жизненнаго агента стремленіе, склонность, въ большей или меньшей мѣрѣ, любоваться, наслаждаться, восхищаться художественными созданіями природы.

Въ самомъ дѣлѣ, въ комъ не будила восторга симпатичныхъ думъ, кого не воодушевляла, не возвышала и не очищала хоть на мигъ какая-нибудь изъ рельефныхъ и чудныхъ картинъ природы? Кто совершенно равнодушенъ къ звукамъ неба, къ голосамъ земли и водъ, ко всему тому, что говорятъ волны, потоки, грозныя бури, насѣкомыя, птицы?

Можно по разному объяснять красоту, но въ одномъ согласны всѣ,—въ томъ, что у человѣка есть неодолимое стремленіе ее находить, ею дышать и наслаждаться, принимать красоту въ свою душу и въ свою жизнь.

Самые великіе люди—святые, исторіи которыхъ мы находимъ на свиткахъ и на старинныхъ золоченыхъ панно—они любили погружаться въ созерцаніе горъ, птицъ, воды и цвѣтовъ всякій разъ, особенно, когда имъ предстояло совершить какой нибудь подвигъ, или перенести испытаніе, превосходящее обычную силу ихъ духа.

Самъ Христосъ сочувственно относился къ красотамъ природы и любилъ ее. Онъ часто удалялся на холмы и горы, училъ народъ при живописныхъ берегахъ моря, на поляхъ, красовавшихся жатвою, преобразился на одной изъ прекрасныхъ горъ Галилеи. Онъ любилъ цвѣты и черпалъ изъ нихъ образы для своихъ поученій. А въ тяжелыя минуты скорби удаляется подъ тѣнь Геесиманскихъ кедровъ и сливъ и здѣсь молится о чашѣ среди аромата благоухающихъ цвѣтовъ, облитыхъ сіяніемъ кроткой луны.

Подобно Великому Учителю, святые мужи (аскеты, подвижники) тоже любовались, наслаждались красотами природы. Они относились любовно къ природѣ не только изъ религіозныхъ побужденій, какъ къ созданію высшаго Художника, но и съ личнымъ искреннимъ чувствомъ, какъ къ источнику чистой радости. Въ твореніяхъ Отцовъ Восточной (Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ) и Западной (Минуцій Феликсъ, Амвросій Медиоланскій, Блаженный Августинъ, Павлинъ Ноланскій) Церкви—мягкое, чувствительное вниманіе къ окружавшей ихъ природѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ воодушевленіемъ предъ нею, находятъ себѣ самое живое выраженіе. Нерѣдко изображенія, ими явленія природы достигаютъ высокаго поэтическаго подъема и обнаруживаютъ ихъ искреннюю любовь къ природѣ, которая, умиротворяя тревогу ихъ духа, помогала имъ подниматься къ высшимъ прозрѣніямъ.

И у всякаго смертнаго можно констатировать присутствіе склонности искать и находить красоту въ природѣ и такъ или иначе любоваться ею. Кто способенъ говорить о ней мыслитель, любить природу, тотъ обладаетъ великимъ даромъ, и если онъ охладитъ

въ своемъ сердцѣ это чувство или заглушить его, то неминуемо такъ или иначе будетъ страдать отъ этого. Разумѣется, продолжаетъ онъ, я далекъ отъ мысли утверждать, что тотъ, кто холодно относится къ красотамъ природы, непременно дурной человѣкъ, и, наоборотъ, что любящій природу человѣкъ непременно хорошей человѣкъ; однако, чувство любви къ природѣ служитъ большою опорой для нашихъ душъ“¹⁾.

Чѣмъ же объяснить такое, можно сказать, всеобщее тяготѣніе, влеченіе къ созерцанію тѣхъ или иныхъ картинъ природы?—Безъ сомнѣнія, всѣмъ присущую потребностью эстетическаго созерцанія природы²⁾.

Начиная съ примитивныхъ линій, начертанныхъ на неолитическихъ горшкахъ, до картинъ Рафаэля и Тиціана, прекрасное, какъ ангелъ хранитель, сопровождаетъ каждый шагъ человѣческой жизни. Литература, промышленность, искусство, нравственность—во всемъ этомъ такъ или иначе отражается эстетическая энергія расы, народа, времени.

I.

Душа наша, какъ говоритъ Платонъ, родилась въ царствѣ вѣчныхъ формъ, вѣчныхъ образовъ существующаго, и она ищетъ на землѣ ихъ подобія. Все временное, неполное, случайное, неясное, слѣдовательно, вся наша обычная жизнь не можетъ удовлетворять насъ. Намъ нужна неизмѣнная мысль, содержащаяся въ бѣгущихъ явленіяхъ; нужны неизблемые образы, краски, формы, которыя мы могли бы созерцать; нуженъ опредѣленный строй звуковъ, который, во-

¹⁾ Д. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни. С.-ПБ. 1890, стр. 262.

²⁾ Многіе художники утверждаютъ, что эстетическое созерцаніе не составляетъ общаго достоянія всѣхъ людей, а есть лишь удѣлъ немногихъ избранныхъ, вѣрнѣе,—особый даръ, который въ наибольшемъ размѣрѣ принадлежитъ лишь художникамъ и въ меньшей степени встрѣчается у нѣкоторыхъ эстетическихъ натуръ. Мы, художники, говорятъ они, смотримъ на природу какъ бы вооруженнымъ глазомъ, открываемъ ее тамъ; гдѣ глазъ и душа обыкновеннаго человѣка ее не замѣчаетъ, перерабатываемъ ее въ своей душѣ и вновь воплощаемъ ее во внѣшнюю матеріальную форму, вкладываемъ ее въ новые предметы, что и составляетъ художественное творчество и искусство. (См. И. Оршанскій. Происхожденіе и развитіе чувства красоты. „Вѣстникъ воспитанія“ 1911 г., Ноябрь, стр. 91).

площя гармонію, давалъ бы отраду нашему нерѣдко мятущемуся чувству. Намъ нужна красота.

„Потребность красоты и творчества, воплощающаго ее, говорить Достоевскій,—неразлучна съ человѣкомъ, и безъ нея человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жить на свѣтѣ. Человѣкъ жаждетъ ея, находитъ и съ благоговѣніемъ преклоняется предъ нею, не спрашивая, къ чему она полезна и что можно на нее купить. Потребность красоты, продолжаетъ онъ, развивается наиболѣе тогда, когда человѣкъ въ разладѣ съ дѣйствительностью, въ негармоніи, въ борьбѣ, т. е. когда наиболѣе живетъ, потому что человѣкъ наиболѣе живетъ именно въ то время, когда чего нибудь ищетъ и добивается; тогда въ немъ и проявляется наиболѣе естественное желаніе всего гармоническаго, спокойствія, а въ красотѣ есть и гармонія и спокойствіе“¹⁾. „Красота, говоритъ Равессонъ, есть то магическое слово, которому подчиняется вся вселенная“, и еще съ большимъ правомъ добавляетъ, что „она есть магическое слово воспитанія“²⁾. Какъ бы ни сдерживались люди, слѣдуя внушеніямъ разсудка и нравственнаго чувства, красота все же привлечетъ ихъ и будетъ властвовать надъ ними; въ силу полноты добродѣтели мы могли бы рѣзко отвернуться отъ нея и отказать ей въ нашемъ поклоненіи, но внутренно мы все же будемъ вздыхать о ней. И какъ, обыкновенно, тяжела жертва, когда честь и долгъ заставляютъ насъ бѣжать отъ ея соблазновъ³⁾.

Въ поискахъ за объектами красоты, человѣкъ легко находитъ ихъ, такъ какъ красота повсюду разлита въ природѣ, во всѣхъ ея произведеніяхъ, великихъ и малыхъ, благодѣтельныхъ и страшныхъ для человѣка. Вотъ почему древніе греки назвали вселенную „Козмос“, т. е. красота. Э. Гартманъ находитъ даже въ самой природѣ нѣкоторое безсознательное стремленіе, порывъ къ красотѣ, въ силу которыхъ она, какъ бы, вынуждается, проявлять себя только въ прекрасныхъ формахъ, чуть только, при извѣстныхъ

¹⁾ Достоевскій. „Собраніе сочиненій.“ Изд. Маркса 1894 г., т. IX, ч. 1, стр. 75.

²⁾ Ravaisson. Dict. de Pédagogie, Art. Dessin.

³⁾ П. Прудонъ. Искусство, его основаніе и общественное назначеніе С.-Пб. 1895 г., стр. 82.

условіяхъ бываетъ подходящій матеріаль и высшая цѣль проявленія реальной силы жизни.

Красота-отнюдь не субъективная психологическая категория, нѣтъ, она имѣетъ самостоятельное объективное значеніе, она самобытна и присуща явленіемъ природы, какъ таковымъ. Красота-это вѣчно живой цвѣтъ, который наполняетъ жизнь своимъ благодѣяніемъ и даетъ людямъ силу къ жизни, безъ которой они, быть можетъ, не могли бы и не сѣумѣли бы иногда вынести тяжести судьбы своей на землѣ. Поэтому неудивительно, что мы, ища ее, всегда и вездѣ находимъ.

Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной.
О ней потокъ гремитъ струею хладной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

А. Толстой.

Насъ пленяють:

Всѣ сокровища природы,
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце и луна
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина.

А. Толстой.

Все, все возноситъ умъ, все сердце радуетъ краснорѣчивыми, но тихими словами:

Природы ужасы, стихій враждебный бой,
Ревущие со скаль угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ снѣжныя громады,
Иль моря шумнаго водной прибой.

К. Батюшковъ.

Поэтъ Шелли константируетъ краснорѣчіе въ ропотѣ вѣтра, лишеннаго голоса; мелодію въ журчаніи ручья и въ шелестѣ осоки; непостижимымъ образомъ сочетаясь съ какими то движеніями нашей души, эта музыка природы возбуждаетъ въ насъ восторгъ, извлекаетъ изъ нашихъ глазъ слезы, мистической нѣжности. Пушкинъ говоритъ, что есть упоеніе въ „разъяренномъ океанѣ“ и „безднѣ мрачной на краю“. Тютчевъ увѣряетъ, что:

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
 Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
 И стройный мусикійскій шорохъ
 Струится въ зыбкихъ камышахъ.
 Невозмутимый строй во всемъ,
 Созвучье полное въ природѣ:
 Лишь въ нашей призрачной свободѣ
 Разладъ мы съ нею сознаемъ ¹⁾).

Тихій говоръ деревьевъ, волнующій душу ароматъ
 цвѣтовъ, чудные узоры стелящихся полей, плавная рѣка,
 многошумный лѣсъ, дивная картина хоровода звѣздъ, безъ
 руля и безъ вѣтриль плывущихъ по воздушному океану—

¹⁾ Правда, нѣкоторыя явленія природы, напр., бури, ураганы, землетрясенія и другія стихійныя явленія, при созерцаніи ихъ не производятъ положительнаго впечатлѣнія и, повидимому, противорѣчатъ утвержденію о полной гармоніи въ природѣ. Прекрасное разсужденіе по этому поводу находимъ у нашего знаменитаго философа Вл. Соловьева, изъ котораго позволяемъ себѣ сдѣлать значительную выдержку. „Хаосъ, т. е. отрицательная безпредѣльность зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго—вотъ глубочайшая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій процессъ вводитъ эту хаотическую стихію въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ его разумнымъ законамъ, постепенно воплощая въ ней идеальное содержаніе бытія, давая этой дикой жизни смыслъ и красоту. Но и введенный въ предѣлы всемірнаго строя, хаосъ, даетъ о себѣ знать мятежными движеніями и порывами. Это присутствіе хаотическаго, ирраціональнаго начала въ глубинѣ бытія сообщаетъ различнымъ явленіямъ природы ту свободу и силу, безъ которыхъ не было бы самой жизни и красоты. Жизнь и красота въ природѣ—это борьба и торжество свѣта надъ тьмой, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительна. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена въ торжествѣ міровой гармоніи: достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, до извѣстной степени воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея противоборство. Такъ безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи прекрасно, какъ проявленіе и образъ мятежной жизни, гиганство порыва стихійныхъ силъ, введенныхъ, однако, въ неизблѣмые предѣлы, не могущей расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить ея строй, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ. Хаосъ, т. е. само безобразіе есть необходимый фонъ всякой земной красоты, и эстетическое значеніе такихъ явленій, какъ бурное море или ночная гроза зависитъ именно оттого, что „подъ ними хаосъ шевелится“ (Вл. Соловьевъ. Собраніе сочиненій. СПб. Изд. Товарищ. „Общество польза“, т. IV, стр. 472—473).

вотъ та среда. которая внушаетъ чувствовать человѣку непрерывное общеніе со всеобщей гармоніей природы, сознавать себя свободнымъ отъ гнетущихъ цѣпей скоротечной жизни, чувствовать безсиліе холоднаго дуновенія житейской грозы. Здѣсь, на лонѣ природы, каждая травка, каждый листокъ спѣшитъ обмѣняться съ человѣкомъ улыбкой ласковой привѣта, каждое облачко на небѣ заманчиво привлекаетъ къ себѣ вниманіе человѣка, доставляя ему эстетическое наслажденіе, исполняя его душу восторгомъ; предъ нами во всемъ своемъ неподдѣльномъ величій и блескѣ беззаботно-счастливая, роскошно цвѣтущая жизнь, полная свободныхъ звуковъ и движеній природа, во всей мощи ея таинственно чарующей прелести. Великій и стройный космосъ, упоенный, по выраженію Тютчева, „избыткомъ жизни“, полонъ правдиваго, истиннаго величія, красоты и красокъ въ чудномъ разнообразіи формъ, цвѣтовъ и звуковъ, наполняющихъ землю и оглашающихъ ее пріятнымъ шумомъ вѣчной радости¹⁾. Поэтому, кто порою не былъ готовъ согласиться съ поэтомъ, приписавшимъ живую душу молчаливой природѣ, душу, блистающую смиренно тихою красотой? Кто не понимаетъ значенія его утвержденія, что она

Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,

Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

(Тютчевъ).

„Знаете, справедливо говорить одна личность въ одномъ изъ рассказовъ Короленка,—порой есть что-то изумительно сознательное въ голосахъ природы... особенно, когда она грозитъ“²⁾. „Она, природа, восклицаетъ швейцарскій мора-

1) Правъ поэтъ, сказавшій:

La nature nous dit: „Je suis la raison même,

Et je ferme l'oreille, aux souhaits insensés;

L'Univers sachez-le, qu'ou l'axècre ou qu'on l'aime

Cache un accord profond des destins balancés“.

(Природа намъ говорить: я воплощенный разумъ, я глу-

ха ко всемъ неразумнымъ желаньямъ, знайте это,—лю-

бите ли вы ее или не любите—таить въ себѣ гармо-

нію уравновѣшенныхъ предназначеній“).

Сюлли-Прюдомъ.

2) В. Короленко. Очерки и рассказы. Изд. „Рус. бог.“, т. III, стр. 149.

листь,—вѣчная сила; радость и здоровье“¹⁾). Она выражаетъ глубочайшую сущность жизни и бытія на вполнѣ непосредственномъ, на вполнѣ понятномъ, но не переводимомъ для разума языкѣ; она груститъ и радуется, грозитъ и жалуется, смѣется и плачетъ, стонетъ и негодуетъ, бунтуетъ и смиряется. Великая симфонія природы, очаровывая собою человѣка, порою заставляетъ его забыть мучительные диссонансы жизни, заглушаетъ крики страстей, звуки борьбы, вопли страданія; научая избѣгать жизненныхъ шиповъ, она помогаетъ человѣку идти съ увѣренностью по тяжелой тропѣ земного существованія, поднимая его душу до области поэзіи и идеала. Въ живомъ и любовномъ общеніи съ природою, въ спокойной прелести улыбающейся человѣку, послѣдній замѣчаетъ въ себѣ повышенное чувство бодрости, обильный приливъ силъ, при наличности которыхъ онъ иногда чувствуетъ себя способнымъ на самые фантастическіе подвиги, на проявленія самоотверженной доброты, на прощенье самой тяжкой обиды. Все это происходитъ оттого, что въ природѣ есть нѣжный, утѣшительный языкъ, есть взглядъ, полный любви, есть сердце, бьющееся чувствомъ глубокаго участія:

Не всѣмъ ли солнце въ избѣ свѣтитъ

И ночь даритъ цѣлебный сонъ?

На чей призывъ, мольбу или стонъ

Природа лаской не отвѣтитъ?

Какой души весны расцвѣтъ или зима?

Не принесетъ съ собою пѣсень,

Какимъ мечтамъ мѣръ Божій тѣсень,

И чьей любви въ немъ мѣста нѣтъ?

Созерцая безмятежную, задумчивую красоту спокойной, „безпорывной“, по чудному выраженію Гоголя, природы, мы какъ бы забываемъ себя; наша личная жизнь какъ бы прекращается, мы забываемъ себя и тѣ невзгоды и заботы, съ которыми связана наша обычная жизнь. Она, природа, помогаетъ усмирить тревогу въ душѣ, покрываетъ всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты, нашептываніемъ словъ нѣги и участія.

Непосредственное общеніе съ природою, сердечное проникновеніе въ ея спокойное очарованіе отвлекаетъ духъ

¹⁾ Амшель. Изъ дневника. Москва 1905 г., стр. 44.

человѣка, воспріимчивой къ возвышенному, отъ узкихъ сферъ дѣйствительнаго и отъ давящаго рабства физической жизни, освобождая душу отъ пыли времени и погружая ее въ нѣдра мірового цѣлаго.

Утопая въ захватывающемъ созерцаніи величія природы, въ эти минуты какъ то стыдно думать о своихъ земныхъ тревоженіяхъ и заботахъ: такъ онѣ малы предъ этимъ великимъ; все забывая, сбрасываешь съ себя всю накипь грѣха, и предстоишь предъ ликомъ этой таинственной природы, пытливо глядящей тебѣ въ душу и смущающей тебя своимъ величіемъ. Хоть на короткіе сроки, но мы вырываемся изъ потока жизни и съ великою отрадою чувствуемъ себя въ положеніи „вѣчныхъ“ существъ, которыя постигаютъ самую глубину всего живущаго, смыслъ всякаго чувства, всякаго мановенія. Не даромъ Д. Рескинъ, составляя свое духовное завѣщаніе и собирая въ одинъ фокусъ всѣ свои истины, какъ солнце предъ тѣмъ, какъ исчезнуть, сзываетъ всѣ свои лучи, которые расточало въ теченіе дня,—такъ говоритъ: „и теперь, оканчивая въ безоблачномъ покоѣ снѣговъ Шамуни¹⁾ ту книгу, которую внушила ихъ красота и направляла ихъ сила, я чувствую себя болѣе счастливымъ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, способный исповѣдывать мой простой догматъ, что знаніе прекраснаго есть истинный путь и первая ступень къ познанію вещей хорошихъ и полезныхъ, и что законы, жизнь и радость красоты въ матеріальномъ Божіемъ мірѣ составляютъ такую же вѣчную и священную часть творенія, какъ въ мірѣ духовномъ—добродѣтель, а въ мірѣ ангеловъ—Богочитаніе“²⁾).

И не удивительно поэтому, что „тѣ народы, которые болѣе или лучше другихъ цѣнили прекрасное, всегда шли впереди всѣхъ по пути прогресса, были пионерами цивилизаціи и, даже утомившись, все еще составляютъ аристокрацію въ средѣ человѣчества“³⁾. И если они стремились къ

¹⁾ Шамуни—долина рѣки Арвы между Трайсе и Пеннин. Альпами во франц. Савойѣ; отсюда начинается подъемъ на Монбланъ.

²⁾ Цит. Заим. Р. Сизераннъ. Рескинъ и религія красоты СПб. 1900 г. стр. 124.

³⁾ П. Мантегацца. Экстазы человѣка. СПб. 1890 г., ч. II, стр. 130.

нему, прекрасному, съ чистымъ сердцемъ, безъ задней мысли, безъ эгоистическихъ расчетовъ, безъ гордости, куда бы ни привела ихъ звѣзда—въ оазисъ вѣры или въ пустыню сомнѣнiя—этотъ оазисъ или эта пустыня были для нихъ Виѣлемомъ. И старцу Рескину, этому апостолу красоты, восклицавшему въ теченiе шестидесяти лѣтъ „слава въ Вышнихъ красотѣ“, какiе нибудь незримые ангелы божественной ночи отвѣтятъ навѣрно: „на землѣ миръ и въ челоуѣцѣхъ благоволенiе“¹⁾!..

II.

Присущая челоуѣческому духу способность понимать „молчаливое вѣщанiе“ природы, стремленiе проникнуть въ тайну ея жизни, склонность познать и уразумѣть ея широкую область, любовно созерцать ея красоты и чрезъ это переживать минуты истиннаго наслажденiя и счастья, называется его эстетическою способностью. Эстетическая способность считается съ такого рода знанiями, которыя получаютъ чрезъ ощущенiя, не переходящiя въ сознание, но въ чувствованiя, и при томъ не всякаго рода чувствованiя, но такого, который (родъ) намъ прiятенъ, восторгаетъ, умиляетъ насъ, побуждаетъ къ себѣ стремленiе.

Эстетическое состоянiе это—могучий и гармонический подъемъ всей жизни сознания, глубокий паѣосъ сердца, проникнутый живымъ свѣтомъ созерцанiя.

Эстетическое состоянiе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда внѣшнiй объектъ или внутреннiй образъ фантази, возбуждая инстинктъ жизни (волю, хотѣнiе, стремленiе), не требуетъ дѣйствiя, непосредственной активной реакци, въ которой могло бы разрядиться нервное возбужденiе. Возбужденная внутренняя энергiя, замкнувшись въ самомъ челоуѣкѣ и, дѣйствуя, какъ стимулъ, на его воображенiе и умъ, вызываетъ огромный подъемъ сознания, болѣе или менѣе соразмѣрный силѣ возбужденныхъ эмоцiй, и такимъ образомъ вызываетъ многостороннiй подъемъ чувства жизни, подъемъ, сливающiйся въ гармоническое единство настроенiя.

Возбуждаемое внѣшними чертами какого нибудь образа и входящее въ насъ чрезъ внѣшнiя же чувства, ощущение

¹⁾ Р. Сизерантъ. *Op. cit.* стр. 203.

красоты есть самое глубокое изъ всего, что человекъ переживаетъ въ себѣ; это уже видно изъ того, что всякое созерцаніе прекраснаго образа мы сплмся фиксировать, продлить, хотя его внѣшнія черты уже давно и хорошо извѣстны намъ,—онъ какъ бы заволакиваетъ отъ насъ все окружающее, постороннее, призываетъ наше общеніе съ нимъ и погружаетъ въ какую то забывчивость. Забывшись, мы перестаемъ, наконецъ, видѣть и внѣшнія его черты; онъ сливаются, смѣшиваются и тускнѣютъ предъ нами; созерцаніе все углубляется, ощущенія красоты нарастаетъ и мы испытываемъ странное слияніе своей души съ самою сущностью того объекта, о внѣшнихъ чертахъ котораго забыли.

Самый терминъ—„эстетическое созерцаніе“ (*αἰσθητικὴ θεωρία*)—этимологически означаетъ чувственное воспріятіе и, какъ таковое,—*conditio sine qua non* ощущеніе эстетическаго состоянія.

Внѣ сомнѣнія у насъ стоитъ мысль объ отсутствіи въ названныхъ двухъ актахъ не только тождества, но и сходства, скажемъ сильнѣе, они—диспаратны.

Чувственное воспріятіе, какъ таковое, въ отношеніи эстетическаго созерцанія не болѣе, какъ *locus tandi*, коимъ обусловливается эстетическое созерцаніе. Безъ внѣшняго впечатлѣнія, будь это зрительный, звуковой или иной образъ, мы не можемъ пережить никакого эстетическаго чувства; въ образованіи послѣдняго принимаютъ видное участіе объективныя впечатлѣнія; или какъ говорятъ, представленія, и субъективная окраска, сопровождающая эти впечатлѣнія—чувство эстетическаго удовлетворенія. Внѣшнія чувства—зрѣніе и слухъ, являясь воспріемниками впечатлѣнія, въ то же время служатъ его проводниками и затѣмъ будителями внутреннихъ нѣдръ души.

Съ особой интенсивностью сосредоточеніе вниманія на внѣшней сторонѣ предмета, производящаго положительное, пріятное впечатлѣніе на внѣшніе органы чувствъ (зрѣніе и слухъ) есть первый, начальный моментъ эстетическаго созерцанія. Съ перехода отъ разсмотрѣнія отдѣльных моментовъ состоянія объекта къ общему его разсмотрѣнію, къ констатированію взаимной, органической связи въ элементахъ объекта начинается эстетическое созерцаніе *κατ' εἶδος*. Такимъ образомъ, воспріятіе созерцаемаго объекта, какъ органически цѣльнаго, живого образа, специфически приводя-

шаго человѣка въ восторгъ, граничащій съ экстазомъ или въ него переходящій,—есть чисто эстетическій моментъ созерцанія.

Концепція органической цѣльности и живости созерцаемаго объекта получается вслѣдствіе какъ бы нѣкотораго, своеобразнаго перевоплощенія субъекта въ объектъ созерцанія; послѣдній, въ такомъ случаѣ, является какъ бы одушевленнымъ, вслѣдствіе нѣкотораго, такъ сказать, очеловѣчиванія, одухотворенія его переселеніемъ въ него я созерцающаго.

Въ эстетическомъ созерцаніи мы какъ бы апперципируемъ нашу личную внутреннюю жизнь, присоединяя ее къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, почему объектъ созерцанія получаетъ для насъ выраженіе нѣкоей выражающейся сущности; мы приписываемъ ему, объекту, всѣ качества данной личности. Такъ, напр., скалы и морскія волны, при эстетическомъ созерцаніи ихъ, кажутся выразителями нѣкоторой игры живыхъ, личныхъ силъ. „Въ эстетическомъ созерцаніи, говоритъ профессоръ Гроссъ, все мое я проникаетъ въ бездушныя формы и надѣляетъ ихъ теплотою своей жизни, такъ что я сопровождаю своими чувствами каждый изгибъ, каждое увеличеніе и уменьшеніе, каждое усиленіе и ослабленіе; при полномъ эстетическомъ наслажденіи наше сознаніе пребываетъ болѣе въ созерцаемомъ предметѣ, чѣмъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, завершительнымъ, такъ сказать, моментомъ эстетическаго созерцанія является перевоплощеніе нашего я въ созерцаемый объектъ, такъ что „слезы предметовъ“, *lacrimae rerum*, уже не чужія, а наши собственные слезы. При эстетическомъ созерцаніи вообще всякое состояніе объектовъ мы истолковываемъ по аналогіи съ нашей человѣческой организаціей, по аналогіи съ нашими личными переживаніями, при этомъ человѣкъ, созерцая, настолько можетъ иногда проникнуться наслажденіемъ созерцанія, что чувствуетъ себя единымъ съ природою объекта созерцанія, при чемъ границы между я и не-я сливаются и мы теряемъ сознаніе различія между собою, какъ субъектомъ наслажденія и его объектомъ. Наша собственная душа, го-

¹⁾ К. Гроссъ. Введеніе въ эстетику. Кіевъ 1899 г. стр. 124, 131.

ворить Н. Дебольскій, поглощается завываніемъ морской бури, трепетаніемъ древесной листвы, кристальной прозрачностью и журчаніемъ ручья, какъ бы переливается въ нихъ, отождествляется съ ними и тѣмъ самымъ претворяетъ ихъ не реально, а въ воображеніи, въ образъ, въ тѣлесное изображеніе своихъ настроеній“. 1) При наличности такого психическаго состоянія даже самый разсматриваемый предметъ измѣняется: онъ кажется намъ очеловѣченнымъ, онъ становится символомъ нашей внутренней жизни, 2) поэтому и прекрасное, по Т. Фишеру, есть полная выразительности форма и сдѣлавшееся формой выраженіе.

Когда искусство воспроизводитъ картину природы (пейзажъ, морскіе виды въ живописи, описанія природы въ поэзіи словесной), то и тогда эта картина служитъ только способомъ выразить тѣ настроенія, тѣ мысли и чувства, которыя переживалъ художникъ, созерцая эту картину въ натурѣ. Художникъ отнюдь не является здѣсь натуральнымъ, изучающимъ природу: онъ является выразителемъ человѣческихъ чувствъ и мыслей, человѣческаго пониманія природы, наслажденія ею, грустныхъ или веселыхъ настроеній ею внушаемыхъ, человѣческой оцѣнки зрѣлица, ею представляемаго. И, созерцая эти произведенія живописи природы, мы переживаемъ мысли и чувства, относящіяся не къ природѣ, какъ таковой, а къ міру человѣческому. Процессъ этого символическаго толкованія объектовъ созерцанія совершается безъ особаго размышленія, совершенно инстинктивно и непосредственно, но при этомъ процессъ насъ не покидаетъ сознаніе, что форма является лишь несовершеннымъ и неадекватнымъ выраженіемъ нашего символическаго толкованія. Чѣмъ богаче душевная жизнь отдѣльнаго чловека, чѣмъ его чувства индивидуальнѣе, тѣмъ интенсивнѣе онъ надѣляетъ эстетически созерцаемые объекты своею духовною жизнью.

Такое перенесеніе себя въ посторонній объектъ, т. е. одухотвореніе неодушевленнаго является, какъ выражается Лотце, „ядромъ эстетическаго удовольствія“, секретомъ

1) Н. Дебольскій, „Вопросы филос. и психологіи“ кн. 55, стр. 77.

2) Проф. Мейманъ. Введеніе въ современную эстетику М. 1909 г. стр. 52.

эстетической иллюзии. 1) Чтобы наслаждаться пейзажемъ, говорить Гюйо, нужно гармонировать съ нимъ. Чтобы понять лучъ солнца, нужно выбрировать вмѣстѣ съ нимъ; нужно также съ лучемъ луны трепетать въ ночной тѣни; нужно мерцать вмѣстѣ съ золотыми и глубокими звѣздами, чтобы понять ночь, нужно ощущать дрожь надвигающихся на васъ темныхъ пространствъ мрачной и неизвѣстной вѣчности. Чтобы почувствовать весну, нужно имѣть въ сердцѣ немного легкости крыльевъ бабочекъ, тонкую пыль которыхъ, распространенную въ осязаемомъ количествѣ въ весеннемъ воздухѣ, мы вдыхаемъ“ 2).

Весь секретъ полноты, интенсивности эстетическаго созерцанія покоится въ условіи правдиваго и искренняго отношенія человѣка къ природѣ, въ любви къ ней *an—und für—sich*, въ признаніи за ней ея объективнаго значенія безъ эгоистической мысли о собственномъ я; въ непрмѣнномъ условіи отрѣшенія созерцающаго отъ жизненной „пошлости и прозы“, отъ всего того, что составляетъ повседневное я, что держитъ его въ своей власти въ обычной жизни — покоится возможность и дѣйствительность полнаго эстетическаго переживанія. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что въ этомъ случаѣ *наше* я теряетъ всякое значеніе; напротивъ, оно доминируетъ въ этомъ процессѣ, и конечная цѣль эстетическихъ переживаній—самоуглубленіе, въ результатъ же—самопознаніе 3).

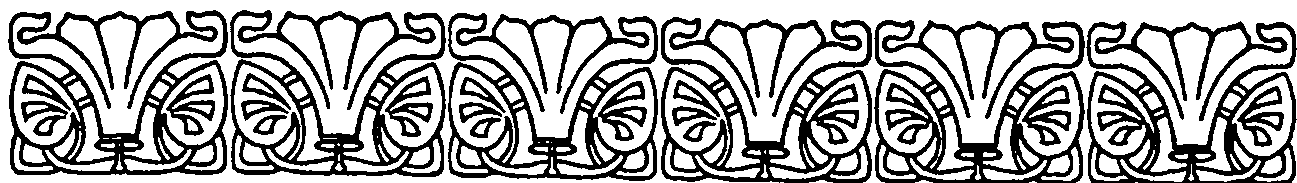
И. К. Гладкій.

(Окончаніе будетъ).

1) Въ всѣ видимыя формы мы, такъ сказать, вкладываемъ нашу собственную внутреннюю жизнь. Согласно положенію Лютце: „нѣтъ столь недоступнаго образа, въ который не сумѣла бы переселиться наша фантазія, чтобы жить одною съ нимъ жизнью“. (С. Лютце. Микрокосмъ, Москва, 1886 г., т. II, стр. 237).

2) Ж. Гюйо. Искусство съ социологической точки зрѣнія. СПб. 1900 г., стр. 47.

3) Разумѣется, формы проявленія эстетическихъ переживаній и ихъ интенсивность отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, измѣняясь въ зависимости отъ темперамента человѣка, общаго склада характера и міросозерцанія, преобладающихъ интересовъ, жизненныхъ условій, воспитанія, обстановки и т. д.

Познаніе сверхчувственного міра.

(Продолженіе)*).

XXIV.

Относительно вопроса, во что обращаются распадающіеся атомы, пока еще мнѣнія различны: не всѣ согласны съ Ле-Бомъ, что они обращаются въ загадочный нематеріальный эфиръ: впрочемъ, и относ. самаго эфира существуетъ между специалистами глубокое разногласіе. Во всякомъ случаѣ, продукты распада атомовъ не представляютъ собою матеріи, протяженной, вѣчной и неизмѣнной. Знаменитый физикъ нашего времени Л. Пуанкаре говоритъ по этому предмету: „наши традиціонныя убѣжденія должны быть повергнуты въ величайшее смущеніе. Намъ приходится покинуть мысль, съ которой мы свыклись инстинктивно, будто матерія есть наиболѣе устойчивое изъ всего существующаго во вселенной; наоборотъ, мы должны согласиться, что каждое тѣло, какое бы оно ни было, есть родъ взрывчатого вещества, очень медленно разлагающагося“¹⁾. Матерія физиковъ, какъ оказывается, умираетъ медленной смертью, измѣняясь въ своей сущности. Другой извѣстный физикъ нашего времени, О. Лоджъ говоритъ: „зная медленность атомнаго разрушенія матеріи, мы можемъ отсрочивать міровую катастрофу на колоссальныя періоды; но въ концѣ концовъ мы убѣждаемся, что... все существующее количество матеріи есть явленіе преходящее... Такъ или иначе, матерія нѣкоторыми еще неиз-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1913 г.

1) L. Poincaré, La physique moderne et son évolution Paris 1908, pag. 274; ср. также стран. 268.

вѣстными намъ путями получила свое начало; она должна имѣть и свой конецъ“¹⁾).

Самая распространенная—это электрическая теорія матеріи; по этой теоріи матеріальные атомы разлагаются на электрическіе заряды, или атомы; элементарное количество отриц. электричества называется электрономъ; но и послѣдній представляетъ собою сочетанія болѣе простыхъ силъ—положительныхъ и отрицательныхъ іоновъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ. При одинаковомъ количествѣ тѣхъ и другихъ іоновъ, не обнаруживается свобода электричества, такъ какъ каждый положительный іонъ связанъ отрицательнымъ іономъ. Электрическіе атомы входятъ въ составъ любого матеріальнаго атома. Этимъ объясняется и сложность свѣтовыхъ спектровъ, даваемыхъ атомами. Такимъ образомъ матерія разрѣшается въ электричество; матеріальный атомъ оказывается системой, состоящей изъ большаго или меньшаго числа положительныхъ и отрицательныхъ электрическихъ атомовъ²⁾).

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны изслѣдованія Дж. Дж. Томсона, онъ нашелъ и число электроновъ, входящихъ въ составъ различныхъ матеріальныхъ атомовъ, и число молекулъ въ кубическомъ сантиметрѣ газа. Таковое по его вычисленіямъ равняется (при температурѣ $t=0^\circ$ и барометрич. давленіи $b=760$ mm.) $3,6 \times 10^{10}$ ³⁾).

Электрической теоріей матеріи удовлетворительно объясняются и химическія явленія, что не удавалось прежней атомной теоріи⁴⁾. Этой теоріей объясняются и всѣ факты радиактивности и качественныя измѣненія самыхъ элементовъ матеріи. А именно, если атомъ представляетъ собою систему простѣйшихъ электрическихъ зарядовъ, то онъ постепенно можетъ терять эти заряды одинъ за другимъ, и можетъ

¹⁾ О. Доджъ, Современныя взгляды на матерію, М., 1904, стран. 33, сравн. 25—36.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ изложено въ попул. лекціяхъ проф. Густава Мие „Іоны и электроны“—перев. съ нѣм. изд. І. Наумова. СПб. 1909. стран. 61—69.

³⁾ J. J. Thomson, „Charge of Electricity carried by a Gaseous Ion“ статья въ журналѣ The Philos. Magazine VI. serie, vol V, London 1903. Эту справку далъ мнѣ проф. физики Садовскій.

⁴⁾ P. Duhem, Le Mixte et la Combinaison chimique, Paris 1902, pag 183—185.

уменьшиться въ удѣльномъ вѣсѣ, измѣняясь въ своихъ химическихъ качествахъ. Это дѣйствительно и наблюдается при „радіактивныхъ“ элементахъ. Такъ напр., атомъ радія выдѣляетъ изъ себя атомы легкаго газа гелія и, проходя черезъ цѣлый рядъ нестойкихъ формъ матеріи, въ заключеніе превращается въ свинецъ или висмутъ.

Въ послѣднее время физики-экспериментаторы убѣдились, что атомы любого металла подѣ влияніемъ свѣта выдѣляютъ изъ себя отриц. электроны¹⁾. Такъ какъ каждый металлъ въ большей или меньшей степени обладаетъ „радіактивностью“, то у каждаго происходитъ распаденіе атомовъ на подобіе радія, который и самъ произошелъ, по всему вѣроятію, изъ металла урана. Итакъ оказывается, что одинъ химическій элементъ можетъ переходить въ другой, и что вѣра средневѣковыхъ алхимиковъ въ возможность добывать искусственное золото, вовсе не такъ нелѣпа, какъ это предполагали новѣйшіе химики.

XXV.

При распадѣ атомовъ и выдѣленіи электроновъ, которое происходитъ медленно, но постоянно, выдѣляется теплота, т. е. постоянно развивается новая энергія. Этотъ фактъ, очевидно, противорѣчитъ старой теоріи о сохраненіи энергіи; эту теорію выставили еще Р. Майеръ (R. Mayer) и Гельмгольцъ, ее раздѣляютъ физики по сей день. Для примиренія факта радіактивности, т. е. постояннаго выдѣленія новой энергіи, съ теоріей сохраненія энергіи придумана новая гипотеза, будто огромное количество энергіи, освобожденное при распадѣ атомовъ, было накоплено въ атомахъ, когда они, формировались изъ первоначальной сверхчувственной матеріи, т. е. ээира, или изъ электроновъ и іоновъ, какъ думаютъ другіе. Эта энергія будто накопилась еще до возникновенія небесныхъ тѣлъ, системъ, и даже матеріи туманностей, а теперь она будто освобождается. Я не вдаюсь въ критику этой вспомогательной гипотезы, которая должна выручить другую болѣе древнюю гипотезу, нашедшую себѣ признаніе ученыхъ специалистовъ. Я ограничусь указаніемъ на то, что ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ

¹⁾ Prof. Gustav Mie, op. cit. pag. 68.

быть доказана ни наблюденіями, ни теоретическими разсужденіями. Гипотеза о сохраненіи энергіи только весьма удобна въ механикѣ: она упрощаетъ и въ общемъ объясняетъ явленія нашей земной механики; но и при этомъ многіе элементы не поддаются точному учету, напр. треніе, препятствіе воздуха и ээира, сила тяготѣнія. Однако эта гипотеза не объясняетъ всѣхъ явленій химическихъ; а явленія жизненныя, какъ мы видѣли, скорѣе противорѣчатъ ей, чѣмъ подтверждаютъ ее.

Какъ бы то ни было, но атомная матерія не сохраняется, она не вѣчна: она имѣетъ и свое начало, и свой конецъ. На мѣсто атомной матеріи современные физики стараются поставить или сверхчувственную матерію, т. е. ээиръ, или „энергію“, которая будто бы во вселенной остается неизмѣнной по количеству; измѣняются же только формы ея проявленій ¹⁾.

Самый видный представитель послѣдняго воззрѣнія, т. е. энергизма,—извѣстный физикъ и философъ Оствальдъ. На мѣсто матеріи онъ выдвигаетъ „самую общую субстанцію“ всякаго возникновенія—энергію; таковая есть „работа или все то, что возникаетъ изъ работы и что можетъ быть превращено въ работу“ ²⁾. Изъ энергіи состоитъ такъ называемая матерія ³⁾. „Мы не спрашиваемъ уже о силахъ, которыхъ мы не можемъ доказать... но мы спрашиваемъ... о способѣ или количествахъ энергіи, „выходящихъ и входящихъ“ (въ процессъ) ⁴⁾. „Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, мы можемъ представить въ видѣ сужденій (Aussagen) о существующихъ энергіяхъ“ ⁵⁾.

Въ ученіи энергизма Л. Буссе выдвѣляетъ два основныхъ принципа: 1) „принципъ эквивалентности“ и 2) „принципъ постоянства“ (Konstanzprinzip). Первый изъ нихъ утверждаетъ, „что при всѣхъ превращеніяхъ тѣлесныхъ вещей другъ въ друга остается себѣ равнымъ одинъ факторъ, а именно энергія, т. е. способность производить механи-

¹⁾ Ostwald, 1) Grundriss der Naturphilosophie 1908, S. 144 2) Vorlesungen über Naturphilosophie, 2. Aufl. S. 155—160

²⁾ Ostwald, Vorlesungen über Naturphilos., 2. Aufl., loco cit. 3) Ibid.

³⁾ Ostwald, Überwindung des. wiss. Materialismus, 1895, J. 28—30.

⁴⁾ Ostwald, op. cit. pag. 32

⁵⁾ Ibid. pag. 153.

ческую работу при опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Это значитъ, что для всякой энергіи, примѣняемой и расходуемой гдѣ-либо для произведенія какого-нибудь состоянія, въ другомъ мѣстѣ выступаетъ (auftritt) равное количество равной или иной формы энергіи“.

Второй принципъ, т. е. постоянства, утверждаетъ, что „совокупность энергіи, которой располагаетъ физическая вселенная всегда остается себѣ равной, слѣдовательно она неспособна ни на увеличеніе, ни на уменьшеніе“¹⁾. Этотъ принципъ, по мнѣнію Буссе, есть не доказуемая догма, или *retitio principii*, и составляетъ препятствіе для принятія психофизическаго взаимодействія²⁾. Послѣдняго мнѣнія не признаютъ основательнымъ *Оствальдъ, Кюльпе, Штумпфъ*. Напротивъ, *Вундтъ* не допускаетъ примѣненія на психическія перемѣны даже принципа эквивалентности: въ душевной жизни, по мнѣнію Вундта, существуетъ „принципъ роста духовной энергіи“³⁾. Принципъ постоянства естественныхъ наукъ, по мнѣнію Вундта, распространяется только на количественныя отношенія, независимо отъ измѣняемой количественно матеріи: такимъ образомъ не существуетъ противорѣчія между нимъ и психическимъ принципомъ роста. Поэтому психическія величины и цѣнности могутъ увеличиваться безъ ущерба для постоянства массъ и энергій въ физическомъ организмѣ⁴⁾.

Принципъ роста духовной энергіи признаетъ *Карриеръ, Фритцше, Эйкенъ* и другіе;⁵⁾ напротивъ, приверженцы психофизическаго параллелизма и ассоціаціонной теоріи распространяютъ принципъ постоянства также и на душевную жизнь⁶⁾.

Таковы новѣйшія понятія объ энергіи и основныя воззрѣнія энергизма.

¹⁾ *L. Busse, Geist und Körper, 1903, J. 405—408; 451—453.*

²⁾ *Op. cit. pag. 460—462; confer pag. 407, 417—420.*

³⁾ *Wundt, Philosophie Stud. X, S. 116.*

⁴⁾ *Ibid, et System der Philos. 2. Aufl. 1897, S. 304—307.*

⁵⁾ 1) *Carriere M. Der Wachstum der Energie in d. geist. u. org. Welt, 1892.* 2) *Fritzsche, R. Vorschule der Philos. 1906, J. 137—140.*

⁶⁾ Таковы, напр.: *Годль, Спенсеръ, Фульве, Фоль-Гротъ, Мюнстербергъ* и др.

XXVI.

Какъ мы видѣли, энергизмъ разлагаетъ матерію на множество энергій, которыми должно объясняться безконечное разнообразіе бытія и всѣ его измѣненія. Оствальдъ считаетъ энергію первоначальными субстанціями; а чувственную матерію—произведеніемъ разныхъ энергій. Въ этомъ возрѣніи непонятно 1) въ чемъ и надъ чѣмъ энергіи производятъ работу? 2) Гдѣ и какъ онѣ пребываютъ до произведенія ихъ работы? 3) Куда онѣ дѣваются послѣ произведенной работы? 4) Какъ объяснить инерцію матеріи и постоянство количества энергій?

Какъ бы то ни было, энергіи еще менѣе доступны чувственному познанію, чѣмъ матеріальные атомы; ихъ нельзя себѣ даже и представить наглядно, что возможно относ. атомовъ. Но такъ какъ одна энергія переходитъ въ другую, то очевидно, что онѣ не могутъ считаться первоначальными и вѣчными субстанціями такъ же, какъ и атомы, и матерія. Но и ихъ познаніе выходитъ, какъ мы видѣли, за предѣлы чувственнаго опыта. Разсмотримъ теперь тѣ пути, которые насъ могутъ повести къ познанію абсолютнаго духа и разума. Не ошибаются ли въ этомъ вопросѣ еще болѣе наши скептики всѣхъ наименованій?

Прежде всего большинство современныхъ психологовъ утверждаетъ, будто самой души мы не познаемъ и даже не можемъ познать. Иные прямо отрицаютъ душу, считая явленія сознанія порожденіемъ мозга и нервовъ. Это положеніе настолько распространено среди „интеллигентныхъ“ круговъ общества, что никто въ немъ не рѣшится усомниться; а кто бы вздумалъ сдѣлать это, того объявили бы за человѣка отсталого и ограниченнаго: такова сила привычки и давленія толпы, охваченной какимъ-нибудь вѣрованіемъ или ученіемъ! Между тѣмъ это положеніе не только никѣмъ не доказано, но оно даже никѣмъ не было наблюдаемо. Дѣло въ томъ, что каждый непосредственно испытываетъ свои переживанія сознанія; каждый отличаетъ ихъ отъ своего „Я“, отъ своего самосознанія и личности; но никто никогда не видѣлъ своего мозга и нервныхъ волоконъ, кончающихся въ немъ. А еслибы какой-нибудь остроумный позитивистъ даже разрѣшилъ хирургамъ вскрыть свой черепъ безъ наркоза,

и если бы онъ даже увидѣлъ свой мозгъ въ зеркалѣ: то все же онъ никакъ не могъ бы увидѣть въ зеркалѣ нервныхъ процессовъ въ нервныхъ волокнахъ и въ мозговыхъ клѣткахъ. О таковыхъ только догадываются фізіологи на основаніи рефлексовъ въ мускулахъ, вызываемыхъ раздраженіемъ соотвѣтственныхъ нервныхъ волоконъ.

Мнѣнія психіатровъ относ. „сензорныхъ“ клѣтокъ мозга, дѣятельностью которыхъ будто обуславливаются всѣ ощущенія, еще болѣе гадательны и не обоснованы точными фактами и психологическими анализами. А относ. сложныхъ процессовъ мышленія наши фізіологи не имѣютъ и приблизительнаго представленія ¹⁾. Относ. мышленія не существуетъ ни малѣйшаго параллелизма между психическими процессами; т. е. переживаніями, съ одной стороны и, фізіологическими переменными, съ другой: послѣднія одинаковы для билліоновъ процессовъ, отличаемыхъ само-наблюденіемъ и психологическими анализами ²⁾.

XXVII.

Въ современной психологіи все еще преобладаетъ мнѣніе, будто эта наука должна изучать одни явленія сознанія и ихъ связь, а не самую душу или ея способности и силы. Что такое мнѣніе позитивизма (и феноменизма) въ психологіи ошибочно, и еще болѣе, чѣмъ въ физикѣ, можно убѣдиться изъ слѣдующаго.

1) Ни одна психологія не обходится безъ разсмотрѣнія фактовъ памяти и сохраненія впечатлѣній. Попытка приверженцевъ ассоціаціонной теоріи свести память къ воспроизведенію по законамъ ассоціаціи идей, какъ я это доказалъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи, оказывается кореннымъ заблужденіемъ ³⁾. Каждый человекъ воспроизводитъ въ опредѣленный моментъ жизни только нѣсколько идей, тогда какъ онъ таковыхъ помнитъ милліоны. Память состоитъ въ сохраненіи впечатлѣній и идей, а это сохраненіе существуетъ въ безсознательномъ видѣ до

¹⁾ Для одного органа зрѣнія, по моимъ вычисленіямъ, нужно предполагать не меньше 42×10^{13} , т. е. 420 билліоновъ чувствительныхъ элементовъ по нѣмецкой цифровой системѣ). См. *И. С. Проданъ. О памяти*, I ч. 2-е изд. Юрьевъ 1904, стран. 61—70.

²⁾ См. тамъ же гл. VII, стран. 71—78. ³⁾ Тамъ же, гл. XV

воспроизведенія и узнаванія воспроизведенной идеи. Слѣдовательно и самъ фактъ памяти опровергаетъ мнѣніе феноменистовъ.

2) Самое сохраненіе впечатлѣній и идей зависитъ отъ многихъ условій, но главнымъ образомъ, отъ врожденной способности человѣка, которую называютъ иногда впечатлительностью, иногда же просто прирожденной „памятью“.

3) Кромѣ памяти, въ психологіи разсматриваются еще и другія врожденные способности напр.: разумокъ, умъ, инстинкты и влеченія, темпераменты, характеръ. Все это не простыя явленія, а душевныя способности, прирожденные человѣку. Безъ нихъ не было бы ни души, ни личности, ни самосознанія, ни психологіи. Стремленіе ассоціационистовъ свести психологію и душевныя переживанія къ рядамъ ассоціаций, какъ это было доказано мною на психологическихъ анализахъ Спенсера, совершенно противорѣчитъ дѣйствительности: ихъ теорія невѣрна даже относительно памяти и воспроизведенія, какъ я это доказалъ въ своемъ изслѣдованіи. „О памяти“¹⁾.

4) Факты упражненія, т. е. усовершенствованія способностей и увеличенія работоспособности не объяснимы одними явленіями сознанія и ассоціациями идей. Если послѣ опредѣленнаго числа повтореній заучиваемаго ряда я способенъ его воспроизвести на память, то очевидно, что отъ каждаго повторенія нѣчто сохранилось, что отъ повторенія сохраняемаго увеличивается и, наконецъ, осуществляется произвольное воспроизведеніе заученнаго. Объ этомъ сохраненномъ слѣдѣ я ничего не сознаю непосредственно; я только умозакключаю на основаніи опыта и разныхъ соображеній, что онъ долженъ быть въ душѣ заучивающаго.

5) Въ сложныхъ привычныхъ процессахъ сознаются въ силу узости сознанія только весьма немногіе элементы: это подтверждено всѣми нашими психологическими анализами; это признается всѣми лучшими психологами. Безъ участія не сознаваемыхъ элементовъ невозможны были бы ни сложные познавательные процессы, ни сложные чувства и настроенія.

1) См. И. С. Проданъ, О памяти I ч. 2-ое изд. гл. XV, стр. 200—207.

2) См. 1) И. С. Проданъ, Практич. руков. психол. гл. XII. 2) гл. III, стран. 71—73 част. изслѣд. II ч. 1-го изд. гл. III, стр. 110—111.

6) Фактъ психической наслѣдственности совершенно не понятенъ безъ предположенія душевныхъ силъ (или монадъ), которыхъ никто не сознаетъ непосредственно¹⁾.

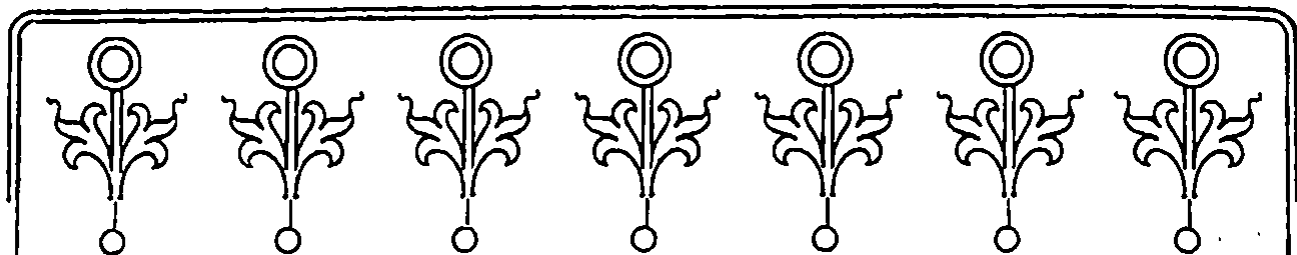
Перечисленные факты убѣждаютъ насъ, что психологія не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій сознанія: отъ нихъ она исходитъ, какъ отъ непосредственныхъ данныхъ, но ихъ связь была бы совершенно непонятна безъ участія тѣхъ душевныхъ силъ, которыя не сознаются непосредственно.

Такимъ образомъ оказывается, что даже самыя обычныя проявленія психической жизни не объяснимы одними явленіями сознанія: всѣ люди увѣрены въ существованіи носителей или субстратовъ этихъ явленій,—въ существованіи души, душевныхъ силъ и реальныхъ свободныхъ личностей. Безъ подобныхъ реальныхъ субстратовъ не только индивидуальная, но и социальная жизнь человѣка потеряла бы всякій смыслъ: тогда не было бы ни человѣческихъ сообществъ, ни нравственно отвѣтственныхъ личностей; не было бы ни психологіи, ни социологіи, ни вообще наукъ о человѣкѣ.

И. С. Проданъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

II

Памятники христіанства въ до-монгольскій періодъ.

Въ до-монгольскую эпоху, въ XI—XII вв., христіанство проникало въ районъ нынѣшней Харьковской губерніи вмѣстѣ съ славяно-русскою колонизаціей. Это было тогда явленіемъ неизбѣжнымъ. Колонизація шла, какъ мы уже говорили, съ сѣверо-запада изъ сосѣднихъ княжествъ Черниговскаго и Переяславскаго, а они въ это время были цвѣтущими центрами христіанства. Города Переяславъ и Черниговъ были епископскими кафедрами, а близкій къ нашему краю Курскъ, родина Преп. Θεодосія Печерскаго, въ то время былъ совершенно христіанскимъ городомъ съ многими храмами. Съ сѣверо-востока же направлялось на нашъ край культурное вліяніе Суздальскаго и Рязанскаго княжествъ. Въ началѣ XI в. отсюда христіанство близко подходитъ къ Придонскому краю также вмѣстѣ съ славяно-русскою его колонизаціей. Здѣсь городъ Воронежъ является древнѣйшимъ русскимъ городомъ: въ русскихъ лѣтописяхъ онъ упоминается уже подъ 1177 г. по Р. Х. Христіанскія древности X—XII вв., открытыя въ Придонскомъ краѣ и особенно въ Цимлянскомъ городищѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и нижняя часть Дона была просвѣщена христіанствомъ и, повидимому, даже ранѣе того времени, когда произошло знаменательное событіе крещенія русскаго народа при Св. кн. Владимирѣ¹⁾. Мы выше говорили, что

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1913 г.

¹⁾ Христіанское Чтеніе 1897 г., Окт., статья свещ. С. Звѣрева: „Слѣды христіанства на Дону въ до-монгольскій періодъ“, стр. 487.

черезъ районъ Сѣверскаго Донца шель путь сношеній Чернигово-Сѣверскаго княжества и вообще Кіевской Руси съ Тмутараканскимъ княжествомъ также христіанскимъ. Въ Тмутаракани упоминается, какъ уже существующая, епархія въ послѣдней четверти XI в.: здѣсь были храмы, былъ и монастырь, основанный Преп. Никономъ Кіево-Печерскимъ. Такимъ образомъ, въ XI—XII вв. первобытное славяно-русское населеніе нашего края находилось подъ перекрестными христіанскими вліяніями. Существованіе въ эти вѣка христіанства среди населенія нашего края несомнѣнно. Для насъ представляется знаменательнымъ фактъ существованія христіанства здѣсь даже въ городахъ повидимому половецкаго характера со смѣшаннымъ населеніемъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что жители одного изъ этихъ городовъ, Шаруканя, несомнѣнно находившагося въ районѣ Сѣверскаго Донца, во время похода русскихъ князей въ 1111 году оказались христіанами и вышли къ нимъ съ пѣніемъ молитвъ и хоругвями¹⁾.

Мы остановимъ свое вниманіе на вещественныхъ памятникахъ первобытнаго христіанства въ нашемъ краѣ.

Почти во всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Харьковской старинѣ до-монгольскаго періода упоминается о замѣчательной находкѣ христіанскаго памятника, сдѣланной въ городѣ Харьковѣ. Исторія этой находки такова.

Въ концѣ іюля 1869 года при планировкѣ земли подъ Харьковскій вокзалъ желѣзной дороги на урочищѣ „Архіерейская левада“ подъ Холодною горою, на глубинѣ одной сажени въ затвердѣломъ суглинкѣ найдено барельефное головное изображеніе, вырѣзанное на плоской глыбѣ самороднаго гипса, и не обрѣченное съ задней стороны. Изображеніе явственно представляетъ лубрусъ съ трехъ-окладчатыми вверху узлами по угламъ. На немъ изрѣченъ ликъ, укра-

¹⁾ По мнѣнію проф. Н. Я. Арістова городъ Харьковъ возникъ на мѣстѣ древняго Половецкаго города Шаруканя. Проф. Д. И. Вагалъ предпологаетъ, что Шарукань, который сдался русскимъ князьямъ въ 1111 году, долженъ быть находиться гдѣ-то въ мѣстности нынѣшнихъ Харькова и Чугуева. Другіе отождествляютъ Шарукань съ г. Чугуевымъ. Въ послѣднее время нѣкоторые, на основаніи археологическихъ изысканій въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, считаютъ находящееся здѣсь древнее городище—остатками половецкаго Шаруканя.

щенный сіяніемъ. Въ настоящее время эта находка хранится въ Музеѣ церковныхъ древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Н. Д. Борисякъ изслѣдовалъ этотъ памятникъ и представилъ III-му Археологическому Сѣзду въ Кіевѣ свой докладъ, въ которомъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ касательно его древности. Мы приводимъ ихъ цѣликомъ ¹⁾.

„Изваяніе отличается правильностію рисунка. Ученыя духовныя лица и художники, къ которымъ я обращался за помощію въ опредѣленіи найденнаго предмета, подтвердили мою догадку, что изваяніе ближе всего представляетъ изображеніе иконы Спаса Нерукотворнаго, что на убрूसѣ. Если остановимся на мысли, о христіанскомъ значеніи изваянія, то мы можемъ отнести его или къ времени съ XI по XIII вв., когда въ данной мѣстности жило христіанское населеніе, причислявшееся къ населенію Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ, или ко времени половины XVII в., когда Слободская Украина, запустѣвшая послѣ Батыева нашествія, заселилась вновь выходцами изъ западной, правобережной Украины.

Я позволяю себѣ высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого предмета. Я полагаю, что въ новѣйшую эпоху разсматриваемое изваяніе не было сооружено по слѣдующимъ причинамъ: наши мастера каменщики никогда не дѣлали изваяній изъ самороднаго гипса, породы и не существующей въ окрестностяхъ Харькова. Образъ найденъ на глубинѣ сажени подъ слоемъ отвердѣвшаго суглинка, на образование котораго потребно значительно продолжительное время. Мнѣ не случалось встрѣчать между уцѣлѣвшими остатками церковной старинной утвари, а также между вынесенными переселенцами изъ-за Днѣпра предметами религіознаго почитанія изображеній святыхъ, изваянныхъ на камнѣ. Трудно предположить, чтобы найденное изображение служило барельефомъ, наружной части храма или надгробнаго памятника, такія украшенія въ храмахъ нашихъ не употреблялись и трудно допустить, чтобы они придѣлывались къ стѣнамъ церквей, возведенныхъ изъ дерева.

Кладбища въ мѣстности, гдѣ найденъ образъ, не существуютъ ¹⁾ Труды III Археологическаго Сѣзда въ Россіи. Кіевъ, 1878, т. II, приложенія, стр. 205—207.

ществовало и при планировкѣ слѣдовъ кладбища никакихъ не обнаружено; при томъ же матеріаломъ для мавзолеевъ служили у насъ первоначально: кирпичъ, песчаниковый камень и чугунъ. Украшенія памятниковъ вырѣзываются обыкновенно на монолитѣ, изъ котораго сдѣланъ самъ памятникъ, или же подобно какъ въ храмахъ и часовняхъ бывають лѣпныя, а не рѣзные. Затѣмъ, значеніе барельефнаго украшенія опровергается и отсутствіемъ на изваяніи малѣйшихъ слѣдовъ прикрѣпленія.

Разсматривавшій описываемое изображеніе художникъ Волошиновъ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ; „по контуру и экспрессіи найденное барельефное изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля, и я не сомнѣваюсь, что оно служило принадлежностью скита пустынножительства“. Нельзя отрицать возможности подобнаго предположенія, тѣмъ болѣе, что по наблюденіямъ надъ характеромъ нашей мѣстности, не подлежитъ сомнѣнію, что прежде въ ней на значительныхъ пространствахъ существовали вѣсковые лѣса, представлявшіе требуемыя для пустынножительства условія.

Можетъ быть въ найденномъ предметѣ мы встрѣчаемъ слѣдъ тѣхъ давнихъ, невѣдомыхъ исторіи, подвижниковъ, которые дали названіе „Святой Горѣ“ на Донцѣ (упоминаемой московскими лѣтописями XVI ст.), которые основали Святогорскую обитель (по мнѣнію Преосв. Филарета существовавшую уже до XIV в.) и которые ископали пещеры въ Донецкой скалѣ, можетъ быть подражая преп. Θεодосію и Антонію“.

Находка столь древняго изваянія и притомъ въ городѣ Харьковѣ—чрезвычайно удивительна. Н. Д. Борисякъ, въ докладѣ Кіевскому Археологическому Съѣзду не представилъ подробнаго и тщательнаго описанія изваянія, а свои выводы относительно древности его не достаточно обосновалъ, можетъ быть по не имѣнію для этого фактическихъ и документальныхъ данныхъ. А между тѣмъ, исключительно на основаніи его выводовъ, другіе изслѣдователи нашей старины называютъ это изваяніе памятникомъ до-монгольскаго времени и отсюда заключаютъ о существованіи христіанскаго населенія въ городищѣ на мѣстѣ нынѣшняго Харькова еще въ то отдаленное, до-монгольское время.

Серьезность такихъ выводовъ и на первый взглядъ загадочность этой находки побуждаетъ насъ дать здѣсь болѣе подробное и всестороннее описаніе этого изваянія.

Найденный памятникъ представляетъ собою доску въ 28 см. высоты, 23 $\frac{1}{2}$ см. ширины и 4 $\frac{1}{2}$ см. толщины изъ мраморовиднаго камня бѣлаго цвѣта. Камень опредѣляютъ какъ бѣлый извѣстнякъ—самородный гипсъ. Лицевая поверхность сѣроватая и шереховатая. Задняя сторона грубо обрублена безъ всякихъ слѣдовъ какого либо прикрѣпленія цементомъ или желѣзомъ. Всѣ четыре обрѣза доски по толщинѣ также не имѣютъ никакихъ слѣдовъ прикрѣпленія, причемъ обрѣзы похожи на обсѣки, подобно грубому обсѣку задней стороны. Нельзя не замѣтить, что ребра нижнихъ краевъ сильно обтерты какъ бы отъ долгаго держанія руками. Во всю плоскость доски сдѣлано изображеніе. Въ двухъ верхнихъ углахъ вытесаны узлы, каждый въ три складки. Изображеніе представляетъ собою ликъ въ отдѣльномъ видѣ безъ шеи и плечъ. Ликъ челомъ и носомъ сильно выдающійся изъ плоскости доски на 3 см. Вокругъ лика сіяніе (нимбъ) въ 2 см. ширины. Ликъ отъ конца бороды до верха головы 22 см., разстояніе между ушами 15 см. Ликъ продолговатый благороднаго и строгаго стила. Линія бровей—прямая, глаза большіе, открытые (безъ зрачковъ). Въ изваяніи строго и правильно сдѣланы глаза, носъ, усы, губы, уши и борода, хотя безъ мелкихъ детальныхъ линій: все изображеніе—въ видѣ общаго контура. На челѣ и бородѣ имѣются пять поперечныхъ небольшихъ линій, очевидно, случайно сдѣланныхъ заступомъ при откалываніи его, также случайно отбитъ кончикъ носа. Особенно характерны въ этомъ изваяніи носъ и уши. Носъ замѣтно продолговатый въ 5 см. длины, очень прямой, безъ всякой горбинки и средней толщины или скорѣе тонкій. Ясно сдѣланы ноздри, и между небольшими, какъ бы намѣченными только, усами, продольная ямка по верхней губѣ. Изученіе этого изваянія убѣждаетъ, что сдѣлано оно хорошимъ мастеромъ, отлично и быстро умѣющимъ высвѣтать въ общихъ контурахъ лицо человѣческое. Длина бороды отъ нижней губы 18 см., ширина ея 10 см. Борода въ нижней своей части имѣетъ совершенное явственное и ровное раздвоеніе. Вдоль бороды, начиная отъ ушей, идутъ внизъ волосы, причемъ расширя-

ющіеся къ плечамъ локоны выстѣчены контуромъ въ видѣ двухъ трехъугольниковъ въ 12 см. длины и 7 см. ширины у основанія, спускающіеся гораздо ниже браны. Весьма характерны волосы на головѣ. Отъ чела они шириной въ 3 см., надъ серединой чела они раздѣлены и, немного расширяясь вокругъ верхней части головы, сильно сѣуживаются къ ушамъ. Уши небольшія, тонкія и нѣсколько выдающіяся своими оконечностями впередъ.

Изваяніе не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что это—изображеніе священнаго убруса, Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Правильность и благородство очертаній его чрезвычайны. Слѣдовъ какихъ либо надписей и буквъ нѣтъ никакихъ. Судя по шереховатой и сѣрой поверхности это изваяніе очень древнее. Кажется, что поверхность его была долговременно обвѣтриваема, выставленная наружу, тогда какъ задняя его сторона, бѣлая, какъ бы со свѣжими слѣдами обстѣка, была закрыта. По бокамъ и на задней сторонѣ явны слѣды обтески, лицевая же сторона сглажена, и ни въ одной линіи не замѣтно слѣдовъ рѣзца.

Въ опредѣленіи древности и происхожденія этого изваянія характеръ и стиль сдѣланнаго на немъ Нерукотвореннаго Образа должны играть первостепенную роль. Какого же иконописнаго типа это изображеніе? Какъ видно изъ доклада Н. Д. Борисяка, художникъ Волошиновъ опредѣлилъ его общеою фразою: „изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля“ (перво-христіанскаго или византійскаго?). Мы не находимъ въ немъ элементовъ сходства съ древне-византійскимъ типомъ, а тѣмъ болѣе перво-христіанскимъ.

По словамъ академика Н. Кондакова, древне-христіанское искусство знало мужественный образъ Спасителя, но онъ не былъ Его историческимъ типомъ съ чертами Лица, установленнаго преданіями. Историческій портретный Ликъ Спасителя выработанъ уже иконописью вѣка Константина и мы находимъ этотъ типъ въ живописи римскихъ катакомбъ только во время IV—VI вѣковъ. Такъ, фресковое погрудное изображеніе Спасителя съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей десницей, въ катакомбѣ Св. Генерозы, относится къ такимъ историческимъ типамъ: Спаситель имѣетъ длинныя назорейскіе волосы, легкую, опуша-

ющую овалъ лица, бороду, глубоко-посаженные глаза, покойный и твердый взглядъ, покойно и ровно очерченную дугу бровей, тонкія и правильныя черты лица. Изображеніе относится къ 680 году. Въ концѣ VI уже остановился типъ Христа, излюбленный восточною мозаикою: фигура широкая, монументальная, даже тяжелая, голова квадратная, густая борода, могучій характеръ въ крупныхъ чертахъ лица, величавый окладъ головы и волосъ¹⁾.

Въ ближайшее затѣмъ время въ этотъ византійскій типъ Спасителя привносится изображеніе большихъ круглыхъ глазъ, пышныхъ волосъ, спадающихъ за плечи, и съуживающейся браны безъ *раздвоенія*. Еще позднѣе, какъ въ мозаикахъ византійскаго типа въ Римскихъ и Равеннскихъ церквахъ, такъ и въ византійскихъ изображеніяхъ Убруса Христова X—XI вв., къ чертамъ Лица Спасителя присоединяются пышные локоны волосъ, спадающихъ на плечи и раздвоенная брада. Въ близкое къ этому время появляются и въ древне-русской иконописи изображенія „Нерукотвореннаго Лица Спасителя“ этого послѣдняго типа, къ которому очень близко подходитъ найденное въ Харьковѣ каменное изваяніе. Нельзя не принять во вниманіе здѣсь то, что позднѣе, въ XIV—XV вв., русскіе типы Нерукотвореннаго Спаса претерпѣваютъ значительныя видоизмѣненія, къ которымъ совершенно не подходитъ нашъ памятникъ. Такъ, въ нихъ рѣзко обозначаются по три или по два локна волосъ, спадающихъ на плечи, отдѣльная космочка волосъ, спадающая на верхъ чеда изъ раздвоенія головныхъ волосъ и особенно характерное раздѣленіе браны на нѣсколько прядей въ видѣ „крохотныхъ завитковъ“, какъ это мы видимъ на лучшихъ образцахъ, такихъ иконъ въ Никольскомъ Единовѣрч. монастырѣ въ Москвѣ, въ ризницѣ Св. Троицкой Сергіевой Лавры, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ XVI в. (безъ завитковъ браны), въ Ново-Спаскомъ монастырѣ въ Москвѣ²⁾. При сопоставленіи нашего изваянія съ древне-русскими изображеніями Свящ. Убруса мы поражаемся близкимъ его сходствомъ съ подобными изображеніями въ двухъ замѣчательныхъ древне-русскихъ храмахъ: Спаса Нередицы въ окрест-

1) Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I. иконографія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб. 1905 г., стр. 121—122.
2) Лицевой иконописный подлинникъ. Тамъ же, приложения къ стр. 121—122.

ности Новгорода (постр. въ XI в.) и Георгіевскаго Собора г. Юрьева Польскаго. Въ Нередицкой ц. на поясѣ купольнаго барабана помѣщены два Нерукотворенныхъ образа: одинъ воспроизводитъ извѣстный образъ Авгаря, бывшій на полотнѣ, другой же воспроизводитъ, повидимому, знамя или лабарумъ, судя по жемчужнымъ окаймленіямъ и надписи ІС. ХС. НІ. КА. Первый имѣетъ слѣдующія черты особенно сходныя съ нашимъ изваяніемъ: продолговатый овальный ликъ, волосы широко окружающіе главу, и къ ушамъ суживающіеся и ниспадающіе ниже браны двумя длинными расширяющимися локонами, средняго размѣра браны съ явнымъ раздвоеніемъ, продолговатый, тонкій и прямой носъ, линия бровей ровная, глаза большіе, взглядъ спокойный, уши не закрытыя волосами. Это изображеніе въ церкви Спаса-Нередицы сохранилось отъ конца XII в. По своему характеру оно вполне соотвѣтствуетъ установившемуся въ то время русско-византійскому типу Образа Христова.

Вообще же наше изваяніе по своей каменной конструкціи представляется схожимъ съ каменными изваяніями, такъ называемыми „прилѣпами“, двухъ замѣчательныхъ древнерусскихъ храмовъ XII и нач. XIII вв.: Георгіевскаго въ Юрьевѣ Польскомъ и Дмитріевскаго во Владимірѣ. Всякій, знакомый съ наружными барельефными украшеніями этихъ двухъ храмовъ, невольно вспомнить о нихъ при взглядѣ на наше изваяніе. Самородный гипсъ, годный для барельефныхъ изваяній, въ обилии находится въ Уральскихъ горахъ: Древніе Булгары, обитавшіе по рр. Камѣ и Волгѣ, пользовались имъ для каменныхъ своихъ построекъ. Отсюда этотъ матеріалъ доставлялся въ Суздальское княжество для сооруженія и украшенія церквей. Дмитріевскій и Юрьевскій соборы сложены изъ бѣлаго известняка, доставленнаго изъ Булгарій, съ заполненіемъ полостей внутренности, между двухъ сложенныхъ стѣнъ, будто изъ булыжника, щебня и обломковъ того же известняка, и известковаго раствора. Крѣпость этого послѣдняго и отношеніе къ этой сердцевиной самой кладки стѣнъ, какъ своего рода облицовки, указываетъ на обычай греко-восточныхъ построекъ и составляетъ немаловажное обстоятельство для пониманія роли самыхъ скульптурныхъ плитъ, или „прилѣповъ“. Владиміръ, въ эпоху этихъ сооружений (XII и нач. XIII вв.), былъ наполненъ, по лѣто-

писи, хитрыми купцами, руководѣльниками (художниками) и разными ремесленниками, и все это пришлое населеніе новыхъ „пригородовъ“ изъ „холопей каменщиковъ“, скоро смѣшавшееся съ туземнымъ (финскимъ), явилось первыми ремесленниками. Въ сооруженія Владиміро-Суздальскія явственно было внесено этими мастерами западное (романское) вліяніе, но въ рамкахъ византійскихъ традицій и восточныхъ вкусовъ (звѣриная орнаментація Дмитріевскаго и Юрьевскаго Соборовъ). Замѣчательны пути, по которымъ мастера этой эпохи заносили свое вліяніе во Владиміро-Суздальское зодчество. Основнымъ условіемъ культуры Суздальской области въ то время было ея посредничество въ торговлѣ Востока съ Западомъ, тогда покинувшей южныя степи и поднявшейся на сѣверъ. Для Суздальской области уже во времена Боголюбскаго установились связи, естественныя и въ географическомъ отношеніи „съ приднѣпровьемъ, Волынью и Галичемъ: путь изъ Кіева подымался по Днѣпру и его притокамъ, переходилъ на Москву рѣку или же на верховья Оки и на Клязьму. Такимъ, конечно, путемъ изъ Кіева и родственнаго Галича шли мастера и каменщики въ Суздаль¹⁾. Известныя новыя матеріалы нашего изваянія и контурность мастерской его обработки, очевидно, рассчитанной на видъ издали, естественно сближаютъ его съ „прилѣпами“ Владиміро-Суздальскихъ храмовъ. Возможность занесенія его въ нашъ край можетъ быть допустима ввиду близости его къ тому пути, по которому шло каменное мастерство изъ Кіево-Волыни и Галича въ Суздальскую область. Предположенія этого рода намъ кажутся вполне естественными. И это тѣмъ болѣе, что подобное изваяніе имѣется между „прилѣпами“ Георгіевскаго Собора. Сѣверная стѣна этого храма богата рельефами: здѣсь съ угла сохранился даже пилястръ съ капителью и личинами, по пилястру размѣщены медальоны съ бюстами, затѣмъ отдѣльныя фигуры Святыхъ, образъ Спаса Нерукотвореннаго, опять медальоны со святыми, херувимы, иногда въ кускахъ, и все это наверху, гдѣ стѣна переложена изъ архитектурныхъ элементовъ какого-то другого зданія, тогда какъ низъ представляетъ первобытный остатокъ зданія и украшенъ правильнымъ рисункомъ разводовъ. Въ этой части

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. графа И. Толстымъ и Н. Ковдаковымъ. Вып. IV, Спб. 1899 г., стр. 37, 37, 100.

храма, какъ есть посрединѣ, выше окна, помѣщенъ образъ Нерукотвореннаго Спаса совершенно отдѣльный отъ сосѣднихъ фигуръ, вытесанный на цѣльной известняковой плитѣ. Складокъ Убруса здѣсь не видно. Ликъ окруженъ нимбомъ и такого же типа, какъ на нашемъ изваяніи. Особенно характерную черту этого образа составляютъ весьма длинные волнистые локоны волосъ, спускающіеся ниже браны ¹⁾.

Въ опредѣленіи древности происхожденія нашего изваянія большое значеніе также имѣютъ характеръ и исторія мѣстности, въ районѣ которой оно было найдено. Н. Д. Борисякъ въ своемъ докладѣ о находкѣ не сообщаетъ никакихъ данныхъ объ этой мѣстности. А между тѣмъ здѣсь мы также наталкиваемся на указанія въ пользу глубокой древности находки. Тотъ участокъ земли, гдѣ былъ изъ глубины 1 сажени вырытъ нашъ памятникъ, и гдѣ теперь находится Харьковскій вокзалъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, представлялъ собою собственность Харьковскаго Покровскаго монастыря (Архіерейскаго Дома) и носилъ названіе „Архіерейской левады“. Раньше это всегда было пустынное мѣсто, луговое и озерное. Такъ, въ XVIII в., ближе къ началу нынѣшней улицы Большой Панасовки эта левада переходила въ нѣсколько мелкихъ озеръ съ кочками и порослями. Левада вплотную подходила къ городской дорогѣ, которая по линіи нынѣшней Екатеринославской улицы шла отъ Триумфальной арки (въ концѣ XVIII в.) у Дмитріевской церкви на Холодную гору и далѣе въ направленіи къ Куряжу на Ахтырку. По другую сторону этой дороги (въ районѣ нынѣшнихъ Большой и Малой Гончаровки) простирались сперва огороды, за ними подгородняя сл. Долганевка, а подъ самой Холодной горой кирпичные заводы. Архіерейская Левада поднималась немного вверхъ по склону Холодной горы: здѣсь были монастырскіе огороды, а выше вишневый садъ и два деревянныхъ домика для монастырскихъ служащихъ ²⁾. Холодная гора въ то время была необитаема, покрыта остатками древняго лѣса, переходившаго у нынѣшней Основы въ густой боръ. На самой вершинѣ Холодной горы были въ то время

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства, *ibid.*, стр. 46, рисунокъ № 83-й.

²⁾ См. планъ г. Харькова 1787 г. въ „Исторіи г. Харькова“ Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера. Харьковъ 1905 г. т. I, стр. 76-я.

курганъ, въ которомъ найдены человѣческія кости, уголь и черепки, представлявшіе, вѣроятно, слѣды языческаго погребенія¹⁾. Архіерейская левада была во владѣніи Покровскаго (ранѣе училищнаго, Коллегіумскаго,) монастыря со времени первой половины XVIII в. Ранѣе же она была частною собственностію. Владѣль ею подпрапорный Харьковскаго полка Григорій Степановичъ Дробицкій. Въ 1735 году онъ отдалъ Коллегіумскому монастырю свои земли: а) два огорода подъ Холодною горою, б) леваду подъ Холодной горою при большой дорогѣ изъ Харькова и в) луку здѣсь же съ вишневымъ садомъ. Въ фамиліи лѣтописи Г. Квитокъ замѣчено, что Григорій Дробицкій, двоюродный братъ, по матери, полковника Ивана Григорьевича Квитки, постриженъ въ монашество 5 Апр. 1730 года ректоромъ Платономъ Малиновскимъ „въ обитель Новопечерскую Змѣевскую, въ домъ его въ Харьковѣ“, и что онъ названъ Геннадіемъ²⁾. Слѣдовательно, Архіерейская левада и до 1735 года была такимъ же пустыремъ, какъ и въ 1869 году. Несомнѣнно, что ранѣе 1735 года она попала въ частное владѣніе въ видѣ „заимки“, занятой также, какъ „занимались тогда“ свободно вокругъ Харькова окрестныя урочища, луга, озера и лѣса первыми поселенцами „черкасами“. Нѣтъ никакихъ, поэтому, данныхъ предполагать, что до XVIII в. это левада была кѣмъ либо обитаема, и что здѣсь могли быть какія либо постройки. Эта левада была озернымъ лугомъ подъ Холодногорскимъ лѣсомъ и, конечно, не представляла собою подходящаго мѣста для поселенія и жилищъ. Мы совершенно вправѣ считать ее пустыннымъ и не обитаемымъ мѣстомъ издревле. При нахожденіи каменнаго изваянія не было обнаружено никакихъ слѣдовъ бывшаго здѣсь строенія или погребенія. Изваяніе найдено въ чистомъ и плотномъ суглинкѣ на глубинѣ 1 сажени. Этотъ саженный слой напластованія надъ изваяніемъ образовывался естественно, и поэтому медленно. Слой, на которомъ лежало изваяніе, былъ въ уровнѣмъ всей этой левады много столѣтій тому назадъ, въ глубокой древности. Проходившая чрезъ эту леваду дорога на Ахтырку была также очень древнею. Всѣ эти условія мѣстности, въ

¹⁾ Ibid. стр. 25.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ: „Историко-Статист. описаніе Харьков. епархіи“, отд. I, стр. 274.

которой найдено изваяніе, заставляють предполагать въ немъ древній памятникъ еще въ до-монгольское время почему либо здѣсь обретенный возлѣ дороги изъ Харьковского городища. Предположеніе г. Борисяка и г. Волошинова о принадлежности этого изваянія скиту иноковъ, здѣсь нѣкогда подвизавшихся, намъ представляется совершенно проблематичнымъ. Ни въ самомъ изваяніи, ни въ обстановкѣ его нахождения, ни въ характерѣ данной мѣстности нѣтъ никакихъ данныхъ для этого предположенія.

Всѣ вышеизложенныя соображенія и сопоставленія касательно найденнаго въ Харьковѣ изваянія нами представлены въ дополненіе къ докладу Борисяка въ цѣляхъ болѣе широкаго обоснованія домонгольской древности его происхожденія.

Замѣчательныя христіанскія находки были сдѣланы во время раскопокъ Ницахскаго городища, Ахтырскаго уѣзда. Различные предметы здѣсь были находимы какъ при раскопкахъ древнихъ жилищъ обитавшаго въ городищѣ славяно-русскаго населенія, такъ и въ обширномъ могильникѣ окружавшемъ городище. Въ обнаруженныхъ погребеніяхъ явно славянскаго типа вмѣстѣ съ костяками находилось оружіе, остатки одежды, предметы украшеній, домашняя глиняная посуда, и, наконецъ, многочисленные кресты и иконы. Всѣ эти находки составили богатую коллекцію Ницахскихъ древностей, нынѣ помѣщающихся въ Харьковскомъ Университетскомъ Музеѣ. Коллекція распределѣна группами вещей соотвѣтственно отдѣльнымъ раскопкамъ проф. Д. И. Багалѣя и Е. Н. Мельника.

Среди христіанскихъ находокъ въ Ницахѣ первое мѣсто по количеству и ясно выраженному своему типу занимають кресты. Носимы они были обитателями Ницахскаго городища на шеѣ въ ожерельяхъ. Ожерелья составлены изъ мелкихъ разноцвѣтно-стекляныхъ и глиняныхъ бусъ и раковинокъ. Къ ожерельямъ привѣшены бронзовыя „лунницы“, опрокинутыя внизъ,—это очень распространенное украшеніе у древнихъ славянъ X—XII вв. Посрединѣ этихъ ожерелій привѣшены бронзовые прорѣзные медальоны съ крестами въ срединѣ. На каждомъ ожерельѣ такихъ крестовъ имѣется по одному, по два, по три. Найдены нѣкоторыя ожерелья съ одними крестами безъ „лунницъ“. Всѣ кресты не больше

1,7 см. въ діаметрѣ: они равноконечны, при чемъ концы перекрестій расширяются въ видѣ трилистника. Ободокъ каждаго медальона имѣетъ видъ жемчужной нити. Найдены здѣсь также ожерелья съ простыми крестами, не заключенными въ медальоны, напр. въ 15-мъ и 33-мъ курганахъ. Эти крестики также равноконечны, но концы перекрестій расширены въ видѣ закругленій, при чемъ крестъ изъ 15-го кургана имѣетъ сквозныя отверстія въ закругленіяхъ перекрестій. XII Археологическій Съѣздъ призналъ эти крестовидные предметы подлинными христіанскими символами, крестами. Подобные кресты были находимы въ могильникахъ другихъ мѣстъ, особенно Сѣверянскихъ X—XII вв.: относятся они, очевидно, къ эпохѣ первоначальнаго распространенія въ Кіево-Черниговской области православнаго христіанства. По своей формѣ эти кресты извѣстнаго типа—„корсунскаго“. Медальонные кресты Ницахскаго городища несомнѣнно взяты изъ византійскихъ монетъ Льва VI Мудраго (886—912 г.), Романа II (959—963) и Іоанна Цимисхія (969—976 г.), на оборотѣ которыхъ они изображены на подножии, но съ такими же закругленіями перекрестій, какъ въ Ницахскихъ¹⁾.

Кресты типа Ницахскихъ находокъ 33 кургана изображаются въ миниатюрныхъ размѣрахъ на лицевой сторонѣ монеты Св. Владиміра II, III и IV типовъ, а также на монетахъ Ярослава²⁾. Ницахскіе кресты—не русскаго происхожденія: они по своей формѣ—корсунскія и производства они несомнѣнно корсунскаго. Въ первые вѣка распространенія христіанства на Руси, X—XII ст., разнообразныя предметы христіанскаго культа здѣсь распространялись изъ знаменитаго въ то время Херсонеса Таврическаго, лѣтописнаго Корсуня. Многіе дошедшіе до насъ свящ. предметы корсунскаго происхожденія сохранили за собою техническое названіе „корсунскихъ“, напр. иконы, кресты, металлическія иконостасныя врата и свящ. сосуды. Всѣмъ извѣстны „корсунскіе“ складные кресты—тѣльники, находимые доселѣ въ Херсонесѣ, Феодосіи, Оріандѣ, Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. По времени можемъ считать всѣ эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Множество простыхъ тѣльныхъ крести-

¹⁾ А. Орѣшниковъ. Херсоно-Византійскія монеты, Москва, 1905 г., стр. 10—16.

²⁾ Русскія древности, вып. IV, стр. 168—169.

ковъ этой эпохи, встрѣчаемыхъ въ кладахъ, и въ могильникахъ, ризницахъ и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, серпентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуни, почему мы и можемъ называть ихъ „курсунскими тѣльниками“. Въ самомъ Херсонесѣ встрѣчены также тѣльные кресты обычнаго курсунскаго типа складней съ надписями славяно-русскими: находка эта вызвала предположеніе, что кресты эти должны были принадлежать русскимъ, поселившимся въ Корсуни. Конечно, тамъ были русскіе въ составѣ населенія, однако, подобныя находки говорятъ намъ о другомъ фактѣ, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза въ Россію, но такъ какъ Грековъ въ XII—XIII вв. было мало, а русскихъ много, и торговля крестами съ Русью шла шибко, то издѣлій для нея изготовлялось съ излишкомъ, и инья оставались дома. Вотъ почему между херсонесскими формочками для отливанія (изъ мѣди и бронзы для продажи простому народу) мы встрѣчаемъ съ особеннымъ интересомъ: одну формочку для тѣльнаго крестика типа Ницахскихъ находокъ, другую для серги съ подвѣсною бусою и третью для серги съ „лунницею“ въ видѣ калачика, окаймленнаго жемчужною нитью. Въ отдѣльномъ видѣ подобныя „лунницы“ во множествѣ фигурируютъ въ Ницахскихъ ожерельяхъ.

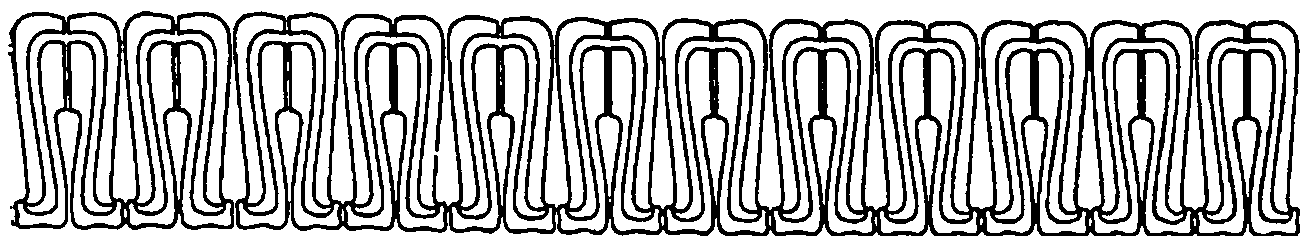
Особенно же важными по своему значенію представляются Ницахскія находки христіанскихъ иконокъ. Одна икона имѣется въ ожерельѣ № 115 (изъ раскопокъ Д. И. Багалѣя). Она круглой формы въ 1,7 сант. въ діаметрѣ, на ней имѣется отчетливо сдѣланное погрудное изображеніе святого съ сіяніемъ вокругъ лика? Иконка сдѣлана изъ бронзы, надписей или буквъ не обозначено никакихъ. Это изображеніе предназначено для нагруднаго ношенія, ибо имѣетъ ушко для привѣшиванія. Къ ожерелью же подъ № 117-мъ подвѣшенъ плоскій бронзовый медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ всадинка съ замѣтнымъ сіяніемъ вокругъ головы. Подобныя изображенія были находимы при раскопкахъ Мерянскихъ могильниковъ и представляютъ собою иконки Св. Θεодора Тирона. Эти Ницахскія иконки по достоинству своей работы уступаютъ крестамъ здѣсь найденнымъ, что сразу бросается въ глаза. Мы вправѣ смотрѣть на нихъ,

какъ на произведенія русскихъ мастеровъ. Употребленіе славяно-русскимъ населеніемъ Ницахскаго городища крестовъ и иконъ свидѣтельствуеетъ о соблюденіи имъ православно-христіанскаго культа, и слѣдовательно христіанство здѣсь было не случайностію, но осѣдлымъ бытовымъ явленіемъ. Намъ представляются эти находки достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ существованія православнаго христіанства въ районѣ нашего края XI—XII вв. Осѣдность христіанства въ Ницахѣ можетъ быть допустима при непремѣнномъ условіи естественности и безопасности его исповѣданія во всемъ этомъ районѣ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ пріобрѣтаютъ важное показательное значеніе и всѣ другія находки христіанскихъ памятниковъ въ нашемъ краѣ, хотя бы кажущихся случайными, какъ напр. вышеописанное нами каменное изваяніе Спаса - Нерукотвореннаго. Христіанскіе исповѣдники здѣсь были всюду, куда только простиралась въ то время славяно-русская колонизація: христіанскіе символы естественно должны быть находимы по всему району бывшихъ здѣсь поселеній XI—XII вв. Съ этими корнями древнѣйшаго христіанства въ нашемъ краѣ такъ настойчиво на протяженіи вѣковъ связываются преданія о древнѣйшемъ возникновеніи здѣсь христіанскихъ обителей, еще за много вѣковъ до того времени, какъ здѣсь стали селиться и вновь колонизовать нашъ край Украинскіе Черкасы. Мы разумѣемъ здѣсь преданія о знаменитой Святогорской и о близкой къ Харькову Хорошевской обителяхъ. Преданія объ ихъ древности находятъ подтвержденіе во многихъ историческихъ фактахъ и сказаніяхъ. Но мы съ особымъ вниманіемъ остановимся на доступныхъ нашимъ изслѣдованіямъ вещественныхъ памятникахъ ихъ старины. Къ обзорѣнню этихъ послѣднихъ мы и перейдемъ.

Протоіерей П. Фоминъ.

(Продолженіе будетъ).

ФАКТЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕРЦГОВИНЦА НА СЛУЖБѢ ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВЪДОМСТВУ.

(Продолженіе)*).

Преосвященный Тихонъ, епископъ Прилукскій.

Новый викарій Палтавской епархіи, преосвященный епископъ Тихонъ (Клитинъ), магистръ Петербургской академіи 1867 г., былъ почтенныхъ лѣтъ старецъ, искушенный по всяческимъ, строгій по жизни, осторожный въ словѣ и даромъ его не отличавшійся, не разговорчивый и не находчивый, избѣгавшій ненужныхъ знакомствъ и принимавшій не съ охотою посѣтителей не по дѣлу. Первые годы его служебной дѣятельности, когда онъ состоялъ бакалавромъ Казанской академіи (съ 1867 по 1875 г.) и ректоромъ Самарской семинаріи (съ 1875 по 1882 г.), сулили ему лучшее будущее, чѣмъ настоятельство въ разныхъ монастыряхъ и цензорство въ Петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ. Викаріатство Владимірское, съ титуломъ епископа Муромскаго (съ 1892—1895 г.), едвали усладило горечь перенесенныхъ имъ испытаній, а вѣроятно и перемѣщеніе на викаріатство Полтавское не обрадовало его. Прибыль онъ въ Полтаву 16-го декабря 1895 г. Той суеты, какая обнаруживалась предъ пріѣздомъ преосвященнаго Михаила, теперь не замѣчалось и командировки на встрѣчу новаго викарія не дѣлалось. Духовенство встрѣтило его на перронѣ вокзала по выходѣ изъ вагона и молчаливо подходило къ нему подъ благословеніе. Самъ преосвященный не проронилъ никому ни одного слова, что меня не мало удивило и даже огорчило. На слѣдующій день пришлось представлять ему семинарскую корпорацію, а черезъ день при-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1913 г.

мать его и у себя въ квартирѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ оказалось, что онъ очень умный и многосвѣдущій старецъ, совершенно неспособный вести праздные разговоры съ любителями оныхъ. Можетъ быть, причиною этому была значительно замѣтная у него тугость слуха, не дававшая ему возможности принимать дѣятельное участіе въ разговорахъ. Лично ко мнѣ былъ внимателенъ, часто принималъ преподавателя семинаріи Ѡ. Л. Д—скаго, добръ знакомаго ему по Смоленску, когда сей мужъ былъ инспекторомъ семинаріи и въ санѣ архимандрита, но къ самой семинаріи никакого касательства не имѣлъ. Кажется, одинъ только разъ, скоро по прибытіи въ Полтаву, побывалъ у насъ, но и тогда не обнаружилъ интереса къ нашему заведенію. Черезъ годъ послѣдовало назначеніе его на Оренбургскую кафедру (въ ноябрѣ 1896 г.), но не судилъ Богъ видѣть ему свою паству. Обуреваемый, какъ оказалось, различными болѣзнями, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносимыми, онъ не перенесъ послѣдняго недомоганья во время сборовъ къ мѣсту новаго служенія и 4-го декабря 1896 г. мирно почилъ о. Господѣ. 7-го декабря, послѣ торжественнаго отпѣванія въ теплой церкви Крестовоздвиженскаго монастыря, тѣло его нашло упокоеніе въ томъ же храмѣ, рядомъ съ могилою приснопамятнаго архіепископа Іоанна († 8-го іюля 1889 г.).

Въ тотъ же день, въ связи съ погребеніемъ почившаго святителя, обнаружилась первая за время моего ректорства вспышка необдуманности въ средѣ воспитанниковъ семинаріи, не имѣвшая печальныхъ послѣдствій, но сильно опечалившая меня и недавно назначеннаго инспектора іеромонаха Агапита.

Инспекторъ семинаріи іеромонахъ Агапитъ.

Новый инспекторъ семинаріи іеромонахъ Агапитъ (Вишневоускій), нынѣшній епископъ Екатеринославскій, по окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи (въ 1889 г.) и недолгаго священствованія на родинѣ, въ 1892 г. поступилъ въ Кіевскую академію вдовымъ священникомъ, во время прохожденія академическаго курса принялъ монашество, а по окончаніи курса академіи (въ іюнь 1896 г.) со степенью кандидата назначенъ (28-го сент. того же года) на должность инспектора Полтавской духовной семинаріи. Послѣ бывшаго инспектора Д. Н. О—ва, дѣятеля многоопытнаго и

выдающагося преподавателя Св. Писанія въ V' классѣ, премнику его приходилось не мало поработать, чтобы пріобрѣсти себѣ довѣріе и уваженіе со стороны воспитанниковъ. Но нашъ труженикъ о. инспекторъ скоро этого достигъ. Скажу по совѣсти, что онъ былъ замѣчательно добрый и сердечный сослуживецъ, весьма серьезно относившійся къ своимъ обязанностямъ, безъ начальственнаго задора, съ отеческою любовію слѣдившій за жизнью воспитанниковъ. Въ первое время были у него по инспекторству нѣкоторыя тренія, но когда воспитанники узнали лучше своего о. инспектора, они стали относиться къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ. Недолго, менѣе двухъ лѣтъ (съ октября 1896 по 18 іюля 1898 г.), прослужилъ онъ въ Полтавской семинаріи, но оставилъ по себѣ добрую память надолго. Я потерялъ въ немъ рѣдкаго по задушевности и единомыслію въ воспитательномъ дѣлѣ сотрудника, но не переставалъ пользоваться его братскимъ расположеніемъ, а потомъ и архипастьерскимъ благовниманіемъ. При совмѣстномъ служеніи радостей мы мало испытывали, а печали были у насъ почти ежедневныя. Въ такомъ многочисленномъ заведеніи, какъ Полтавская семинарія, съ интернатомъ въ 300 съ лишнимъ человекъ и двумя-тремя десятками частныхъ квартиръ, всего можно было ожидать во всякое время. Мы благодарили Бога, если день проходилъ благополучно, а если ничего не совершалось и ночью, считали себя счастливыми.

Инцидентъ въ семинаріи въ день похоронъ епископа Тихона.

Правда, такіе казусы, какъ вспышка въ средѣ воспитанниковъ семинаріи, происшедшая 7-го декабря 1896 г., въ день похоронъ бывшаго викарія Полтавской епархіи, епископа Оренбургскаго Тихона, по всей вѣроятности была бы предупреждена, еслибы начальство семинарское и стоящіе выше его знакомы были лучше съ психикой воспитанниковъ и относились съ большимъ вниманіемъ къ религіозному настроенію очень многихъ изъ нихъ. Казалось бы, что въ такой въ своемъ родѣ чрезвычайный день, какъ похороны архіерея, слѣдовало совершить въ семинаріи заупокойное богослуженіе, освободить воспитанниковъ отъ занятій и дать возможность хоть старшимъ присутствовать при совершеніи глубоко-трогательнаго чина священническаго по-

гребенія. Ущербъ для учебнаго дѣла отъ этого не произошло бы никакого, а въ воспитательномъ отношеніи, можетъ быть, получился бы лишній плюсъ. Не только воспитанники, а и всѣ служащіе были увѣрены, что день погребенія будетъ днемъ молитвеннымъ. Но епархіальное начальство разсудило иначе. Принявъ во вниманіе, что скончавшійся архіерей не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ семинаріи и училищамъ, владыка Иларіонъ, чтобы не отрывать учащихся отъ занятій, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы совершены были панихиды въ церквахъ учебныхъ заведеній предъ началомъ уроковъ или на большой перемѣнѣ и занятія велись своимъ порядкомъ, а мнѣ и смотрителю училища приказалъ явиться въ монастырь для участія въ совершеніи заупокойной литургіи и въ чинѣ погребенія. Мною сдѣлано было соотвѣтствующее волѣ преосвященнаго распоряженіе. Оно встрѣчено было съ недоумѣніемъ учащими, а по несчастной привычкѣ нѣкоторыхъ думать въ слухъ-недоумѣніе ихъ могло дойти и до чуткихъ ушей учащихся. Безъ сомнѣнія не обошлось безъ подстрекательства со стороны нерадивыхъ и лѣнивыхъ питомцевъ, въ ничегонедѣланіи находившихъ удовольствіе, а весьма вѣроятно, что орудовали и тѣ изъ неблагонадежныхъ учениковъ, которымъ желалось учинить какой нибудь формальный скандалъ въ семинаріи. И вотъ, послѣ утренней молитвы и чаю, когда нужно было идти по классамъ на уроки, воспитанники начали расхаживать по заламъ и корридору. Помощники инспектора и самъ инспекторъ приглашали ихъ расходиться по классамъ, а они демонстративно продолжали прохаживаться, высказывая недовольствіе, что не была совершена заупокойная литургія и что ихъ не освободили отъ занятій. О. инспекторъ говорилъ имъ, что панихида будетъ совершена на большой перемѣнѣ и снова приглашалъ ихъ расходиться по классамъ, а они продолжали упорствовать. Послалъ спѣшно секретаря правленія Г. О. М.—ча сообщить мнѣ о происходящемъ въ семинаріи. Посланецъ явился во время чтенія часовъ. Оставить служеніе безъ вѣдома преосвященнаго было неудобно, а сообщить ему хотя бы суть неприятнаго инцидента предъ литургіей, считалъ неблаговременнымъ и небезопаснымъ для впечатлительнаго старца. Крайне обезпокоенный, чтобы не произошло чего нибудь крупнаго въ семинаріи, я поручилъ секретарю ъхать скорѣе обратно и передать о. ин-

спектору, чтобы онъ самъ и воспитанники V и VI класса явились въ монастырь къ отпѣванію, чтобы духовникъ совершилъ немедленно панихиду въ церкви семинарской въ присутствіи воспитанниковъ и наставниковъ, чтобы послѣ панихиды воспитанники уволены были отъ уроковъ и чтобы помощники инспектора усилили надзоръ за подозрительными питомцами. Нечего и говорить, что я все время находился въ крайне возбужденномъ состояніи и только тогда нѣсколько успокоился, когда явился о. инспекторъ съ воспитанниками и сообщилъ мнѣ, что въ семинаріи не происходило серьезныхъ беспорядковъ и что вспышка воспитанниковъ сейчасъ прекратилась, когда приведено было въ исполненіе мое распоряженіе о панихидѣ и освобожденіи отъ занятій. Приходъ воспитанниковъ въ церковь на отпѣваніе не вызвалъ никакого недоумѣнія со стороны преосвященнаго. Когда я доложилъ ему, что воспитанники явились по моему распоряженію, чтобы поклониться почившему святителю и посмотреть, какъ совершается чинъ погребенія священническаго надъ архіереями, владыка выразилъ одобреніе моему распоряженію. Одобрены были потомъ и прочія мои распоряженія и преподанъ совѣтъ не придавать значенія происшедшему. Поневолю пришлось ограничиться ничѣмъ, ибо виновныхъ не оказалось или лучше всѣ были виновны, такъ какъ всѣ желали освобожденія отъ занятій.

Хотя инцидентъ и завершился вполне благополучно, но тѣмъ не менѣе изъ за него возникли разные сплетни. Досужіе языки говорили, что вспышка имѣла опредѣленный демонстративный характеръ и что ею подчеркивалось недовольство моею строгостью и назначеніемъ новаго инспектора изъ монаховъ. Не отвергаю, что было много воспитанниковъ недовольныхъ моею требовательностію—быть благовоспитанными и исправными въ исполненіи своихъ ученическихъ обязанностей, но не допускаю, чтобы они, въ большинствѣ добрые молодые люди, хотѣли приурочить это недовольство ко дню погребенія епископа Тихона. Какъ ни трактуютъ вкось и вкривь о нашихъ питомцахъ, но предполагать, что они всѣ настолько безсердечны, что могутъ проявлять выходки мстительнаго свойства въ часы печалей, я считаю поклепомъ на воспитанниковъ семинарій. Кто видѣлъ этихъ якобы черствыхъ питомцевъ колѣнопреклонно поющими „со святыми упокой“ на вечернихъ молитвахъ и со слезами ок-

ружающихъ и несущихъ на своихъ плечахъ гробы съ останками наставниковъ или товарищей, тотъ никогда не повѣритъ, чтобы они способны были въ подобные моменты проявлять жестокость.

Другая сплетня о недовольствѣ назначеніемъ новаго инспектора изъ монаховъ свидѣтельствуешь только, что распускавшіе ее не знакомы были съ дѣйствительными взглядами воспитанниковъ на этотъ вопросъ. Для питомцевъ, тяготящихся школьною дисциплиною и готовыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ уклоняться отъ нея, инспекторъ изъ монаховъ желательнѣе свѣтскихъ лицъ. Уже потому, что инспекторъ монахъ не можетъ заглядывать въ распивочныя, присматриваться въ саду къ стоящимъ около буфета, пробираться на галерку въ театръ и подобныя мѣста, для многихъ онъ предпочтительнѣе свѣтскаго лица. Исправные воспитанники желаютъ, чтобы инспекторъ былъ идейнымъ, внимательнымъ, справедливымъ, чуждымъ соглядатайства и подозрительности, а кто онъ, — духовное или свѣтское лицо, для нихъ безразлично. Есть и такъ разсуждающіе, что инспекторъ монахъ, каковъ бы ни былъ, не долго удержится въ семинаріи, а свѣтскій остается на всю жизнь. При такихъ взглядахъ мыслимо ли, чтобы воспитанники нашей семинаріи, совершенно не зная коего духа будетъ новый инспекторъ, выражали недовольство его назначеніемъ потому только, что онъ монахъ? Нѣтъ, инцидентъ въ семинаріи 7-го декабря 1896 г. не имѣлъ отношенія къ о. инспектору іеромонаху Агалиту, съ первыхъ дней служенія снискавшему общія симпатіи сослуживцевъ и большинства воспитанниковъ, и совершенно напрасно самъ о. инспекторъ придавалъ ему такое значеніе.

Насчастіе съ воспитанникомъ Черновецкимъ.

Съ 5-го на 6-е июня 1897 г. на одной изъ ученическихъ квартиръ, около 10-ти часовъ вечера, когда жильцы совместно готовились къ экзамену, вдругъ раздался выстрѣлъ изъ заржавленнаго пистолета, находившагося въ рукахъ ученика Власенко, и пуля угодила въ его товарища и закадычнаго друга Черновецкаго. Раненый мигомъ выскочилъ изъ квартиры, побѣжалъ къ семинаріи, перелѣзъ черезъ заборъ и добрался до больницы въ такомъ сильномъ изнеможеніи, что фельдшеръ ожидалъ печальнаго исхода. Не-

медленно послали за семинарскимъ врачомъ и сообщили инспектору и мнѣ о совершившемся несчастіи. Въ великой тревогѣ побѣжали мы оба въ больницу. Явился весьма скоро и врачъ. Бѣдный нашъ юноша находился въ безсознательномъ состояніи. Врачъ и фельдшеръ дѣлали свое дѣло, но утѣшительнаго ничего не могли намъ сказать. Признано было необходимымъ перевезти раненаго въ больницу Богоугоднаго заведенія, гдѣ врачи и хирурги примутъ свои мѣры для извлеченія пули и дальнѣйшаго леченія. Инспекторъ побывалъ на квартирѣ, гдѣ случилось несчастіе и произвелъ дознаніе. Выяснилось и подтвердилось полицейскимъ дознаніемъ, что въ день несчастія воспитанникъ Власенко получилъ отъ брата своего, ученика реального училища, старый заржавѣлый пистолетъ, врученный ему отцомъ-казакомъ, пріѣзжавшимъ съ хутора, для отдачи въ починку оружейному мастеру. Не умѣя обращаться съ оружіемъ и въ мысли не допуская возможности присутствія въ пистолетѣ пули, онъ разсматривалъ устройство его и нажалъ курокъ, вслѣдствіе чего произошелъ выстрѣлъ и пораненіе товарища, съ которымъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

О происшедшемъ слѣдовало доложить преосвященному немедленно, но владыка Иларіонъ въ этотъ день былъ именинникъ. Чтобы не опечалить сердечнаго архиастыря, я рѣшилъ воздержаться отъ доклада, но самъ во время торжественнаго служенія съ нимъ такъ сильно волновался, что обратилъ на себя его вниманіе. Уже послѣ служенія и окончанія приѣма сообщилъ ему въ краткихъ словахъ, что случилось и что нами сдѣлано. Владыка отнесся къ несчастію спокойно и меня и инспектора, велѣлъ изготовить отъ его имени донесеніе оберъ-прокурору Св. Синода о случившемся и отъ имени правленія семинаріи послать донесеніе въ Учебный Комитетъ.

Къ нашей радости, питомецъ послѣ операціи сталъ поправляться и недѣль черезъ шесть совсѣмъ почти оправился. О благополучномъ ходѣ его болѣзни мы доводили до свѣдѣнія Учебнаго Комитета, но тѣмъ не менѣе тамъ по канцелярски отнеслись къ дѣлу и поставили на видъ о. инспектору недостаточность надзора за воспитанниками. Слава Богу, эта канцелярская отписка, сильно огорчившая о. инспектора, не задержала движенія его по службѣ.

Немало тревогъ приходилось намъ испытывать и по разнымъ другимъ непредвидѣннымъ казусамъ въ жизни воспитанниковъ, а одно дѣло, волновавшее всю Полтаву и весь епархіальный міръ, привело и къ объясненіямъ съ высшимъ губернскимъ начальствомъ. Разумѣю первый судебный процессъ братьевъ Скитскихъ, происходившій въ мартѣ 1898 г.

Секретарь Полтавской духовной консисторіи А. Комаровъ и братья Скитскіе.

Какъ извѣстно, громкое судебное дѣло братьевъ Скитскихъ возникло по поводу убійства (15-го іюля 1897 г.) секретаря Полтавской духовной консисторіи А. Комарова. Скитскіе были чиновниками консисторіи и такъ какъ подозрѣніе въ убіеніи секретаря пало на нихъ, то ихъ и предали суду Харьковской Судебной Палаты. На судѣ пришлось и мнѣ фигурировать въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты. Старшаго изъ братьевъ Ст. Скитскаго я зналъ, какъ казначея консисторіи, и принималъ отъ него неоднократно значительныя суммы денегъ, поступавшія на содержаніе семинаріи изъ такъ называемаго свѣчнаго сбора. Зналъ еще больше самого секретаря, покойнаго Комарова, но знакомство мое съ нимъ было болѣе чѣмъ официальное. Взаимно визитовались и встрѣчались у общаго намъ епархіальнаго начальства и въ учебныхъ заведеніяхъ въ храмовые праздники и въ какія-нибудь торжества, но ни въ какіе идейные разговоры никогда не вступали. Я даже не зналъ, что Комаровъ представлялъ изъ себя что-то идейное и въ свое время немало былъ удивленъ, когда стали его не въ мѣру славословить. Прибылъ онъ на должность въ Полтаву, кажется, въ началѣ 1894 г. Первая у меня встрѣча съ нимъ произошла въ гостиной у предсвѣщеннаго и первое впечатлѣніе получилось отъ него не особенно благопріятное. Юркій, болѣе чѣмъ нужно велерѣчивый, излишне подчеркивающій свою близость къ высшимъ чинамъ духовнаго вѣдомства, съ порядочной дозой самомнѣнія и претензіей на свѣтскость—вотъ что замѣтилъ я въ молодомъ секретарѣ. При послѣдующихъ встрѣчахъ первое неблагопріятное впечатлѣніе не изглаживалось, и я, при всей своей общительности, не испытывалъ ни малѣйшаго желанія сблизиться съ Комаровымъ. Признаться, меня нисколько не интересовала его дѣятельность секретарская, но его выходки по отношенію

къ нѣкоторымъ членамъ консисторіи и отдѣльнымъ лицамъ изъ духовенства мнѣ очень не нравились. Стало обнаруживаться, что онъ невоспитанный и злорѣчивый господинъ, съ которымъ нужно быть весьма осторожнымъ. За одну попытку невоспитанности по отношенію лично ко мнѣ я его сильно оборвалъ въ присутствіи самихъ консисторіаловъ, а безтактность, какую позволялъ себѣ не разъ въ семинаріи провозглашеніемъ за домашней трапезой тоста за оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, оставлялъ безъ вразумленія по долгу гостепріимства. Но когда 15-го сентября 1895 г. преподаватели семинаріи Д. С. Д—скій и В. С. П—скій передали мнѣ, что секретарь консисторіи говорилъ имъ, будто бы въ библіотекѣ семинарской продаются учебныя книги дорого, я крайне взволнованъ былъ этимъ злорѣчіемъ. Завѣдующій библіотекою и продажею учебныхъ книгъ воспитанникамъ, преподаватель В. Н. Т—кій былъ идеальный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ продавать книги дороже той цѣны, въ какую онѣ обходились при выпискѣ правленію семинаріи. По наведеніи въ тотъ же день справокъ у библіотекаря, какъ ведется имъ продажа книгъ, и удостовѣреніи изъ списка книгъ, вывѣшеннаго въ библіотекѣ, съ указаніемъ стоимости ихъ, что дѣло ведется вполне безупречно, я счелъ своимъ долгомъ навести справку и у Комарова, откуда онъ взялъ, что въ семинарской библіотекѣ продаются учебныя книги дороже стоимости ихъ? На слѣдующій день, когда я встрѣтился съ нимъ въ канцеляріи преосвященнаго и спросилъ его, откуда исходитъ навѣтъ на семинарію,—онъ отвѣтилъ мнѣ, что ему передавала г-жа Сивчукъ, а ей будто бы говорили воспитанники семинаріи! Сивчукъ, какъ особа заинтересованная, имѣвшая въ городѣ собственный книжный магазинъ, могла, конечно, и прибавить лишнее слово по адресу семинаріи, отказавшейся отъ ея услугъ по выпискѣ книгъ, но какъ могъ самъ Комаровъ повѣрить этой сплетнѣ и распускать ее?! Вотъ этотъ казусъ убѣдилъ меня окончательно, что въ сношеніяхъ съ нимъ надо быть осторожнымъ. Я былъ всегда строго корректенъ по отношенію къ нему и на предлагавшіеся мнѣ вопросы высшимъ начальствомъ относительно его отвѣчалъ, что мнѣ подсказывала совѣсть, т. е. что считаю безнравственнымъ говорить о томъ, чего вполне точно не знаю. И тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ передавала особа, заслуживаю-

щая полного довѣрія, онъ, имѣвшій виды взять ее подъ свою опеку, позволилъ себѣ чернить меня и еще двухъ лицъ, къ которымъ преосвященный Иларіонъ относился съ довѣріемъ.

Духовенство, за единичными исключеніями, крайне не симпатизировало Комарову, а потому, естественно, что и дѣти его, воспитанники семинаріи, не могли иначе къ нему относиться. И когда случилось несчастье, вѣроятно немногіе изъ духовенства выразили сожалѣніе о совершившемся. Въ день убійства я отсутствовалъ изъ Полтавы, но присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи его на третій день въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Было на лицо все духовенство. Преосвященный Иларіонъ въ крайне воздужденномъ состояніи встрѣтилъ покойника и совершилъ отпѣваніе, причемъ сказалъ рѣзкую рѣчь съ намеками на убійцъ, произведшую на многихъ неблагоприятное впечатлѣніе. Не посвященный въ дѣла консисторскія, я недоумѣвалъ по поводу рѣчи владыки, но возвращаясь обратно съ членомъ консисторіи, протоіереемъ П. Мазановымъ, узналъ отъ него, что въ убійствѣ подозрѣваются братья Скитскіе и что, по приказанію преосвященнаго, они устранены отъ должности и всѣ дѣла по казначейству, которыми завѣдывалъ старшій Скитскій, опечатаны. Въ высшей степени я удивленъ былъ всѣмъ рассказаннымъ протоіереемъ Мазановымъ и на душѣ скорбно стало какъ за Комарова, такъ и за несчастныхъ Скитскихъ, совершившихъ, какъ мнѣ казалось, страшное дѣло изъ за пустяка—не полученія 90 руб. наградныхъ денегъ! Старшій Скитскій представлялся мнѣ аккуратнымъ чиновникомъ и таковымъ былъ на самомъ дѣлѣ. Какъ выше упомянуто, онъ многократно съ кѣмъ нибудь изъ членовъ консисторіи, а иногда и самъ приносилъ въ правленіе семинаріи значительныя денежныя суммы на содержаніе заведенія и въ послѣдній разъ былъ у меня на квартирѣ наканунѣ св. Троицы съ медалями для служащихъ въ память Императора Александра III.

Прот. Г. Пичета.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Марта

№ 5

1913 года.

Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Извѣстія и замѣтки.—Отчетъ о состояніи Харьков. Епарх. жен. училища. (Продолженіе).—Объявленіе Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Копія.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Свя-
тѣйшаго Правительствующаго Синода,**

*Преосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и
Ахтырскому.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 21 ноября 1912 года за № 4211, журналъ Учебнаго Комитета, № 898, съ предположеніями Подготовительной Комиссіи по вопросамъ законоучительскихъ съѣздовъ. *Приказали:* Образованная по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8—20 января 1911 г. за № 91, при Учебномъ Комитетѣ постоянная Подготовительная Комиссія по вопросамъ законоучительскихъ съѣздовъ, принимая во вниманіе, что Святѣйшій Синодъ призналъ желательнымъ, чтобы: а) вездѣ, гдѣ есть средне-учебныя заведенія, безъ различія вѣдомствъ и наименованій, были организуемы братства законоучителей и б) созывались возможно чаще съѣзды законоучителей по учебнымъ округамъ или по инымъ районнымъ подраздѣленіямъ (циркулярный указъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 августа 1910 г. № 28), находить полезнымъ, для большей основательности и правильности рѣшеній вопросовъ, могущихъ подлежать обсужденію на будущемъ законоучительскомъ съѣздѣ, предложить предварительное обсужденіе этихъ вопросовъ мѣстнымъ съѣздамъ законоучителей свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ данной епархіи, или другомъ меньшемъ районѣ. Вопросы для предварительнаго обсужденія на мѣстныхъ законоучительскихъ съѣздахъ намѣчены Подготовитель-

ною Коммиссіею слѣдующіе: а) съ какимъ результатомъ для религіозно-нравственнаго настроенія учащихя совершается преподаваніе Закона Божія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, б) что требуется предпринять для повышенія религіозной нравственности учащихя тѣхъ же учебныхъ заведеній и для поднятія дѣла ихъ нравственнаго воспитанія, в) какія измѣненія необходимы въ постановкѣ преподаванія Закона Божія для болѣе успѣшнаго прохожденія и усвоенія этого важнѣйшаго предмета въ учебныхъ заведеніяхъ, г) какія усматриваются препятствія для успѣшнаго преподаванія сего предмета, д) какіе недостатки встрѣчаются въ существующихъ учебныхъ руководствахъ по Закону Божию и по какимъ отдѣламъ курса Закона Божія замѣчается наибольшая неудовлетворительность принятыхъ учебниковъ, е) какія учебныя пособія по Закону Божию признаются наиболѣе пригодными для среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, ж) какія книги и журнальныя статьи богословскаго, религіозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія законоучители признавали бы полезнымъ рекомендовать учащимся для прочтенія, въ цѣляхъ ихъ духовнаго просвѣщенія и назиданія, з) насколько отвѣчаютъ потребностямъ учебныхъ заведеній указанныя Святѣйшимъ Синодомъ (приложены къ циркулярному указу Святѣйшаго Синода, отъ 31 августа 1910 г. № 28) примѣрныя программы по Св. Исторіи Ветхаго Завѣта и по вѣроученію и правоученію для свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и не требуютъ ли эти программы какихъ либо измѣненій, по указаніямъ опыта, и к) какъ поставить богослуженіе въ церквахъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. По обсужденіи предложенныхъ и другихъ, могущихъ встрѣтиться на мѣстѣ, вопросовъ, мѣстные законоучительскіе съезды свои постановленія по этимъ вопросамъ должны представлять, по мнѣнію Коммиссіи, епархіальнымъ архіереямъ, которые о постановленіяхъ съездовъ представляютъ Святѣйшему Синоду, съ своими заключеніями. Соглашаясь съ изложенными предположеніями Подготовительной Коммиссіи по вопросамъ законоучительскихъ съездовъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ: 1) слѣдовать, по предварительномъ сношеніи съ Попечителями учебныхъ округовъ, зависящія распоряженія объ устройствѣ, на основаніи циркулярнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 31 августа 1910 г. № 28, мѣстныхъ съездовъ законоучителей средне-учебныхъ заведеній, для обсужденія предложенныхъ Подготовительною Коммиссіею и другихъ вопросовъ, касающихся законоучительства въ означенныхъ заведеніяхъ, 2) постановленія съездовъ, для свѣдѣнія и, въ томъ слѣдуетъ, утвержденія, сообщать

Попечителямъ округовъ и 3) означенныя постановленія съ своими заключеніями представить Святѣйшему Синоду не позже 1 января 1914 г.; о чемъ и послать епархіальнымъ Преосвященнымъ печатные циркулярные указы. Января 11 дня 1913 года. № 1.

Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь *И. Мудролюбовъ*.

Секретарь *С. Соколовъ*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

а) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи *Евгеній Любичій* 22 февраля опредѣленъ на священническое мѣсто при Покровской церкви сл. Тимоновой, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Бывшій священникъ *Теодоръ Татаринъ* 22 февраля опредѣленъ на священническое мѣсто при Софійевской церкви с. Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда.

3) Діаконъ Пятницкой церкви с. Великаго Истороба, Лебединскаго уѣзда, *Іаковъ Должанскій*, 3 марта опредѣленъ на священническое мѣсто при Казанско-Богородичной церкви с. Чупаховки, того-же уѣзда.

4) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Боровой, Купянскаго уѣзда, *Павель Бойко*, 3 марта опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви с. Великаго Истороба, Лебединскаго уѣзда.

5) Сынъ діакона-псаломщика *Симеонъ Краснокутскій* 15 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Казанской церкви с. Лиговки, Зміевского уѣзда.

6) Бывшій воспитанникъ Смоленской Духовной Семинаріи *Александръ Солнцевъ* 15 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.

7) Практикантъ Куряжскаго монастыря *Павель Олейникъ* 27 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Георгіевской церкви гор. Валокъ.

8) Сынъ діакона *Михаиль Бугуцкій* 1 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Димитріевской церкви с. Ефремовки, Зміевского уѣзда.

б) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священники церквей: с. Самогоевки, Ахтырскаго уѣзда, *Василій Жулишовъ* и при Сумской уѣздной тюрьмѣ *Василій Арбузовъ* 28 февраля взаимно перемѣщены.

2) Псаломщикъ Георгіевской церкви гор. Валокъ *Максимъ Чепига*, по прошенію, 27 февраля перемѣщенъ на второе псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Дергачей, Харьковскаго уѣзда.

в) О смерти духовенства.

1) Священникъ Покровской церкви с. Тимоновой, Староб. уѣзда, *Стефанъ Любицкій* 15 февраля умеръ.

2) Псаломщикъ Димитріевской церкви с. Ефремовки, Зміевского уѣзда, *Григорій Хруль* 21 февраля умеръ.

г) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда, старостою 27 февраля утвержденъ князь *С. Н. Святополкъ-Мирскій*.

2) Къ церкви с. Ефремовки, Волчанскаго уѣзда, старостою 20 февраля утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Бурменко*.

3) Къ церкви с. Преображенскаго, Зміевского уѣзда, старостою 4 марта утвержденъ крестьянинъ *Василій Токаревъ*.

4) Къ церкви с. Пискуновки, Изюмскаго уѣзда, старостою 28 февраля утвержденъ крестьянинъ *Димитрій Колодій*.

5) Къ Вознесенской церкви гор. Лебедина старостою 27 февраля утвержденъ купеческій сынъ *Иванъ Цивоваровъ*.

6) Къ церкви с. Будокъ, Лебединскаго уѣзда, старостою 26 февраля утвержденъ крестьянинъ *Симеонъ Матяишъ*.

7) Къ церкви с. Кургана, того-же уѣзда, старостою 27 февраля утвержденъ крестьянинъ *Василій Петренко*.

8) Къ церкви с. Свято-Димитріевки, Староб. уѣзда, старостою 18 февраля утвержденъ крестьянинъ *Яковъ Муха*.

9) Къ церкви с. Петро-Павловки, Староб. уѣзда, старостою 18 февраля утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Латушъ*.

10) Къ церкви с. Гапусовки, того-же уѣзда, старостою 28 февраля утвержденъ крестьянинъ *Стефанъ Краснянскій*.

11) Къ Троицкой церкви с. Марковки, того-же уѣзда, старостою 4 марта утвержденъ крестьянинъ *Яковъ Ульченко*.

12) Къ церкви с. Ново-Бѣленькой, того-же уѣзда, старостою 28 февраля утвержденъ крестьянинъ *Константинъ Савченко*.

13) Къ Рождество-Богородичной церкви с. Юнаковки, Сумскаго уѣзда, старостою 22 февраля утвержденъ крестьянинъ *Михаиль Патякайло*.

14) Къ церкви с. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда, старостою 21 февраля утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Борщъ*.

д) Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

1) Въ должности законоучителя Харьковскаго городского училища имени Скобелева 8 февраля утвержденъ священникъ 123-го Козловскаго пѣхотнаго полка *Викторинъ Тьшико*.

2) Священникъ церкви с. Шейковки, Купянскаго уѣзда, *Матвей Лысенко*, 17 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Шейковского народнаго училища.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1911—1912-й учебн. годъ.

Продолженіе *).

е) Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.

Отчетный учебный годъ начался переэкзаменовками воспитанницъ, произведенными 18, 19 и 20-го августа 1911 года, и приѣмными испытаніями дѣтей на поступленіе ихъ въ Училище, произведенными 22 и 23-го августа. Учебныя занятія начались 31 августа и продолжались до 28 апрѣля 1912 года. Учебный годъ состоялъ изъ 242 дней, изъ коихъ учебныхъ дней было 151. 30-го апрѣля были произведены письменные экзамены во всѣхъ классахъ, а устные экзамены начались съ 1-го мая и продолжались до 7 іюня, согласно расписанію, составленному Инспекторомъ классовъ, рассмотрѣнному Совѣтомъ Училища и утвержденному Его Высокопреосвященствомъ. 10 іюня состоялся годичный актъ, на которомъ Его Высокопреосвященствомъ были розданы воспитанницамъ, окончившимъ курсъ ученія, аттестаты, а воспитанницамъ 7-го дополнительнаго класса—свидѣтельства. Воспитанницы младшихъ классовъ отпускались по домамъ раньше, по мѣрѣ окончанія экзаменовъ.

ж) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ полный курсъ съ аттестатами и число выбывшихъ изъ Училища по разнымъ причинамъ.

Для обсужденія результатовъ годичныхъ занятій 24 апрѣля, 7-го іюня и 28-го августа состоялись общія Педагогическія Собранія, на которыхъ были составлены Совѣтомъ общіе переводные списки воспитанницъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1913 г.

Нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи утвержден-
ныхъ Его Высокопреосвященствомъ списковъ, показываетъ резуль-
таты годовыхъ занятій.

Классы и отдѣленія	Сколько воспитанницъ въ классѣ	Сколько воспит. переведено безъ переэкзаменовокъ	Сколько удостоено награды	Сколько держало переэкза- меновки	Сколько успѣшно выдержали переэкзаменовки	Сколько переведено безъ экзамена	Число оставшихся на повтор. курсъ по малоуспѣшности	Число оставшихся на повтор. курсъ по прошен. родителей	Число уволенныхъ по мало- успѣшности	Число уволенныхъ по про- шеніямъ родителей
1-й нормальный	50	45	4	5	2	—	3	—	—	—
1-й параллельный	44	36	1	4	3	1	3	1	—	—
1-й дополнительный	46	38	2	6	5	—	1	1	—	1
2-й нормальный	54	39	5	6	5	1	6	2	1	—
2-й параллельный	49	35	4	7	6	1	6	—	—	1
2-й дополнительный	52	38	4	6	6	—	3	4	1	—
3-й нормальный	46	42	7	2	2	1	1	—	—	—
3-й параллельный	47	35	3	10	9	—	2	—	—	1
4-й нормальный	44	42	6	1	1	—	—	1	—	—
4-й параллельный	47	44	6	1	1	2	—	—	—	—
5-й нормальный	56	44	4	8	7	2	1	1	—	1
5-й параллельный	43	39	4	1	1	—	—	2	—	1
6-й нормальный	37	36	3	—	—	—	—	1	—	—
6-й параллельный	42	41	12	—	—	—	—	1	—	—
7-й дополнительный	33	32	12	—	—	—	—	—	—	1

Изъ 690 воспитанницъ 77 воспитанницъ 6-го класса, какъ вполне успѣшно прошедшія и окончившія училищный курсъ, по постановленію Совѣта Училища, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, на основаніи § III Высочайше утвержденного «Устава Епархіальныхъ женскихъ Училищъ», удостоены права на званіе домашнихъ учительницъ, съ выдачей имъ установленныхъ аттестатовъ; 32 воспитанницы окончили 7-й педагогическій классъ и получили на основаніи Высочайше утвержденного положенія о сихъ классахъ свидетельства; переведены въ слѣдующіе классы 533 воспитанницы, оставлено на повторительный курсъ 40 воспитанницъ, уволено изъ Училища по малоуспѣшности 2 и по прошенію родителей 6 воспитанницъ.

в) *Общая свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояннн здоровья воспитанницъ.*

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспита-

ницъ каждаго класса, получившихъ баллы—5, 4, 3 и 2 по всемъ предметамъ вмѣстѣ и не оказавшихъ успѣховъ.

Классы и отдѣленія	Общее число воспитанницъ	Число получившихъ баллы				Не оказавшихъ успѣховъ
		5	4	3	2	
1-й нормальный	50	9	19	19	1	2
1-й параллельный	44	12	14	13	4	1
1-й дополнительный	46	13	16	16	1	—
2-й нормальный	54	9	25	14	3	3
2-й параллельный	49	9	12	24	3	1
2-й дополнительный	52	11	17	22	—	2
3-й нормальный	46	15	25	6	—	—
3-й параллельный	47	10	13	23	1	—
4-й нормальный	44	10	22	11	—	1
4-й параллельный	47	12	22	13	—	—
5-й нормальный	56	12	25	19	—	—
5-й параллельный	43	10	13	9	—	1
6-й нормальный	37	14	18	4	—	1
6-й параллельный	42	19	15	7	—	1
7-й дополнительный	33	25	7	—	—	1

Какъ видно изъ представленной таблицы, успѣхи воспитанницъ за отчетный годъ могутъ быть признаны удовлетворительными, особенно если принять во вниманіе ограниченность времени, которымъ располагаютъ воспитанницы (старшихъ классовъ) для приготовленія уроковъ, такъ какъ кромѣ классныхъ уроковъ у воспитанницъ есть не мало и другихъ занятій. Къ такимъ занятіямъ относятся: 1) приготовленіе срочныхъ письменныхъ работъ; 2) посѣщеніе воспитанницами 5 и 6 классовъ образцовой школы и вечерняя подготовка къ занятіямъ въ ней; 3) занятія воспитанницъ музыкой, руководѣемъ, которымъ онѣ занимаются и въ внѣклассное время, и 4) участво-ваніе наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней на сѣвкахъ для подготовленія къ Богослуженію.

Обученіе въ 7 педагогическомъ классѣ оказало весьма замѣтное и благотворное вліяніе на общее религіозно-нравственное и умственное развитіе воспитанницъ и имѣло весьма важное значеніе для специальной подготовки ихъ къ дѣлу воспитанія и обученія. Какъ показали экзамены въ этомъ классѣ, воспитанницы относились къ своимъ занятіямъ съ усердіемъ и интересомъ. Формальнымъ показателемъ ихъ успѣховъ можетъ служить то обстоятельство, что среди общихъ балловъ, выведенныхъ изъ годового и экзаменнаго, въ

7 классѣ не было ни одного балла неудовлетворительнаго; на многихъ экзаменахъ ни одна воспитанница этого класса не получила балла ниже 4; на нѣкоторыхъ испытаніяхъ почти всѣ отмѣчены высшимъ балломъ 5.

Вполнѣ удовлетворительными также были успѣхи воспитанницъ и по необязательнымъ предметамъ: французскому и нѣмецкому языкамъ, музыкѣ и иконописанію. Французскому языку обучалось 175 воспитанницъ разныхъ классовъ, нѣмецкому языку—49 разныхъ классовъ. Музыкѣ (игрѣ на рояли) обучалось 152 воспитанницы, игрѣ на скрипкѣ—12 воспитанницъ. Иконописанію обучалось 16 воспитанницъ. Лучшія воспитанницы по успѣхамъ и поведенію, согласно постановленію Педагогическаго Совѣта, Его Высокопреосвященствомъ утвержденному, удостоены награды книгами и похвальными листами. Въ 1 нормальномъ классѣ удостоены награды 4 воспитанницы, въ 1 параллельномъ—1, въ 1 дополнительномъ 2, во 2 нормальномъ—5, во 2 параллельномъ—4, во 2 дополнительномъ—4, въ 3 нормальномъ—7, въ 3 параллельномъ—3, въ 4 нормальномъ—6, въ 4 параллельномъ—6, въ 5 нормальномъ—4, въ 5 параллельномъ—4, въ 6 нормальномъ—3, въ 6 параллельномъ—12, въ 7 педагогическомъ—12 воспитанницъ. При этомъ Совѣтъ Училища призналъ достойными награжденія только тѣхъ воспитанницъ, которыя 1) не имѣли ни одной тройки ни среди годовыхъ, ни среди экзаменныхъ балловъ, 2) въ общемъ выводѣ изъ годового и экзаменнаго балловъ по каждому предмету имѣли не менѣе 4 балловъ.

Поведеніе воспитанницъ, за которымъ согласно § 29 Училищнаго Устава имѣла наблюденіе главнымъ образомъ Начальница Училища лично и чрезъ воспитательницъ, за отчетный годъ было отмѣчено въ общемъ баллѣ 5. Воспитанницы обнаружили въ своемъ поведеніи религіозность, трудолюбіе, скромность и почтительность къ старшимъ. Христіанскія обязанности воспитанницами исполнялись неопустительно, съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ; всѣ онѣ исправно присутствовали на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, изъ которыхъ одна читалась очередною воспитанницею, а другія были пѣты всѣми воспитанницами. На молитвахъ присутствовали Начальница Училища и дежурныя воспитательницы. На утреннихъ молитвахъ читалось дневное Евангеліе. Уроки начинались и заканчивались молитвою. Въ воскресные и праздничные дни воспитанницы присутствовали на Богослуженіи въ Училищной церкви, которое совершалъ Инспекторъ классовъ, при чемъ сами исполняли все церковное пѣніе и чтеніе. Согласно опредѣленію Св. Синода отъ 2—18 июля 1908 г.

за № 4503, въ чтеніи принимали участіе воспитанницы не только старшихъ классовъ, но и младшихъ. Въ церковномъ иѣннн на правомъ и лѣвомъ клиросахъ принимали участіе воспитанницы 5 и 6-го классовъ, а иногда и 7 класса, по-очередно, а на лѣвомъ клиросѣ пѣли и ученицы 4 класса, составляя лѣвый хоръ. По временамъ за Богослуженіемъ нѣкоторыя иѣснопѣнія исполнялись всѣми воспитанницами.

Предъ праздникомъ Рождества Христова, съ 18 по 21-е ноября, и въ постъ св. Четырдесятницы всѣ воспитанницы говѣли, исповѣдывались и пріобщались св. Таинъ. Во дни говѣнья воспитанницы освобождались какъ отъ классныхъ занятій, такъ и отъ домашнихъ обязательныхъ работъ. Во исполненіе указа Св. Синода отъ 13 сентября 1889 г. за № 9, въ теченіе всего Великаго Поста по средамъ и пятницамъ для воспитанницъ Инспекторомъ классовъ была совершаема литургія Преждеосвященныхъ Даровъ послѣ 4-хъ уроковъ. Воспитанницы, оставшіяся въ Училищѣ на пасхальные каникулы, говѣли еще на страстной недѣлѣ Великаго Поста.

Состояніе здоровья воспитанницъ въ отчетномъ году въ общемъ было удовлетворительно. Всѣхъ случаевъ заболѣванія и леченія въ училищной больницѣ было 666. Въ первую половину учебнаго года было 307 поступленій въ больницу, во 2-й половинѣ—359. Болѣзни были слѣдующія: малокровіе 123, катарральная жаба 83, фолликулярная жаба 42, бронхитъ 58, желудочно-кишечныя заболѣванія 44, инфлуэнца—113, свинка—20, рожа—5, брюшной тифъ—2, дифтеритъ—1, корь 14, болѣзни легкихъ и плевры—8, чесотка—25, болѣзни кожи—37, болѣзни глазъ—12, нервныя болѣзни—10, ушибы—14, малярія—21, ревматизмъ—12, болѣзни зубовъ—19, болѣзни уха—6.

По мѣсяцамъ поступленія распредѣлялись: въ августѣ—6, въ сентябрѣ—94, въ октябрѣ—72, въ ноябрѣ—105, въ декабрѣ—29, въ январѣ—110, въ февралѣ—93, въ мартѣ—42, въ апрѣлѣ—72, и въ маѣ—43. По классамъ поступленія распредѣлялись: 1 норм. 89, 1 пар. 62, 1 дополн.—72, 2 норм.—92, 2 парал.—65,—дополн. 39, 3 норм.—18, 3 пар.—35, 4 норм.—22, 4 пар.—47, 5 норм.—34, 5 парал.—25, 6 норм.—32, 6 пар.—24, 7 дополн.—20 человекъ. Заразныя заболѣванія наблюдались преимущественно во 2-й половинѣ учебнаго года. Они слѣдующія: фолликулярная жаба—42 случая, (въ 1-й половинѣ 29), свинка—20, корь—14, дифтеритъ—1, рожа 5, брюшной тифъ—2, инфлуэнца—113 (въ первой половинѣ 33, во второй—80). Амбулаторно принято больныхъ въ первой половинѣ

отчетнаго года 465, во второй—491. Строгая изоляція больныхъ, дезинфекція училищныхъ помѣщеній, внимательный уходъ и леченіе заболѣвшихъ сдѣлали то, что никакая изъ болѣзней, особенно заразныхъ, не распространилась, и больныя выздоравливали. Изъ поступившихъ въ больницу умерла только одна воспитанница 2 норм. класса, Антоновская Людмила, отъ осложненія воспаленіемъ легкихъ протекавшей кори.

и) Число уроковъ, пропущенныхъ преподавателями Училища въ отчетномъ году.

Законоучителемъ Протоіереемъ Іоанномъ Котовымъ (22 урока въ недѣлю) пропущено 2 урока по обязанностямъ Инспектора классовъ. Законоучителемъ Прот. Николаемъ Любарскимъ (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 3 урока по обязанности приходскаго священника. Законоучителемъ, священникомъ І. Горайнымъ (9 уроковъ въ недѣлю) пропущено 7 уроковъ по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ священникомъ П. Тимоѣевымъ (9 уроковъ) пропущено 12 уроковъ по семейнымъ обстоятельствамъ и 2 урока по обязанностямъ приходскаго священника. Преподавателемъ русскаго языка Н. В. Гогинымъ (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ по болѣзни, 5 по семейнымъ обстоятельствамъ и 5 по обязанностямъ присяжнаго въ Окружномъ Судѣ. Преподавателемъ русскаго языка М. А. Кокаревымъ (24 урока въ недѣлю) пропущено 30 уроковъ по обязанностямъ присяжнаго въ Окружномъ Судѣ и 8 по болѣзни. Учительницей русскаго языка Н. И. Поповой (21 урокъ въ недѣлю) пропущено 11 уроковъ по болѣзни. Учительницей русскаго языка и ариѳметики М. Д. Дмитріевой (28 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницей русскаго языка, ариѳметики и чистописанія Т. А. Щелкуновой (20 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ В. Н. Мощенко (19 уроковъ въ недѣлю) пропущено 14 уроковъ по болѣзни и 11 уроковъ по обязанностямъ присяжнаго въ Окружномъ Судѣ. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ Я. М. Колосовскимъ (21 урокъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ по болѣзни. Преподавателемъ географіи Прот. В. Александровымъ (10 уроковъ) пропущено 13 уроковъ по обязанностямъ приходскаго священника. Преподавателемъ географіи Л. В. Рейнгардомъ (8 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ гражданской исторіи М. И. Титовымъ (24 урока въ недѣлю) пропущено 2 урока по болѣзни. Преподавателемъ исторіи И. П. Вохом-

скимъ (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока по болѣзни. Преподавателемъ природовѣдѣнія М. А. Павленко (10 уроковъ) пропущено 7 уроковъ по болѣзни и 8 по семейнымъ обстоятельствомъ. Преподавателемъ естествовѣдѣнія В. Е. Геркевичемъ (3 урока въ недѣлю) пропущено 3 урока по болѣзни. Преподавателемъ дидактики В. А. Тихомировымъ (10 уроковъ) пропущено 15 уроковъ по обязанностямъ присяжнаго въ Окружномъ Судѣ. Преподавателемъ педагогической психологіи С. И. Чистосердовымъ (3 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ гигиены С. И. Совѣтовымъ (4 урока въ недѣлю) пропущенъ одинъ урокъ по болѣзни. Учительницей географіи и чистописанія Е. А. Курасовской (16 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ по болѣзни. Преподавателемъ церковнаго пѣнія священникомъ І. Петровскимъ (29 уроковъ въ недѣлю) пропущено 38 уроковъ по обязанностямъ казначея Училища. Учителемъ рисованія С. И. Бобовымъ (17 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока по болѣзни. Учительницей французскаго и нѣмецкаго языковъ А. И. Рахминой (15 уроковъ) не пропущено ни одного урока. Учительницей французскаго языка З. А. Страховой (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ по болѣзни.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 Семинарскаго Устава, плата за содержаніе своекопѣтныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой денегъ на имя Правленія въ теченіе марта за третью треть сего учебнаго года. *Не внесшіе денегъ за свое содержаніе воспитанники къ экзаменамъ допущены не будутъ.*

II.

Содержаніе. О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи. (Продолженіе). *Архимандрита Аванасія.*—Миссіонерскій листокъ.—Вопросъ сектантамъ. *Святи. Михаила Бѣляева.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Открытие церковно-археологическаго общества и древнесохранилища.—Къ вопросу объ устройствѣ братскихъ кружковъ по приходамъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Костромскій Ипатіевскій монастырь.—Споръ о происхожденіи жизни.—Объявленія.

О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи.

(Продолженіе *).

2.

Ряснянскій Свято-Димитріевскій мужской монастырь.

I. Церковно-монастырскія училища.

1) При Ряснянскомъ монастырѣ имѣется 2 церковно-монастырскихъ училища; 1-е находится при селѣ Рясномъ, Ахтырскаго уѣзда.

2) Зданіе, занимаемое училищемъ, каменное, крыто желѣзомъ, стоитъ 6000 руб., состоитъ изъ 5 комнатъ; израсходовано монастыремъ на ремонтъ и содержаніе училища со дня открытія его 3000 руб.; длина зданія подъ училищемъ 26-ть аршинъ, а ширина 18 аршинъ; при училищѣ имѣется квартира для учителя изъ двухъ комнатъ.

На классную мебель затрачено монастыремъ 300 руб.

3) Жалованье учителю монастырь платилъ ежегодно по 300 руб., законоучителю 120 руб., а въ настоящее время жалованіе учитель получаетъ изъ Училищнаго Отдѣленія, такъ какъ училище вошло въ школьную сѣть.

4) Содержаніе училища стоитъ монастырю въ годъ до 500 рублей.

5) Въ училищѣ обучалось учениковъ со дня открытія его 600 человекъ, изъ которыхъ кончили курсъ ученія 120 человекъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1913 г.

6) Въ 1912 году обучалось 25 человѣкъ, изъ нихъ окончили курсъ ученія 5 человѣкъ.

1) Второе церковно-монастырское училище находится при деревнѣ Димитріевкѣ, Ахтырскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ монастыря; въ немъ находится 2 учителя и законоучитель.

2) Постройка зданія для училища стоила 7000 руб.

3) Зданіе деревянное, на каменномъ фундаментѣ, обложено кирпичемъ, состоитъ изъ 8-ми комнатъ.

4) На ремонтъ и содержаніе училища израсходовано монастыремъ со дня открытія его по сіе время 15000 руб.

5) Длина школьнаго зданія 24 аршина, а ширина 22 аршина.

6) При училищѣ имѣются квартиры для 2-хъ учителей и полный пансіонъ для 10-ти бѣдныхъ учениковъ.

7) На классную мебель израсходовано монастыремъ 480 рублей.

8) Для учителей и учениковъ выписывается журналъ „Русская школа“.

9) Въ училищѣ имѣется 256 №№ книгъ для чтенія, кромѣ учебниковъ, сверхъ сего учителя пользуются монастырской бібліотекой.

10) Жалованіе учителямъ монастырь платилъ ежегодно 300 руб., а законоучителю 120 руб., но въ настоящее время учителя получаютъ жалованіе изъ Училищнаго Отдѣленія.

11) Учителя столуются частью за свой счетъ и частью отъ монастыря.

12) Содержаніе училища обходится монастырю ежегодно до 1015 рублей.

13—14) Попечителемъ и завѣдующимъ училищемъ состоитъ настоятель Ряснянскаго монастыря.

15) Зданіе для училища застраховано въ 5000 рублей.

16) Въ училищѣ со дня открытія его обучалось 800 человѣкъ, изъ нихъ окончили курсъ ученія 128 человѣкъ.

17) Въ 1912 году обучалось въ училищѣ до 70-ти человѣкъ, изъ нихъ окончили курсъ ученія 9 человѣкъ.

II. Монастырекая больница.

1) При Ряснянскомъ монастырѣ имѣется больница на 10-ть кроватей.

2) Стоимость постройки больничнаго зданія не извѣстна въ виду того, что она соединена съ церковью и двухъ-этажнымъ корпусомъ.

3) Больница состоитъ изъ 4-хъ комнатъ при ней имѣется фельдшеръ, приглашенный изъ Ряснянской земской больницы за 150 руб. въ годъ, при нуждѣ приглашается врачъ изъ той же земской больницы.

4) Монастыремъ израсходовано на инвентарь для больницы 450 рублей.

5) Въ монастырской аптекѣ находится лекарствъ приблизительно на 1500 рублей.

6) Амбулаторныхъ больныхъ при монастырской больницѣ не имѣется, въ виду близости земской больницы въ $1/2$ верстѣ отъ монастыря.

III. Богодѣльня для бѣднаго духовенства.

1) Въ 1907 году открыта при монастырѣ богодѣльня для бѣдныхъ духовнаго званія, на 10-ть человекъ, на полномъ издивеніи монастыря.

2) Богодѣльня состоитъ изъ 7-ми комнатъ.

3) Въ богодѣльнѣ въ настоящее время находится 4 человека.

4) Содержаніе богодѣльни монастырю стоитъ въ теченіе года до 900 рублей.

IV. Богодѣльня для преестарѣлыхъ и безпріютныхъ мѣрянъ.

1) При монастырѣ имѣется богодѣльня для безпріютныхъ стариковъ изъ мѣрянъ.

2) Постройка зданія богодѣльни стоитъ 5000 рублей.

3) Монастыремъ израсходовано на ремонтъ зданія со дня основанія ея 850 рублей.

4) Богодѣльня состоитъ изъ 9-ти комнатъ.

5) Богодѣльня открыта на 20 человекъ, въ настоящее время находится въ ней 18-ть человекъ.

6) Монастырю стоитъ содержаніе богодѣльни, въ теченіе года до 2400 рублей.

Кромѣ того, Ряснянскій монастырь, со времени своего существованія, оказываетъ вспомошествованіе бѣднымъ, калѣкамъ, слѣпымъ, вдовамъ и сиротамъ, которые идутъ въ

обитель съ полной надеждой получить просимое и всѣ они бываютъ удовлетворяемы, одни изъ нихъ снабжаются провіантомъ—мукою и хлѣбомъ, другіе строительнымъ матеріаломъ и дровами, а также заготовляетъ гробы, которые и раздастъ бѣднымъ умершимъ. Обитель въ помощи никогда не отказывала. Что же касается до посѣтителей богомольцевъ и странниковъ, коихъ въ теченіе года довольно много бываетъ, то всѣ они пользуются даровымъ помѣщеніемъ и горячею пищею.

Въ обители останавливаются воспитанники сироты духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ проживаютъ на содержаніи монастыря каникулярное время и при отъѣздѣ имъ выдаются на проѣздъ деньги.

Къ сему имѣю присовокупить, что Ряснянскимъ монастыремъ строится при деревнѣ Димитріевкѣ, гдѣ находится церковно-монастырское училище, каменная церковь для обслуживанія и учениковъ и жителей означенной деревни.

Прибавить къ сему что-либо считаю излишнимъ, потому что изъ вышесказаннаго видно—насколько развита филантропія въ Ряснянскомъ монастырѣ.

3.

Ахтырскій Свято-Троицкій мужской монастырь.**I. Церковно-монастырское училище.**

1) Постройка зданія для училища стоила монастырю 5000 рублей.

2) Комнатъ въ училищѣ шесть.

3) На ремонтъ зданія для школы со времени открытія ея по сіе время израсходовано монастыремъ приблизительно около 1000 рублей.

4) Длина зданія 27 аршинъ, ширина $13\frac{1}{4}$ аршинъ.

5) Квартиры для учителей имѣются, состоящія изъ 3-хъ комнатъ.

6) На классную мебель затрачено монастыремъ приблизительно 450 рублей.

7) Въ училищѣ состоитъ, кромѣ учебниковъ, книгъ для чтенія 65 номеровъ.

8) Монастырь платилъ жалованья старшему учителю школы, онъ же и законоучитель, 300 руб. и младшему учи-

телю 120 рублей въ годъ; съ перваго же іюля 1909 года жалованіе учителямъ отпускается изъ уѣзднаго Отдѣленія.

9) Содержаніе училища монастырю стоило до 1909 г. ежегодно болѣе 700 рублей; съ 1909 же года, т. е. со времени начала отпуска жалованья учителямъ изъ Отдѣленія, содержаніе училища стоитъ монастырю ежегодно до 350 р.

10) Завѣдующимъ школой состоитъ настоятель монастыря.

11) Школьное зданіе застраховано въ 2200 рублей и при ономъ кухня съ сараемъ въ 200 рублей.

12) Со дня открытія училища по сіе время обучалось въ немъ до 700 учениковъ; окончило полный курсъ ученія 199 учениковъ.

13) Въ 1912 году обучалось въ училищѣ 53 ученика, изъ нихъ окончило полный курсъ ученія 9 учениковъ.

II. Монастырская больница.

1) Постройка зданія больницы стоила монастырю 3000 р.

2) Со времени открытія больницы по сіе время израсходовано на ремонтъ зданія оной приблизительно 1200 руб.

3) Больница состоитъ изъ 10 комнатъ.

4) При больницѣ находится завѣдующій, онъ же и фельдшеръ изъ монастырской братіи.

5) Помѣщенія для аптеки, фельдшера и лицъ, ухаживающихъ за больными, состоятъ изъ 3-хъ комнатъ.

6) На инвентарь для больницы израсходовано со времени открытія ея до 1000 руб. Въ настоящее время при больницѣ имѣются; кроватей 15 и матрацовъ 15 и проч., которые находятся въ хорошемъ состояніи.

7) Лекарствъ въ аптекѣ имѣется приблизительно на 150 руб.

8) Монастырскій фельдшеръ пополняетъ свои знанія выписываніемъ медицинскихъ книгъ.

9) Монастырь платитъ прѣвзjemu доктору изъ города Ахтырки 3—5 рублей за визитъ.

10) Амбулаторія для больныхъ мірянъ при монастырѣ имѣется.

11) Содержаніе больницы съ амбулаторіею стоитъ монастырю въ теченіе года до 200 руб., кромѣ платы врачу.

12) Зданіе больницы застраховано въ 800 рублей.

III. Богадѣльня для бѣдныхъ изъ бѣлаго духовенства.

- 1) Зданіе для богадѣльни построено въ 1907 году.
- 2) Постройка сего зданія стоила до 1000 руб.
- 3) На ремонтъ зданія съ начала его основанія по сіе время израсходовано приблизительно 150 руб.
- 4) Комнатъ въ богадѣльнѣ 6.
- 5) Богадѣльня открыта на 10 человѣкъ.
- 6) Завѣдуетъ богадѣльнею послушникъ Яковъ Цыбинъ.
- 7) Услуживаетъ проживающимъ въ богадѣльнѣ одинъ послушникъ, который и помѣщается при богадѣльнѣ.
- 8) Содержаніе богадѣльни въ теченіе года монастырю стоитъ около 250 рублей.
- 9) Въ богадѣльнѣ имѣется: кроватей 10, матрацовъ 10 и разная необходимая посуда; все это находится въ хорошемъ состояніи.
- 10) Зданіе для богадѣльни застраховано въ 400 руб.

IV. Богадѣльня для бѣдныхъ мірянъ.

- 1) Открыта въ 1907 году.
 - 2) Постройка зданія для богадѣльни стоила монастырю 1000 рублей.
 - 3) На ремонтъ зданія со времени открытія богадѣльни израсходовано до 125 рублей.
 - 4) Комнатъ въ богадѣльнѣ 4.
 - 5) Открыта богадѣльня на 8 человѣкъ, въ настоящее время въ оной находится 7 человѣкъ.
 - 6) Завѣдующимъ богадѣльнею состоитъ экономъ монастыря монахъ Ареѳа.
 - 7) Услуживаетъ проживающимъ въ богадѣльнѣ послушникъ, который помѣщается въ зданіи вблизи богадѣльни.
 - 8) Содержаніе богадѣльни стоитъ монастырю до 500 руб. въ годъ.
 - 9) Въ богадѣльнѣ есть: 8 кроватей и 8 матрацовъ, а также вся необходимая посуда, все находится въ хорошемъ состояніи.
 - и 10) Зданіе богадѣльни застраховано въ 300 руб.
- Дѣтскаго приюта для сиротъ при монастырѣ пока не имѣется.

Архимандритъ Аванасій,

(Продолженіе будетъ).

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ. ВОПРОСЪ СЕКТАНТАМЪ.

(О крещеніи младенцевъ).

Ссылаясь на 16 гл. 15—16 ст. Евангелія отъ Марка, гдѣ сказано: „идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари, и кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“, сектанты баптисты отвергаютъ возможность крещенія младенцевъ, слѣпо слѣдуя буквѣ писанія, а не смыслу и духу его: „сначала, говорятъ, сказано *проповѣдуйте*, потомъ слѣдствіемъ проповѣди является вѣра, а уже слѣдствіемъ вѣры крещеніе. Какъ же проповѣдывать дѣтямъ, которыя не въ состояніи своимъ умомъ воспринять ученія, а будучи неспособны воспринять ученія, они и вѣровать не могутъ, а потому и крестить ихъ нельзя; кромѣ того, „были бы вы вѣрующими, а дѣти ваши святы“ (I Кор. 7, 14) и „таковыхъ есть Царствіе Божіе“ (Мар. 10, 14), а потому не только невозможно крестить дѣтей, но въ этомъ даже нѣтъ необходимости; а вотъ подростутъ дѣти, возмужаютъ, будутъ научены истинамъ вѣры и „сознаютъ ужасъ грѣха и осужденіе всего своего существа и съ раскаяніемъ любовію и надеждою на искупующую смерть Христа придутъ къ Нему, тогда опредѣленнымъ служителемъ Господнимъ (?) совершается Божественное повелѣніе и учрежденіе Христово, т. е. святое крещеніе. (VIII членъ вѣроуч. русск. христ. баптистовъ).

Таково въ общемъ содержаніе ученія сектантовъ о необходимости крещенія младенцевъ.

Въ настоящей замѣткѣ—„вопросъ сектантамъ“—я не буду доказывать возможности и необходимости принятія младенцами св. крещенія, это доказано уже не однократно и ясно при свѣтѣ Слова Божія, я хочу только предложить вопросъ гг. баптистамъ, вопросъ вытекающій изъ вопроса о необходимости крещенія младенцевъ; вопросъ, который невольно напрашивается при чтеніи ихъ вѣроученія—V, VI, VII и VIII членовъ; вопросъ, выставляемый духовной жизнью милліоновъ людей; вопросъ, на который ни одинъ изъ опрошенныхъ мной сектантовъ не далъ положительнаго отвѣта.

Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: въ VIII чл. вашего вѣроученія написано:—„крещеніе есть первый плодъ вѣры и любви ко Христу, вступленіе въ послушаніе Господу и въ *Его Церковь*“... „но это бываетъ только въ такомъ человѣкѣ, въ которомъ Онъ (Господь) прежде посредствомъ Св. Духа произвелъ истинную спасительную вѣру въ Сына Божія въ силу Его смерти и воскресенія“. Въ комъ же Духъ Святой производитъ эту спасительную вѣру? Объ этомъ ясно у васъ сказано въ VI и VII членахъ, т. е. въ томъ, „кто дѣйствиємъ Св. Духа чрезъ *Слово Божіе* присоединяется чрезъ крещеніе къ Церкви Христовой“ (VI чл.)

Этотъ порядокъ пользованія средствами благодати, чрезъ которыя Онъ (Богъ) привлекаетъ грѣшника, не можетъ быть измѣненъ нами, говорите вы, безъ преступленія Божественной воли“ (VI чл.)

Выводъ отсюда такой: чтобы не преступить Божественной воли и войти въ Церковь Христову чрезъ дверь крещенія, сначала надо быть наученнымъ Слову Божію, и Духъ Святой чрезъ Слово произведетъ обращеніе грѣшника и возрожденіе (VII чл.). Обратнo: кто не наученъ Слову Божію, въ томъ Духъ Святой *не можетъ* произвести обращенія и возрожденія, тотъ слѣдовательно не можетъ быть крещенъ, а потому не можетъ войти въ Церковь Христову, не можетъ наследовать спасенія и обрѣченъ на вѣчную гибель...

О, жестокосердые! Сами сознавая, что только чрезъ дверь крещенія можно войти въ Церковь Христову (VIII членовъ), вы только слабую надежду оставляете дѣтямъ стать членами ея, когда то въ будущемъ, въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, забывая, что „дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ (духъ смерти) и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его“ (Пс. 102, 15—16). Но оставимъ дѣтей, вы даете имъ хотя слабую надежду, а я теперь спрошу васъ, гг. баптисты, *какъ и когда* научите вы тѣхъ милліоны несчастныхъ людей, которые по воли Божіей рождались, рождаются и будутъ рождаться глухо-нѣмыми и слѣпыми, идиотами, эпилептиками, уродами? какъ научите тѣхъ несчастныхъ, которые въ дѣтскомъ, юношескомъ или зрѣломъ возрастѣ, еще не принявъ вашего крещенія, перенесли ли тяжелыя болѣзни и въ борьбѣ съ ними человѣческаго организма, или

въ силу несчастныхъ случаевъ механическаго поврежденія членовъ тѣла, лишаются способности мыслить, здраво разсуждать, слушать, говорить и видѣть? Какъ научите ихъ слову Божию? А разъ не научите, то куда вы ихъ дѣнете, куда пристроите некрещенныхъ?

А вѣдь сколько на свѣтѣ этихъ несчастныхъ, имѣющихъ душу по образу Божию созданную, душу живую, но только болѣзнь по волѣ Божіей сковала ихъ разсудокъ (мозгъ, какъ органъ мышленія), уши и языкъ; но и они люди, и за нихъ пролита на крестѣ Кровь Господня (I Иоан. 2, 2)! Отвѣтствуйте!

Пока же вы будете обдумывать отвѣтъ, я вправѣ сказать вамъ, что вы затворили для нихъ Царство Небесное Божіе (Матѣ. 23, 13), закрыли ту дверь, чрезъ которую входятъ въ Церковь Христову,—отняли, какъ и у дѣтей, святое крещеніе! Вѣдь правду скажите, въ вашихъ общинахъ, среди вашихъ „святыхъ“ нѣтъ ни одного калѣки изъ перечисленныхъ мной; проповѣдуя же, что спасеніе только у васъ, куда вы ихъ доните? За бортъ спасенія!..

Но вы устроите „свое“ царство Божіе изъ красавцевъ и умниковъ, а несчастныхъ калѣкъ и уродовъ приняла подъ кровь свой истинная Мать—печальница о дѣтяхъ своихъ—Церковь Христова, Православная!

Вотъ примѣръ: въ моемъ приходѣ сектантъ Пантелей Бережной, по смерти матери своей жены взялъ къ себѣ разумомъ обиженнаго брата жены, 20 лѣтъ, и началъ свою проповѣдь о спасеніи; но сколько ни бился онъ и другіе „святые“, а бѣдняга никакъ не могъ уразумѣть „живого и дѣйствннаго Слова Божія“ и нѣтъ-нѣтъ да и проявитъ то, чему учила его съ дѣтства покойница мать: любилъ бѣдняга осѣнять свою неразумную голову крестнымъ знаменіемъ... Видно, ученіе православія болѣе живо и дѣйственно! Бился, бился Пантелей и прогналъ бѣднягу отъ себя... Я видѣлъ его потомъ нѣсколько разъ въ своемъ храмѣ; прохожіе даютъ ему копѣечку, и онъ идетъ дальше... Итакъ, вопросъ мой въ слѣдующемъ: могутъ ли калѣки, мною перечисленные, быть членами Церкви Христовой и наследовать Царство Небесное? И если могутъ, то при какихъ условіяхъ?

3. Если нѣтъ, то „кто“ и „что“ лишаетъ ихъ Царства Небеснаго?

— Но чтобы предупредить повтореніе нелѣпныхъ отвѣтовъ, скажу, что на предложенные мной вопросы одинъ сектантъ отвѣчалъ такъ: „вами перечисленные калѣки, какъ неспособные мыслить (а глухонѣмые?), а потому и грѣшны, находятся въ состояніи дѣтства до старости, а потому они святы какъ дѣти (а первородный грѣхъ? Ш чл. о грѣхѣ), а тѣ, что въ болѣзняхъ въ зрѣломъ возрастѣ до принятія крещенія получили увѣче, то... они уже и за это прощены Богомъ“... На это я отвѣтилъ и отвѣчаю, что Господь не давалъ заповѣди идиотизмомъ замѣнять крещеніе, и говорить такъ—равносильно утвержденію, что идиотизмъ на ряду съ крещеніемъ можетъ быть дверью въ Церковь Христову. Нелѣпѣ этого придумать трудно!

Другой, отвѣчая, вдался въ разсужденіе о предопредѣленіи:—„разъ Господь допустилъ имъ родиться калѣками, ничего не смыслящими, или наказалъ отнятіемъ разума, то этимъ уже Господь показываетъ, что Онъ предопредѣлилъ ихъ къ вѣчной гибели“... Напрашивается вопросъ: „за что“? Мы знаемъ, что только хула на Духа Святаго не простится ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣкѣ (Мтѣ 12, 32), какую же хулу могъ произнести человѣкъ еще въ утробѣ матери, если родился бессмысленнымъ? (см. Іоан. 9, 2—3). И далѣе: „Духъ Господень на Мнѣ, говоритъ Господь, Онъ помазалъ Меня проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, отпустить измученныхъ на свободу“ (Лук. 4, 18) „да всякая плоть узритъ спасеніе Божіе“ (Лк. 3, 6). Нельзя здѣсь разумѣть только духовное плѣненіе, мученіе, освобожденіе и спасеніе, и тѣлесныя страданія, какъ слѣдствіе грѣха человѣка, относятся сюда, почему и сказано „всякая плоть“ узритъ спасеніе, и Господь Христосъ засвидѣтельствовалъ это, когда, преподавая Свое Божественное ученіе, въ то же время Самъ и ученикамъ далъ власть глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, разслабленныхъ, скорченныхъ, сухихъ (паралитиковъ и эпилептиковъ по нынѣшнему времени) исцѣлять, бѣсовъ изгонять и разрѣшать всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ (Мтѣ. 10; 1). Ясно отсюда, что физическое калѣчество, „хотя и отражающееся на духовно-умственной жизни человѣка, не есть способъ въ рукахъ Промысла не доу-

скать чрезъ него таковыхъ въ Царствіе Свое и не можетъ служить для насъ знакомъ предопредѣленія Божія. Развѣ скажете, что Господь въ данныхъ случаяхъ измѣнилъ Свое предопредѣленіе, *перепредопредѣлилъ*, но въ Немъ нѣтъ то „да“, то „нѣтъ“ (II Кор. 1, 19—20). Плохо различаете вы, гг. баптисты, понятія „душа“ и „разумъ“.

Разумъ есть только свойство души, созданной по образу и подобію Божію; это свойство ея проявляется въ мышленіи, выражается въ мысли; органомъ проявленія служить мозгъ, и когда парализуется мозгъ,—не значить, что парализуется свойство души; когда умираетъ тѣло, не значить, что умираетъ душа. Простой примѣръ: двигательный поршень, рычагъ въ машинѣ испортился; работа пріостановилась, но это не значить, что паръ потерялъ свою двигательную силу. Другой примѣръ: ты видишь въ зеркалѣ свое изображеніе; испортъ зеркало—его способность отражать предметы, и твой обликъ получится уже не яснымъ въ немъ и менѣе прекраснымъ; разбей, уничтожь зеркало, и твоего изображенія совсѣмъ не будетъ въ немъ, ты же остаешься существовать такимъ, какъ былъ въ зеркалѣ и какъ есть въ действительности. Такъ жива душа въ больномъ, искалѣченномъ тѣлѣ, и по разрѣшеніи ей надо возвратиться къ Богу, Который и далъ ее (Екл. 12, 7. Фил. 1, 23). Но какъ возвратится она не рожденная отъ Духа? (Іоан. 3, 3—8).

Слушай же, что Петру говоритъ Господь: „что Богъ очистилъ, того не почитай нечистымъ“ (Дѣян. 10, 15, 34, 38 и 45).

Третій прямо отвѣчалъ: „душа насъ объ этомъ разсужденіи не было“... Очень жалъ! Если же не было, то поразсуждайте и отвѣтайте!

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія: 21-го января. Часъ 9-й вечера 31 декабря, Пресвященный Теодоръ, Епископъ Сумскій, въ Кафедральномъ Успенскомъ

соборъ совершилъ всенощное бдѣніе въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ. Послѣ всеобщаго бдѣнія, окончившагося къ 12-ти час. ночи, былъ отслуженъ молебень по случаю наступленія Новаго года. Передъ молебномъ было произнесено слово священникомъ церкви Александровской больницы о. Николаемъ Загоровскимъ.

1-го Января, въ день Новаго года, въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ въ сослуженіи о. о. Архимандритовъ Іосифа и Аванасія, Ректора Семинаріи протоіеря А. Юшкова, каѳедрального протоіеря І. Гончаревскаго, ключаря протоіеря Г. Виноградова и протоіеря Л. Твердохлѣбова.

Послѣ литургіи—новогодній молебень былъ отслуженъ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ совместно съ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ, при участіи всего соборнаго и градскаго духовенства. На богослуженіи присутствовали: командиръ 10-го армейскаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Θ. В. Сиверсъ, вице-губернаторъ И. И. Стерлиговъ, генералитетъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся.

5-го Января, въ Каѳедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства, совершены: въ 9 час. утра—литургія, въ 2 часа дня—великая вечерня съ освященіемъ воды и въ 6 час. вечера—всеобщее бдѣніе.

Въ Покровскомъ монастырѣ великая вечерня съ освященіемъ воды и всеобщее бдѣніе (въ Крестовой церкви) совершены въ то же время—Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ.

6-го Января, въ праздникъ Богоявленія, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній въ Брестовой церкви Покровскаго монастыря совершилъ раннюю литургію (въ 6 час. утра), въ сослуженіи старшей братіи монастыря.

Въ Каѳедральномъ соборѣ, въ 9 час. утра, литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ въ сослуженіи о. о. Архимандритовъ Аванасія и Арсенія (епарх. миссіонера) и соборнаго духовенства.

По окончаніи литургіи—изъ собора на іордань былъ совершенъ крестный ходъ, вѣдъ городскимъ духовенствомъ, во главѣ съ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ, несшимъ на годовѣ святыи Крестъ. По пути слѣдованія, крестнаго хода, въ два ряда, шпалерами стояли, войска мѣстнаго гарнизона, съ 4-мя духовыми оркестрами, игравшими «Коль славетъ». На Лопанскомъ мосту, Преосвященный Θεодоръ совершилъ освященіе воды, при чемъ во время погруженія имъ св. креста въ воду, взводомъ солдатъ, былъ произведенъ трос-

кратный салютъ изъ ружей. По окончаніи освященія крестный ходъ возвратился обратно въ соборъ. Торжество освященія воды привлекло массу народа.

13 Января Преосвященный Епископъ Θεодоръ совершалъ литургію въ Харьковской Благовѣщенской церкви, въ сослуженіи протоіерея П. Θомина, ключаря протоіерея Г. Виноградова и священниковъ: С. Крохатскаго, З. Гладкова и Н. Чернелевскаго. Послѣ литургіи Преосвященный Θεодоръ совершилъ чинъ погребенія умершей жены бывшаго старосты сей церкви купца И. Г. Безчетвертнова—Лидіи Павловны Безчетвертновой.

17 Января—въ университетской церкви Преподобнаго Антонія Великаго, по случаю храмоваго праздника, была совершена божественная литургія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, совмѣстно съ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ и въ сослуженіи ректора Харьковской дух. Семинаріи протоіер. А. Юшкова, профессора богословія Харьковскаго Императорскаго университета протоіер. Н. Стеллецкаго, протоіер. В. Добровольскаго, ключаря собора протоіер. Г. Виноградова, благочиннаго 1-го окр. протоіер. В. Александрова и священника І. Шнокова. Въ концѣ литургіи профессоромъ протоіер. Н. Стеллецкимъ было произнесено слово, а по окончаніи оной Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою отслуженъ соборне молебень преподобному Антонію. На богослуженіи присутствовали: профессоръ университета во главѣ съ ректоромъ онаго профессоромъ Петушиломъ, студенты и много молящихся. Пѣлъ университетскій хоръ, подъ управленіемъ И. М. Турбѣврова.

20-го и 27-го Января, въ дни воскресные, Преосвященный Епископъ Θεодоръ совершалъ литургіи въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

1 февраля Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ всеобщее бдѣніе въ Крестовой церкви Покровскаго монастыря, а Преосвященный Θεодоръ—въ Каѳедральномъ соборѣ.

2-го февраля—въ праздникъ Срѣтенія Господня Преосвященный Епископъ Θεодоръ совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію, въ сослуженіи каѳедральнаго протоіерея И. Пончаревскаго, протоіерея Благовѣщенской церкви П. Θомина, ключаря протоіерея Г. Виноградова и протоіерея В. Александрова.

5 февраля, въ Каѳедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ совершено всеобщее бдѣніе и прочтаны акаѳистъ предъ Елецкой иконой Божіей Матери.

6 февраля, по случаю празднованія въ честь Елецкой иконы

Божіей Матери въ Каѳедральномъ соборѣ—божественную литургію и послѣ оной молебенъ Божіей Матери совершилъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ, въ сослуженіи о. о. Архимандритовъ Іосифа и Аѳанасія и соборнаго духовенства.

8 февраля, по случаю исполнившагося 10-лѣтняго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія на Харьковской каѳедрѣ, въ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ была торжественно совершена божественная литургія, а послѣ оной отслуженъ благодарственный молебенъ. На литургіи въ сослуженіи съ Преосвященнымъ были: настоятель Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря Архимандритъ Аристархъ, епархіальный миссіонеръ Архимандритъ Арсеній, ректоръ семинаріи протоіерей А. Юшковъ, профессоръ богословія Харьковского университета протоіерей Н. Стеллецкій, кафедральный прот. І. Гончаревскій, ключарь прот. Г. Виноградовъ, прот. Л. Твердохлѣбовъ, прот. В. Александровъ и благочинный Старобѣльскаго уѣзда 2 окр. священникъ І. Согинъ, а на молебнѣ участвовало все духовенство города Харькова.—Передъ молебномъ Преосвященный Θεодоръ произнесъ рѣчь, посвященную дѣятельности Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія. Кромѣ того, молебны были отслужены въ Покровскомъ монастырѣ, во всѣхъ городскихъ церквахъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ г. Харькова. Передъ молебномъ были произнесены рѣчи.

Около 1 часу дня все Харьковское духовенство приносило поздравленіе Высокопреосвященнѣйшему Арсенію въ его покояхъ. Отъ имени духовенства Владыку привѣтствовалъ Преосвященный Θεодоръ (напечат. въ журн. Вѣр. и Раз. см. № 3 февр. 1913 г.). Отъ имени причта и старосты каѳедральнаго собора привѣтствовалъ Владыку кафедральный протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, при чемъ Владыкѣ преподнесенъ былъ образъ Спасителя.

Высокопреосвященнѣйшій Архипастыръ былъ растроганъ привѣтствіями и выразилъ духовенству свою благодарность.—Кромѣ того, Высокопреосвященнѣйшаго Владыку привѣтствовали: вице-губернаторъ Н. П. Масальскій, попечитель учебнаго округа П. Э. Соколовскій, бывшій попечитель учебнаго округа С. А. Раевскій, окружный инспекторъ В. В. Шиховъ, начальствующія лица епархіальныхъ учрежденій и духовно-учебныхъ заведеній, представители многихъ правительственныхъ учрежденій, и много почитателей. Привѣтственныхъ телеграммъ прислано Владыкѣ свыше 100:—отъ духовныхъ академій, многихъ архіереевъ, отъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ,

духовно-учебныхъ заведеній, духовенства, гимназій, почитателей и друг.

10 февраля, въ недѣлю «о блудномъ сынѣ», и 17 февраля, въ недѣлю «мясопустную», Преосвященный Епископъ Θεодоръ совершалъ литургій въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

19 февраля, по случаю 52-й годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ Каѳедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ была торжественно совершена божественная литургія въ сослуженіи о. о. Архимандритовъ Аѳанасія и Арсенія и соборнаго духовенства. Послѣ литургій Преосвященнымъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, при участіи, кромѣ указанныхъ лицъ, всего городского духовенства. Соборный храмъ во время богослуженія былъ совершенно переполненъ молящимися.

Прот. Г. Виноградовъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

Открытие церковно-археологическаго общества и древне-хранилища.

Въ Новгородской епархіи 3 января 1913 года въ Новгородѣ, по почину епархіала Арсенія, состоялось открытіе церковно-археологическаго общества, которое имѣетъ цѣлью изученіе церковно-религіозной жизни Новгородскаго края въ ея прошломъ и отчасти въ настоящемъ. Матеріаломъ для этихъ изученій будутъ служить письменные и вещественные памятники церковной древности, какъ находящіеся въ церквахъ, монастыряхъ, архивахъ различныхъ епархіальныхъ учреждений—на мѣстахъ, такъ и тѣ предметы, которые образуютъ собраніе церковно-археологическаго древнехранилища. На ряду съ изученіемъ историко-археологическихъ памятниковъ новгородскаго прошлаго, общество будетъ заботиться объ охраненіи церковныхъ древностей и препятствовать разрушенію ихъ, частью перенесеніемъ ихъ въ древнехранилище, частью путемъ реставраціи, обмѣра, фотографированія, зарисовки въ краскахъ, подробнаго описанія и иныхъ научныхъ способовъ. Общество намѣрено издавать особыя сборники, въ которыхъ будутъ печататься рефераты, читанные и обсуждавшіеся въ засѣданіяхъ общества, исследования, мелкія замѣтки, тексты литературныхъ произведеній и описанія древностей. Последнее необходимо

потому, что многіе предметы и постройки могутъ уничтожаться, и такимъ образомъ хорошо исполненные снимки сохранять для науки то, что по тѣмъ или инымъ причинамъ обречено на исчезновеніе.

Одновременно съ созданіемъ общества, открыто новгородское церковно-археологическое древнехранилище. Ему давно надлежало быть въ этомъ городѣ-музеѣ, и открывается оно съ большимъ опозданіемъ. Но еще есть возможность спасти отъ гибели и расхищенія много памятниковъ въ монастыряхъ, церквахъ, часовняхъ, архивахъ епархіальныхъ учреждений и т. д. и сдѣлать ихъ достояніемъ науки. Выставка иконъ, устроенная лѣтомъ 1911 г. во время XV археологическаго съѣзда въ Новгородѣ, показала, что среди памятниковъ, найденныхъ на чердакахъ, колокольняхъ, въ подвалахъ, подъ лѣстницами и т. д., оказались цѣнные образцы новгородскаго иконографическаго искусства. Нѣкоторые изъ нихъ относятся не только къ XVI вѣку, какъ извѣстно, представленному очень небольшимъ числомъ иконъ даже въ столичныхъ музеяхъ, но и къ XV вѣку. Для многихъ спеціалистовъ, участниковъ съѣздовъ, такое открытіе было радостной новостью. Иконы XV вѣка единичны, достаточно не изучены ни со стороны сюжетовъ, ни со стороны техники. Особенно цѣнные результаты обнаружили послѣ реставраціи нѣкоторыхъ иконъ, присланныхъ на выставку и оставшихся въ распоряженіи епархіальнаго начальства. Подъ непроницаемымъ для глаза слоемъ копоти и вѣковой пыли, превратившейся въ твердую, черную массу, обнаружались свѣжія вѣковыя краски, такое художественное мастерство, такая тонкость и своеобразное изящество исполненія, что новорожденный музей въ правѣ гордиться этими единственными памятниками иконописи.

Къ вопросу объ устройствѣ братскихъ кружковъ по приходамъ.

Въ Новгородской епархіи Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ по поводу отзыва одного благочинническаго съѣзда, что: «хотѣльные ревнители православія имѣются въ нѣкоторыхъ приходяхъ, но сьорганизовать ихъ въ кружокъ или братство трудно, потому что они уклоняются отъ сего», и въ виду ссылокъ на это и другихъ съѣздовъ и священниковъ,—постановилъ пронечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ слѣдующее: Миссіонерскій Совѣтъ неоднократно предлагалъ духовенству епархіи и теперь снова настоятельно предлагаетъ неотложно озаботиться организаціей по приходамъ кружковъ, братствъ

ревнителей православія, чтобы такимъ путемъ постепенно сьорганизовать и весь приходъ въ дружную семью ревнителей Св. Вѣры и Церкви. Не задаваясь широкими планами, слѣдуетъ, не спѣша, но заботливо начать дѣло съ тѣхъ немногихъ усердныхъ христіанъ, которые есть во всякомъ приходѣ; ихъ слѣдуетъ священнику приблизить къ себѣ, чтобы воодушевлять ихъ на ревностное служеніе Церкви Христовой, читать и рассказывать имъ о всемъ полезномъ въ этомъ отношеніи, научить ихъ знать свою вѣру, чтобы отстаивать ее, когда нужно, и другихъ научать вѣрѣ и стоянію за нее. Это должны быть самыя простыя отеческія бесѣды пастыря съ пасомыми. Такіе воодушевленные его соратники и явятся самыми близкими и естественными его сотрудниками, ибо пастырю одному невозможно передѣлать всего дѣла, предъявляемаго къ нему нуждами времени болѣе, чѣмъ когда-либо. Такіе ревнители, раздѣляя труды пастыря, привлекутъ въ свое братство и новыхъ ревнителей и т. д. Развитие всего этого покажетъ—какъ упорядочить, расширить начатое въ скромныхъ размѣрахъ просвѣтительное дѣло. И Богъ благословитъ сіе Своею благодатію. Опытъ уже существующихъ подобныхъ братствъ и кружковъ ревнителей свидѣлствуетъ за возможность и плодотворность ихъ. И такъ, не слѣдуетъ ни одному пастырю Церкви отговариваться, что трудно сьорганизовать указанное дѣло. По нуждамъ времени это настоятельно необходимо,—пусть это знаетъ всякій священникъ, и Богъ поможетъ ему устроить дѣло, если онъ самъ на то воодушевится.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Костромской Ипатьевскій монастырь.
 14 марта 1613 г. вступилъ на царство Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Въ Троицкомъ соборѣ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря шестнадцатилѣтнимъ Царемъ была принята отъ всехъ еооловіи Руси вѣрноюданическая присяга, а 19 марта 1613 года Царь выѣхалъ въ Москву.
 Въ 1330 году Ордынскій князь Мурха Четь, рѣшившійся принять русское подданство, остановился больной для отдыха въ живописномъ мѣстѣ при впадѣніи р. Костромы въ Волгу. Во время сна явилась князю въ видѣніи Матерь Божья съ Младенцемъ Спасите-

лемъ и предстоящими св. апостоломъ Филиппомъ и священно-мученикомъ Ипатіемъ Гапрекимъ. Князь исцѣлился отъ недуга и вдохновенный чудомъ, по прибытіи въ Москву, крестился, подъ именемъ Захаріи; имъ основана на мѣстѣ видѣнія обитель иноковъ во имя муч. Ипатія.

Монастырь въ первоначальномъ видѣ (онъ былъ деревяннымъ) не сохранился и вообще до половины XVI в. свѣдѣнія о немъ почти не было. Въ XVI в. бояринъ Дмитрій Ивановичъ и конюшій Борисъ Феодоровичъ Годуновы перестроили обитель: деревянные—храмъ и ограда замѣнены каменными; въ 1642—3 гг. по повелѣнію Царя Михаила Феодоровича создана каменная ограда съ наугольными башнями, середина которой приходится на то мѣсто, до котораго духовенство и народъ провожали царя въ Москву.

Заботами бояръ Годуновыхъ монастырь украшается, пополняется драгоценною утварью, искусно писанными въ дорогихъ окладахъ иконами, златотканными пеленами... Но въ 1649 г. 29 января случилось несчастье: взорвалась «золотая казна»,—подсоборный подвалъ, гдѣ хранился порохъ, и храмъ почти весь былъ разрушенъ. Но въ теченіе двухъ лѣтъ возобновленъ вновь Троицкій соборъ по образцу Ярославскаго собора. Въ этомъ видѣ онъ сохранился донынѣ. Въ 1685 г. всѣ внутреннія стѣны храма были разписаны «*al fresco*» костромскими живописцами, славившимися своимъ искусствомъ.

Троицкій храмъ замѣчательнъ богатѣйшей ризницей и поразительной стѣнописью лучшихъ изографовъ XVII в. Кромѣ изображенія сценъ Ветхаго и Новаго Заветовъ и аллегорій изъ Апокалипсиса и Пѣсни Пѣсней—въ немъ сохранены портреты историческихъ лицъ и, между прочимъ, Царей Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича во весь ростъ. Прекрасно сохранившіяся фрески имѣютъ громадное значеніе для исторіи русскои живописи; являясь рѣдкимъ историческимъ памятникомъ, неизпорченнымъ пополненіями (кромя картины страшнаго суда въ галлерей, которая ижежена иконоплесцемъ Сафоновымъ). Декоративная мощь, красота тоновъ, графическая выразительность, разнообразіе богатѣйшаго орнамента, выдвигаютъ эту стѣнопись на первое мѣсто расцвѣта русскаго искусства XVII в.

Совершенно исключительными по богатству, техникѣ и искусству являются предметы, хранимые въ ризницѣ: иконы-складни; кресты и панагіи, церковные сосуды, митры, шитье и многія рукописныя и старопечатныя книги представляютъ безцѣнные сокровища древне-русскаго искусства. При храмѣ имѣется 9 рукописей Евангелій XVI—XVIII в.в.; особенно цѣнно Евангеліе, писанное въ 1435 г.

Замѣчательнѣ «Апостолъ» въ 1000 стр., изъ которыхъ на 500 помѣщены изображенія дивныхъ композицій, стильно нарисованныхъ и раскрашенныхъ водяными красками съ золотомъ. Нужно ихъ видѣть, чтобы оцѣнить неизъяснимую красоту былого русскаго искусства.

Потомки Захарія—Сабуровы, Пѣшковы, Шенны, Вельяминовы и особенно съ начала XVI в. Годуновы заботились о благолѣпнѣ Ипатьевскаго монастыря и многіе изъ нихъ погребены въ обители.

Изъ зданій монастыря представляютъ высокій интересъ «палаты боярь Романовыхъ». Михаилъ Ѳеодоровичъ въ юные годы укрылся въ обители съ матерью Марѳою Ивановной въ «намѣстническихъ келіяхъ». Полагаютъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ проживалъ здѣсь до избранія на царство. Въ настоящее время подъ наблюдениемъ Высочайше учрежденной комиссіи Троицкій соборъ Ипатьевскаго монастыря реставрируется архитекторомъ Д. В. Милѣевымъ.

Споръ о происхожденіи жизни.

Уже давно не замѣчалось такого оживленія къ научнымъ вопросамъ въ Англии, какое возбуждено теперь рѣчь профессора Шефера на британскомъ научномъ съѣздѣ. Можно, не преувеличивая сказать, что она породила цѣлую бурю въ научномъ мірѣ. Британскіе научныя съезды, говоритъ «Daily News», рѣдко возбуждали такой интересъ, или привлекали столько ученыхъ различныхъ школъ, какъ послѣднее засѣданіе названнаго съѣзда, посвященное обсужденію ботаниками и зоологами проблемы происхожденія жизни. Сторонники механическаго взгляда, принадлежащіе къ школѣ Шефера, и «виталисты», предводительствуемые докторомъ Гальденомъ, вступили другъ съ другомъ въ рѣшительный бой, въ то время какъ легкая кавалерія, представляющая всѣ отъѣвны промежуточные мнѣнія, выступала то съ той, то съ другой стороны. Надо признать, продолжаетъ газета, что въ общемъ сторонники механическаго взгляда имѣли перевѣсъ; но битвы такого рода никогда не бывають рѣшительными. Бой начался выступленіемъ профессора Минчина, который рѣшительно отказался опредѣлить, что такое жизнь, считая это невозможной задачей, и ограничился двумя простыми вопросами: чѣмъ было первое одаренное жизнью вещество, и какъ оно произошло и поддерживало существованіе. Но даже и второй вопросъ онъ нашелъ еще не созрѣвшимъ для обсуждения, а на первый отвѣтилъ словомъ «хроматинъ». Надо замѣтить, что хроматинъ—существенно важная часть каждой живой

кѣлки и болѣе извѣстенъ за поглощающее цвѣтные лучи вещество, дѣлающее строеніе кѣлки видимымъ подъ микроскопомъ. Хроматиновые зерна, по словамъ профессора Минчина, опредѣляютъ характеръ отпрысковъ и несутъ въ себѣ наследственность. Посредствомъ доводовъ, слишкомъ специальныхъ для ихъ изложенія, профессоръ пришелъ къ заключенію, что «первѣйшими формами на землѣ были чрезвычайно мелкія частички хроматина». Постепенно, въ теченіе эволюціи, эти хроматиновые зерна образовали вокругъ себя защищающій ихъ покровъ и изъ концентраціи и организаціи такихъ хроматиновыхъ зеренъ выросло ядро органической кѣлки. Такимъ образомъ, появилась первая кѣлка—наиболѣе важное событіе въ исторіи развитія живыхъ существъ. Профессоръ Минчинъ такъ же, какъ и профессоръ Шеферъ, отвергаетъ теорію внесенія жизни на землю изъ безконечныхъ пространствъ, или такъ называемую метеоритную теорію и вѣритъ въ возможность воспроизведенія жизни лабораторнымъ путемъ. Иныхъ взглядовъ придерживается профессоръ Вегеръ. Онъ полагаетъ, что въ рѣшеніи вопроса о жизни мы немного подвинулись впередъ, и что было бы легче обсуждать этотъ вопросъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда мы еще вѣрили «въ самопроизвольное зарожденіе мыши изъ сыра». Онъ не раздѣляетъ мнѣній профессора Минчина о зарожденіи жизни въ видѣ хроматина и предполагаетъ, что первой формой жизни на землѣ были водоросли и прежде всего появилась «цитоплазма». Такимъ образомъ «цитоплазмисты» и «хроматинисты» скрестили свои мечи. Профессоръ Макъ-Калломъ высказался за взглядъ Тиндаля, что матерія проникнута потенциаломъ жизни. Онъ полагаетъ, что первымъ существомъ на землѣ было ультра-микроскопическое «нѣчто», похожее на зародыши болѣзни. Профессоръ Муръ не только увѣренъ, что жизнь можетъ быть фабрикована въ лабораторіи, но и что она постоянно возникаетъ вокругъ насъ подъ дѣйствіемъ солнца на коллоидальныя вещества. Но такія сличенія самоувѣренныя належахъ охладитъ въступившій профессоръ Тартомъ. «Въ началѣ 70-хъ годовъ, сказалъ онъ, мы все въ Кембриджѣ думали, что черезъ нѣсколько лѣтъ вамъ удастся приготовить простѣйшее живое вещество и протоплазму—къ концу вѣка. Но вамъ это не удалось, и чѣмъ болѣе мы изучаемъ жизнь кѣлки, тѣмъ болѣе мы чувствуемъ, что мы дальше отъ проясненія въ ея тайну, чѣмъ когда-либо. («Россия»).

1913 годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

Годъ XXIV.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО О-ВА,
при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго О-ва.
на 1913 годъ.

Вышла 1-я (Январь—Февраль) книга 1913 г.

Содержаніе: Этика Метерлинка. В. Хвостова. Преобразование понятія сознанія въ современной гносеологіи и роль Шуппе въ этомъ движеніи. Н. Лоссаго. Монизмъ и плюрализмъ. Л. Лопатина. О цѣляхъ и принципахъ педагогики. М. М. Рубинштейна. Болцано и теорія науки. В. Нуцубидзе. Критика и библиографія. I. Библиографическій листокъ. II. Московское Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ). Объявленія.

Юбилейный № 103 продается отдѣльно. ц. 1 р. 50 к.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря), книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ съ 1-го января 1913 г. по 1-е января 1914 г. безъ доставки—6 р., съ доставкой—7 р., за границу—8 руб. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается ТОЛЬКО въ к-рѣ журнала: Пречистенка, Полуэктовъ п. д. 8, кв. 29 и книжн. магазинахъ Нов. Вр., Карбасникова, Вольфъ, Оглоблина и др.

Редакторъ *Л. М. Лопатинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

Православный Собесѣдникъ,

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ,

въ 1913 году

будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой и издаваться въ строго-православномъ духѣ и ученомъ направленіи.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Въ числѣ другихъ статей въ 1913 г. будутъ помѣщены лекціи профессоровъ Казанской Академіи, читанныя на законоучительскихъ курсахъ въ Августѣ истекшаго года, по догматикѣ, нравственному богословію, философіи, основному богословію, литургикѣ и церковной археологіи, библейской исторіи и педагогикѣ. *Лекціи по философіи проф. В. И. Несмѣлова* подъ заглавіемъ: „**Вѣра и знаніе съ точки зрѣнія гносеологіи**“ будетъ печататься съ *Июльской* книжки 1913 года.

Помимо обычныхъ отдѣловъ, въ 1913 г. будетъ открытъ новый „**ИНОРОДЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“, посвященный описанію современнаго быта и религіи инородцевъ Европейской и Азіатской Россіи, по слѣдующей программѣ:

I. Правительствоныя распоряженія.

II. Бытъ и нравы инородцевъ Европейской Россіи и Россіи Азіатской: христіанъ, мусульманъ, ламантовъ и шаманистовъ.

III. Религіозныя вѣрованія, законоположенія и установленія означенныхъ инородцевъ.

IV. Обзоръ текущей инородческой литературы.

V. Критика и библіографія.

Подписчики журнала „Православный Собесѣдникъ“ имѣютъ получить „Инородческое Обзорѣніе“ бесплатно при самомъ журналѣ, лица-же, желающія получить „Инородческое Обзорѣніе“ отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“, имѣютъ присылать: 1) за 4 книги въ годъ, въ размѣрѣ не болѣе 5 листовъ каждая, 3 рубля въ годъ, 2) за 1 книгу отдѣльно 75 коп., 3) за 2 книги отдѣльно 1 руб. 50 коп. и 4) за 3 книги отдѣльно 2 руб. 25 коп. съ доставкой и пересылкой.

Заказы на отдѣльныя книги „Инородческаго Обзорѣнія“, а равно статьи и замѣтки, предназначаемыя для „Инородческаго Обзорѣнія“ имѣютъ быть направляемы по адресу:

„Въ г. Казань. Николаю Федоровичу *Катанову*“.

Цѣна за полное годовое изданіе со всеми приложеніями къ нему, съ пересылкою во все мѣста имперіи—**СЕМЬ РУБЛЕЙ**.

при журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по Казанской Епархіи,

выходящія 4 раза въ мѣсяць, номерами до 2 печатныхъ листовъ въ каждомъ, убористаго шрифта. Цѣна Извѣстій **5 руб. въ годъ**.

Подписчикамъ на журналъ предоставляется право пріобрѣтать въ Редакціи нижеслѣдующія капитальныя изданія Казанской Академіи по значительно пониженнымъ цѣнамъ:

Дѣянія Вселенскихъ соборовъ. Семь томовъ за 14 р. (вмѣсто 20 р.).

Дѣянія Помѣстныхъ соборовъ за 1 р. 40 к. (вмѣсто 2 р.).

Благовѣстникъ Блаженнаго Теофилакта 4 тома за 5 р. (вмѣсто 7 р.).

Толкованіе Блаженнаго Теофилакта на весь Новый Завѣтъ (кроме Апокалипсиса) за 10 руб. (вмѣсто 14 р.).

Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго за 2 руб. (вмѣсто 3 р.).

Стоглавъ за 1 р. 40 к. (вмѣсто 2 р.).

Сочиненія Максима Грека. Три тома за 3 р. 50 к. (вмѣсто 5 р.).

Пересылка на счетъ редакціи.

Адресъ: Казань. Редакція Православнаго Собесѣдника.

Редакторъ, профессоръ *Вл. Никольскій*.

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

И ВСѢХЪ ДОБРЫХЪ РЕВНИТЕЛЕЙ ВѢРЫ ПРАВОСЛАВНОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

(подписной годъ съ 1-го марта)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ БЕЗПЛАТНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВЯТЕЛЪ“.

(Въ годъ около 300 страницъ текста и не менѣе 50 прекрасно исполненныхъ фото-цинкографіей картинъ на дорогой мѣловой бумагѣ), съ платнымъ приложеніемъ къ нему:

1000 назидательныхъ иллюстрированныхъ листковъ (религіозно-нравственнаго, патріотическаго и противуалкогольнаго содержанія)

подъ общимъ названіемъ

„КРУПИЦЫ ПИЩИ ДУХОВНОЙ“,

для раздачи народу (50 разныхъ названій въ годъ, по 20 экземпляровъ cadaго листка).

Листки „Крупцы пици духовной“ большого формата, въ 4 страницы; на 1-й страницѣ обязательно хорошая картинка.

Цѣна листковъ „Крупцы пици духовной“

(подписная цѣна на журналъ „СВЯТЕЛЪ“ съ приложеніемъ листковъ „Крупцы пици духовной“):

на 1 годъ—за 1000 листковъ и 12 номеровъ журнала	4 руб.
на 1/2 года—за 500 листковъ и 6 номеровъ журнала	2 „
на 3 мѣсяца за 240—250 листк. и 3 номера журнала	1 „

Съ пересылкой и доставкой по почтѣ.

Отдѣльно на журналъ „Святель“ подписка не принимается, листки же разныхъ названій, могутъ быть высланы почтовыми посылками по слѣдующимъ цѣнамъ: за 1000—4 р.; за 500—2 р. 25 к.; за 100—50 к. съ пересылкой.

Подробная программа съ образцами листковъ „Крупцы пици духовной“ высылается безплатно, по первому требованію.)

АДРЕСЪ: Редакція журнала «Святель», г. Уфа.

Редакторъ издатель *Священникъ* **И. Хожловъ.**

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религиозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“. „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. П. Корсунскаго.— „Религиозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.— прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.— прот. Т. И. Буткевича.— „Статьи объ антихриствѣ. Проф. А. Д. Вѣляева.— „Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.— прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.— прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новейшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журвала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, довѣги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истокинъ.